Макбэйн Э. Охота на сыщиков

Город и люди, описанные на этих страницах, существуют только в воображении автора. Все имена и названия вымышленные. Лишь в основе изображения повседневной жизни и работы полиции лежит подлинно существующая практика следствия.

Глава 1

С берега реки, обвивающей северную часть города, видно лишь одно необъятное небо. Глядишь в него почти с благоговением, и порой даже дух захватывает — так великолепна и величественна открывающаяся взору картина. Четкие силуэты зданий рассекают небесное пространство: горизонтали и вертикали, прямоугольники и остроконечные шпили, башни и минареты, узоры, узоры, узоры, выложенные в геометрическом единстве на голубом и белом фоне неба.

Ночью же на набережной попадаешь в сверкающую галактику ослепительных солнц, в паутину огней, протянувшуюся от реки к югу, где она окутывает город брызжущим светом электрической магии. Фонари вдоль шоссе, отражаясь в темной воде реки, двойной цепочкой окаймляют город. Светящиеся окна зданий взмывают ввысь яркими прямоугольниками, добираются до звезд и сливаются там с озаряющими небо алыми, зелеными, желтыми, оранжевыми сполохами неонового сияния. Светофоры вызывающе подмигивают разноцветными глазами, и весь Стем взрывается раскаленным сплетением бушующих, слепящих многоцветьем вспышек.

Город открывается мерцающей россыпью драгоценных камней, искрящихся чарующим сиянием.

Здания — всего лишь театральная декорация.

Обращенные фасадом к реке, здания лгут рукотворным чудом огней, но, когда в благоговении смотришь на них, от этой картины захватывает дух.

Позади зданий, там, где кончается карнавал света, затаились улицы.

На улицах мусор и отбросы.

Будильник заверещал в одиннадцать вечера.

Он привычно нащупал его в темноте и нажал кнопку. Занудливое стрекотание оборвалось, и в комнате стало очень тихо. Только слышалось рядом ровное дыхание Мэй. Несмотря на распахнутые настежь окна, в спальне висела липкая жара, и он вновь подумал о кондиционере, который все собирался купить — еще с тех пор, как только наступило лето. Наконец, нехотя сел и потер глаза пудовыми кулачищами.

Это был крупный крепкий блондин с взъерошенными сейчас прямыми волосами. Припухшие со сна глаза, обычно серые, теперь, в темноте, казались совершенно бесцветными. Он встал и потянулся. Спал он только в пижамных штанах, и когда с хрустом вскинул руки над головой, они соскользнули с мускулистого плоского живота. Он раздраженно крякнул, подтянул штаны и взглянул на Мэй.

Простыня сбилась в ногах сырым безжизненным комком. Мэй спала на боку, уютно свернувшись, ночная сорочка высоко вздернулась, обнажив живот. Он подошел к кровати и легонько коснулся ее бедра. Она что-то невнятно пробормотала и повернулась на другой бок. Он улыбнулся в темноте и пошел в ванную бриться.

Вся процедура уже давно была рассчитана по минутам, так что он знал, сколько времени у него займет бритье, сколько — одевание и сколько уйдет на то, чтобы наспех проглотить чашку кофе. Прежде чем взяться за бритву, он снял с руки часы и положил их на раковину, чтобы посматривать иногда время. В одиннадцать десять он начал одеваться: цветастая рубашка, присланная братом с Гавайев, бежевые габардиновые брюки, легкая поплиновая куртка. В левый задний карман положил носовой платок, потом сгреб с

туалетного столика бумажник и мелочь.

Выдвинув верхний ящик столика, он взял лежавший рядом со шкатулкой для драгоценностей Мэй револьвер 38-го калибра. Провел пальцем по жесткой коже кобуры и сунул ее в правый задний карман, прикрыв полой куртки. Закурил сигарету, завернул в кухню поставить на огонь воду для кофе и пошел проведать детей.

Мики спал, засунув, по своей привычке, большой палец в рот. Он провел ладонью по голове сынишки. Господи, какой же потный! Надо опять поговорить с Мэй насчет кондиционера. Просто нечестно мучить ребятишек в такой парилке. Подошел к кроватке Кэти и дотронулся до ее лба. Вроде бы не такой мокрый, как у ее брата. Ну она же девочка, девочки не потеют так сильно, как мальчишки. Тут из кухни послышался пронзительный свист чайника. Он взглянул на часы и улыбнулся.

В кухне он всыпал две чайные ложки растворимого кофе в большую чашку и залил ароматный порошок крутым кипятком.

Кофе он пил без молока и сахара. Только теперь почувствовал, что просыпается по-настоящему, и в сотый раз поклялся, что никогда больше не станет пытаться вздремнуть перед ночной сменой, — это же полный идиотизм. Ему надо привыкнуть спать по возвращении с работы. Какого черта он выигрывает? Пару часов, не больше. Надо обсудить это с Мэй. Он залпом допил кофе и вернулся в спальню.

Ему всегда нравилось смотреть на спящую жену. Правда, он при этом ощущал легкий стыд и неловкость: сон — это ведь что-то очень личное, и подсматривать за ничего не подозревающим человеком, в общем-то, не очень хорошо. Но господи, какая же она во сне красавица! Какого черта, честно или нечестно! Несколько секунд он разглядывал ее: разметавшиеся по подушке темные волосы, крутой изгиб бедра, столько женственности в обнаженном белом теле под вздернувшейся сорочкой. Подошел к краю кровати и осторожно откинул волосы с ее виска. Нежно-нежно дотронулся поцелуем, но она пошевелилась и окликнула:

— Майк?

— Спи, сладость, спи.

— Уже уходишь? — хрипло пробормотала она.

— Да.

— Поосторожнее там, Майк.

— Непременно. — Он улыбнулся в темноте. — А ты будь паинькой.

— Угу. — Она снова уткнулась в подушку.

Он украдкой посмотрел на нее в последний раз от двери, пересек гостиную и вышел из дому. Взглянул на часы. Одиннадцать тридцать. Точно по графику, и черт меня побери совсем, но на улице-то куда прохладнее!

В одиннадцать сорок одну, когда Майк Риардон был в трех кварталах от места работы, две пули вонзились ему в затылок и вырвали на излете половину лица. Он успел лишь ощутить удар и внезапную непереносимую боль, а потом его поглотила тьма, и он рухнул на тротуар.

Он умер прежде, чем коснулся земли.

Он был жителем этого города, и вот теперь его кровь липким красным пятном расплывалась вокруг изуродованной головы.

Другой житель города наткнулся на него в одиннадцать пятьдесят шесть и позвонил в полицию. Между жителем города, что бросился бежать к телефонной будке, и жителем города по имени Майк Риардон, что безжизненно скорчился на шершавом бетоне, не было большой разницы.

Разве только в одном.

Майк Риардон был полисменом.

Глава 2

Два детектива из отдела по расследованию убийств взирали на распростертое у их ног тело. Ночь была жаркой, и мухи роились над липкой кровью, пятнавшей мостовую. Опустившись на колени, помощник медицинского эксперта с привычной тщательностью осматривал труп. Фотограф из бюро идентификации суетливо моргал вспышкой. На противоположной стороне улицы припарковались радиофицированные патрульные машины № 23 и № 24, и их экипажи, с трудом пряча раздражение, сдерживали успевших собраться зевак.

Телефонный звонок поступил на один из двух коммутаторов полицейского управления, где сонный дежурный бесстрастно записал сообщение и переправил его пневматической почтой радиодиспетчеру. Тот, посмотрев на висевшую за спиной огромную карту города, распорядился, чтобы патрульные в автомобиле № 23 проверили поступившее сообщение о якобы истекающем на улице кровью человеке. Когда № 23-й доложил об убийстве, диспетчер связался с автомобилем № 24 и направил его к месту происшествия. В это же время дежурный на коммутаторе уведомил о случившемся отдел по расследованию убийств и 87-й полицейский участок, на территории которого был обнаружен труп.

Убитый лежал возле пустующего и заколоченного досками кинотеатра. Много лет назад, когда район еще слыл фешенебельным, это было первоклассное заведение. Но по мере того как разложение исподволь охватывало окрестности, кинотеатр стал показывать фильмы вторым экраном, потом перешел на старые ленты, а там докатился и до картин на иностранных языках. Дверь в левой части здания некогда тоже была забита досками, но их давно отодрали, и лестница была усыпана окурками, порожними фляжками из-под виски, останками презервативов. Тент, тянувшийся над тротуаром вдоль фасада, зиял рваными дырами — жертва камней, консервных банок, обрезков труб и прочего веселого хлама.

Через улицу напротив кинотеатра вольготно раскинулся пустырь. Когда-то там высился жилой дом — вполне достойный, с дорогими квартирами. В те добрые старые времена норковое манто, величаво плывущее его мраморным подъездом, было отнюдь не редкостью. Однако ползучие щупальца трущоб добрались-таки и до этого щеголя, цепко впились в кирпичи, втягивая дом во все расширяющийся круг, который считали своими владениями. Старое здание прекратило бессмысленное сопротивление и сдалось на милость трущоб, так что редко кто мог упомнить, что некогда это было элегантное и горделивое жилище. А потом его решили снести и сровняли с землей — и теперь на его месте образовался открытый всем ветрам гладкий пустырь. Лишь кое-где однообразие равнины нарушали рваные куски старой кирпичной кладки, словно вросшей в родную землю и отчаянно не желавшей с ней расставаться. Ходили слухи, что городские власти намерены затеять здесь новостройку. Пока же пустырь облюбовала окрестная ребятня, постоянно посещая его с различными целями. Большинство из этих целей имело отношение к естественным отправлениям человеческого организма, так что над пустырем плотно стояла густая вонь, которая в жаркую летнюю ночь становилась особенно могучей. Неспешно плывя к кинотеатру и сгущаясь там под свисающим тентом, она запахом жизни смешивалась с поднимающимся от мостовой запахом смерти.

Один из детективов отошел от трупа и углубился в осмотр тротуара. Его напарник остался стоять, глубокомысленно засунув руки в карманы брюк. Помощник медицинского эксперта был поглощен ритуалом констатации факта смерти человека, который был мертв вне всяких сомнений. Вернулся первый детектив.

— Видал? — окликнул он коллегу.

— Нашел чего?

— Пару стреляных гильз.

— Ну?

— Ремингтоновские патроны. 45-й калибр.

— Сунь в пакет. Не забудь регистрационные этикетки. Заканчиваете, док?

— Еще минутку.

Фотограф продолжал истязать вспышку. Он работал вдохновенно и истово, словно

агент по рекламе нашумевшего мюзикла. Крутил спиралями вокруг звезды спектакля, снимая с разных точек и под разными углами. Но все это время лицо его оставалось бесстрастным, только пот струился по спине, проступая сквозь липнущую к телу рубашку. Помощник медицинского эксперта отер ладонью лоб.

— Какого же черта ребята из 87-го не едут? — спросил первый детектив.

— Может, у них покер идет по крупной. Никак не оторваться, Ну, нам без них проще. — Напарник обернулся к врачу: — Что скажете, док?

— У меня все. — Помощник медицинского эксперта устало поднялся с колен.

— И что?

— Сами видите. Два выстрела в затылок. Смерть, вероятно, наступила мгновенно.

— Время установили?

— Шутите? При огнестрельном-то ранении?

— А мы думали, вы чудеса творите.

— Творим. Только не летом.

— Может, хоть приблизительно прикинете?

— Гадаем-то мы бесплатно. Трупное окоченение еще не наступило, так что, я бы сказал, убили его около получаса назад. Хотя при этакой жаре… Тело может сохранять нормальную температуру часами. Нет, не рискну. Даже после вскрытия…

— Ну ладно, ладно. Не возражаете, если мы попробуем установить его личность?

— Поосторожнее только, а то парни из лаборатории вам покажут. Так я пошел. — Врач взглянул на часы. — К сведению того, кто ведет хронометраж. Время — двенадцать девятнадцать.

— Да, короткий у нас сегодня рабочий день, — констатировал первый детектив и отметил время в блокноте.

Второй детектив, стоявший на коленях возле трупа, вдруг вскинул голову:

— Эй, а он при стволе!

— Да ты что!

Помощник медицинского эксперта удалился, стряхивая со лба капли пота.

— Похоже, 38-й калибр, — сообщил второй детектив.

Он внимательно осмотрел револьвер в кобуре.

— Точно. „Детективз спешиэл"[1]. Зарегистрируешь?

— Конечно.

Первый детектив услышал скрип тормозов остановившейся на противоположной стороне улицы машины. Передние дверцы распахнулись, выпустив двоих человек.

— А вот и 87-й, — не без сарказма объявил он.

— Как раз к чаю, — сухо заметил второй. — Кого они там прислали?

— Похоже, Кареллу и Буша. — Первый детектив вынул из кармана пиджака перетянутую резинкой стопку картонок. Извлек одну из-под резинового кольца, а остальные вернул в карман.

С одной стороны желтоватой карточки размером 3 на 5 дюймов[2] находилось отверстие, через которое была пропущена тонкая проволочка, скрученная так, что оставались два свободных конца. На картонке была отпечатана надпись: „Полицейское управление". Ниже и более жирным шрифтом — „Вещественное доказательство".

Неспешно приблизились Карелла и Буш, детективы из 87-го полицейского участка. Детектив из отдела по расследованию убийств бросил на них беглый взгляд и стал заполнять в карточке графу „Где обнаружено". На Карелле был синий костюм, серый галстук,

---

[1] Популярная модель среди американских детективов, приобретающих личное оружие за свой счет. (Здесь и далее — примечания переводчика.)

[2] Один дюйм — около 2,5 см.

аккуратно пристегнутый зажимом к белой рубашке. Буш был одет в оранжевую спортивную рубашку и защитного цвета брюки.

— Ну разве не Шустрый Гонсалес и Носимый Ураганом[3]? — не обращаясь ни к кому, язвительно вопросил второй детектив. — Разворотливые вы ребята, ничего не скажешь. А что же вы делаете, когда получаете сообщение о подложенной бомбе?

— Мы-то? Передаем его в отдел по обезвреживанию взрывных устройств, — сухо ответил Карелла. — А вы?

— Ох как остроумно, — огрызнулся детектив из отдела по расследованию убийств.

— Нас задержали, — примирительно сообщил Карелла.

— Оно и видно.

— Я оставался один на связи, когда поступил вызов, — продолжал Карелла. — Буш с Фостером выезжали на поножовщину в баре. А Риардон так и не появился.

Карелла помолчал.

— Я ведь верно говорю, Буш?

Буш кивнул.

— Если ты на связи, какого черта здесь делаешь? — усомнился первый детектив из отдела по расследованию убийств.

Карелла ухмыльнулся. Во всей его крупной, но отнюдь не тучной фигуре чувствовалась огромная сила, та настоящая сила, что таится в тренированных, без жиринки мышцах и которой не бывает в чревоугодной горе мяса. Широкий в плечах и узкий в бедрах шатен с карими глазами, своеобразный раскосый разрез которых придавал ему обманчиво азиатский облик, Карелла ухитрялся выглядеть безукоризненно одетым и элегантным даже тогда, когда, собираясь в засаду в портовой части города, наряжался в потертую кожаную куртку. Он широко развел массивные мосластые руки и дурашливо спросил:

— Чтобы я сидел на телефоне, квгда происходит убийство?! — Заулыбался еще шире: — Я Фостера посадил на связь. Он же, черт побери, практически новичок, совсем зеленый!

— Ну как у вас нынче с наваром, капают взяточки? — спросил второй детектив.

— Пошел ты! — сухо оборвал его Карелла.

— Везет же некоторым! Ну, с трупа-то уже ничего не возьмешь, будь уверен, — не унимался шутник из отдела по расследованию убийств.

— Хватит, ребята, — дружелюбно вмешался Буш. Он вообще отличался мягкой речью, и его тихий голос приводил в изумление от контраста с могучим телосложением: шесть футов[4] четыре дюйма рост и двести двадцать фунтов[5] вес — ни капли жира, обратите внимание. Волосы его были буйно взъерошены, словно мудрое Провидение одарило Буша мятежной шевелюрой в полном согласии с его фамилией[6]. Шевелюра была также ярко-рыжей и сейчас особенно хорошо смотрелась в сочетании с оранжевой спортивной рубашкой. Ее короткие рукава обнажали тяжелые мускулистые руки. Вдоль правой руки змеился ножевой шрам.

К занятым словесной перепалкой детективам надменно приблизился фотограф.

— Какого черта вы тут затеяли, а?! — разъяренно вопросил он.

— Пытаемся установить личность убитого, — ответил второй детектив, ошарашенный внезапным наскоком. — А что тут такого? В чем дело-то?

— Кто вам сказал, что я с ним закончил?

---

[3] Персонажи мультипликационных фильмов.

[4] Один фут — около 30 см.

[5] Один фунт — 453,6 г.

[6] Буш — кустарник *(англ.).*

— А разве нет?

— Да! Но нужно спрашивать!

— Господи! Да откуда ты взялся? Иди-ка домой, попроявляй свои негативы или что там еще, сделай одолжение, а?

Фотограф посмотрел на часы и выразительно крякнул, но не произнес ни слова, так что первому детективу самому пришлось свериться со своими часами, прежде чем занести время в блокнот. Заодно он, скинув несколько минут, отметил время прибытия Кареллы и Буша.

Карелла бросил взгляд на затылок убитого. Лицо детектива оставалось бесстрастным — разве что тень боли на мгновение появилась в глазах и так же быстро исчезла.

— Из пушки они, что ли, стреляли? — спросил он.

— 45-й калибр, — ответил первый детектив. — Мы нашли гильзы.

— Сколько?

— Две.

— Сходится, — заметил Карелла. — Ну, перевернем его?

— „Скорую" вызвали? — тихо спросил Буш.

— Ага. Сегодня что-то все запаздывают, — сказал первый детектив.

— Сегодня все в поту тонут, — поправил его Буш. — Пивка бы я сейчас выпил!

— Эй, ну-ка подсобите мне кто-нибудь! — позвал Карелла.

Второй детектив склонился над трупом, и вдвоем с Кареллой они перевернули тело на спину. Мухи взметнулись с оскорбленным жужжанием, но тут же стали опускаться на окровавленное месиво, недавно бывшее человеческим лицом. В темноте Карелла мог рассмотреть только страшную рану на месте левого глаза, Еще одна рана зияла под правым глазом, где осколки раздробленной скулы прорвали кожу.

— Бедняга, — вздохнул Карелла.

Он так и не смог привыкнуть смотреть в лицо смерти. Вот уже двадцать лет он был полисменом, научился переносить шок от встречи с физической смертью, но так и не сумел приучить себя мириться с другой стороной смерти: с покушением на личность, с мгновенным унижением бьющей ключом жизни до окровавленной, лишенной души плоти.

— Есть у кого-нибудь фонарь? — спросил Буш.

Первый детектив полез в левый задний карман. Нажал на кнопку, и на тротуар упал кружок света.

— Посвети-ка на лицо, — попросил Буш.

Круг света переместился на лицо убитого.

Буш громко сглотнул.

— Это же Риардон, — едва слышно произнес он. И снова, совсем уже шепотом: — Господи Иисусе, это же Майк Риардон.

Глава 3

В 87-м полицейском участке работало шестнадцать детективов, и Дэвид Фостер был одним из них. По правде говоря, детективов могло бы быть и сто шестнадцать, но и тогда бы они были завалены работой сверх головы. Территория участка простиралась от Набережного шоссе с его высоченными зданиями, кичащимися привратниками и лифтерами, к югу до Стема с его гастрономическими магазинами и кинотеатрами, Калвер-авеню и ирландских кварталов и еще далее — до пуэрториканских кварталов и парка Гровер включительно, где в изобилии водились грабители и насильники. С востока на запад территория участка охватывала не менее тридцати пяти улиц. В границы этого прямоугольника — между рекой на севере и парком на юге и в тридцати пяти кварталах с востока на запад — было втиснуто население численностью девяносто тысяч человек.

Дэвид Фостер был одним из них.

Дэвид Фостер был также негром.

Он родился и вырос на территории участка, и, достигнув 21 года, будучи здоровым и

телом и духом, а также на четыре дюйма выше требуемого минимального роста — пять футов восемь дюймов, имея стопроцентное (без очков) зрение и не имея судимостей, он держал и выдержал конкурсный экзамен для поступления на государственную службу и был назначен патрульным полицейским.,

В те времена начальное жалованье патрульного полицейского составляло 3725 долларов в год, и Фостер добросовестно отрабатывал каждый цент. Фактически Фостер отрабатывал свое жалованье настолько добросовестно, что уже спустя пять лет был назначен в следственно-розыскной отдел. Теперь он числился детективом III категории, и его жалованье составляло 5320 долларов в год. Но и эту сумму Фостер отрабатывал добросовестно и сполна.

В час ночи с 23 на 24 июля, когда его коллега Майк Риардон истекал кровью на тротуаре, Фостер отрабатывал свое жалованье, допрашивая некоего субъекта, которого они с Бушем задержали за поножовщину в баре[7].

Допрос проходил на втором этаже здания, где размещался полицейский участок. Справа от конторки дежурного на первом этаже неброская и грязноватая белая табличка с черными буквами, гласящая: „Следственно-розыскной отдел", и с изображением руки с вытянутым указательным пальцем уведомляет каждого посетителя, что быки [8] обитают этажом выше.

Ведущая туда металлическая лестница узка, но безупречно чиста. Проходите один марш из шестнадцати ступеней, затем поворачиваете и преодолеваете еще один марш из шестнадцати же ступеней, ну, вот вы и прибыли на место.

Место, куда вы прибыли, являет собой узкий полутемный коридор. Справа от лестничной площадки две двери с табличками „Раздевалка". Если повернете налево и пойдете по коридору, то вам попадутся на глаза деревянная планчатая скамья, лавка без спинки (загнанная в узкую нишу и загораживающая заваренные металлические двери, которые некогда вели в шахту лифта), дверь по правую руку, помеченная надписью „Мужской туалет", и дверь по левую руку, на которой висит маленькая табличка „Канцелярия".

В конце коридора находится кабинет, где размещаются детективы.

Первое, что там бросается в глаза, — это разделяющий комнату планчатый барьер. За ним вы можете видеть столы с телефонами, доску объявлений, на которой развешаны разнообразные фотографии, сообщения и уведомления, свисающую с потолка электрическую лампочку в стеклянном шаре, а там еще столы и зарешеченные окна, идущие по фасаду здания. Разглядеть, что находится за барьером справа от вас, не удастся, потому что стоящие в этой части комнаты столы загорожены двумя огромными металлическими шкафами. Именно в этой части кабинета Фостер и допрашивал того типа, которого чуть раньше, вечером, задержал в баре.

— Имя? — задал он ему первый вопрос.

— No hablo ingles, — ответил задержанный.

— Вот черт! — огорчился Фостер, крепко сложенный здоровяк с темно-шоколадной кожей и теплыми карими глазами. Закатанные рукава белой парадной сорочки с распахнутым воротом едва не лопались на могучих бицепсах.

— Cual es su nombre? — переспросил он на спотыкающемся испанском.

— Томас Перильо.

— Адрес? — Фостер запнулся и погрузился в раздумье. — Direction, что ли?

— Tres-tres-cuatro Mei-son.

---

[7] Следует иметь в виду, что функции американских детективов сочетают следственную и оперативно-розыскную работу.

[8] Общепринятая в США жаргонная кличка детективов.

— Возраст? Edad?

Перильо только пожал плечами.

— А, ладно! — согласился Фостер. — Так где нож? Ох, чтоб тебя! Так мы до утра не кончим. Слушай, donde esta el cuchillo? Puede usted decirme?

— Creo que no.

— Что значит „нет"? У тебя же был нож?

— No se.

— Слушай, сукин ты сын, с десяток людей видели тебя с ножом. Что скажешь на это?

Перильо молчал.

— Tiene usted un cuchillo? — снова завел Фостер.

— No.

— Врешь! — взорвался Фостер. — Был у тебя нож, был. Куда ты его дел после того, как полоснул того парня в баре?

— D6nde esta el servicio? — в свою очередь, спросил его Перильо.

— Да какое тебе дело, где мужская уборная, — оборвал его Фостер. — Стой прямо, Христа ради. Ты где находишься? Думаешь, у себя в бильярдной? Вынь руки из карманов!

Перильо лениво вытащил руки из карманов.

— Ну, так где нож?

— No se.

— „Не знаю, не знаю“, — передразнил его Фостер. — Ладно, проваливай отсюда к чертовой матери! Присядь на скамейку в коридоре. А я пока добуду полисмена, который говорит по-твоему, приятель. Давай, валяй в коридор!

— Bien, — согласился Перильо. — Donde esta el servicio?

— Слева в конце коридора. И не вздумай торчать там до утра.

Перильо вышел. Фостер сморщил лицо в гримасе отвращения. Порезал Перильо того парня не так уж сильно. Если они будут сбиваться с ног из-за каждой поножовщины, то у них ни на что другое времени не останется. Интересно, подумал он, как бы мне служилось в таком полицейском участке, где слово „резать“ употребляют только в сочетании со словом „индейка". Самодовольно улыбнувшись своему утонченному чувству юмора, Фостер придвинул пишущую машинку и принялся за отчет о расследовании квартирной кражи, приключившейся несколько дней назад.

Когда появились Карелла и Буш, было сразу видно, что они охвачены лихорадочной спешкой. Карелла чуть ли не бегом бросился сразу к телефону, быстро просмотрел лежавший рядом список и стал набирать номер.

— Что там у вас? — поинтересовался Фостер.

— Да это самое убийство, — бросил Карелла.

— Ну?

— Это был Майк.

— Не понял?

— Майк Риардон.

— Да ты что?! — не веря своим ушам, переспросил Фостер.

— Две пули в затылок. Звоню лейтенанту. Тянуть с этим делом он нам не позволит.

— Эй, он что, шутит? — обернулся Фостер к Бушу, но, увидев выражение его лица, сразу понял, что тут не до шуток.

Следственно-розыскным отделом 87-го участка командовал лейтенант Барнс. Его коренастую плотную фигуру венчала голова, формой напоминавшая заклепку. Не украшали лейтенанта и крошечные голубые глазки, но они многое повидали в этой жизни, и едва ли что-нибудь из происходящего вокруг могло проскользнуть для них не замеченным. Барнс знал, что территория его участка слывет беспокойным местом, и это ему даже нравилось. Полисмены нужны именно в неблагополучных окрестностях, любил говорить он, а потому гордился принадлежностью к отделу, который действительно оправдывал свое название. В этом отделе значилось шестнадцать человек, но теперь стало пятнадцать.

Десятеро из этих пятнадцати собрались сейчас вокруг него в кабинете отдела; остальные пятеро находились в засадах, и отозвать их оттуда было никак нельзя. Кабинет выглядел в точности так, как во время пересмегіки: кто-то из детективов сидел в своих креслах или устроился на краешке стола, другие переминались с ноги на ногу у зарешеченных окон или подпирали спинами металлические шкафы. Только вот обычных перченых шуток на этот раз не слышалось. Все уже знали, что Майк Риардон убит.

Барнс молча набивал трубку, толстыми умелыми пальцами уминая табак и не глядя на своих сотрудников.

Карелла не сводил с него глаз. Он восхищался лейтенантом и искренне уважал его, хотя немало детективов звали между собой Барнса „старым дерьмом". Карелла был знаком с детективами, работавшими в участках, где начальники, не утруждая мозговых извилин, признавали только кнут и держали подчиненных в ежовых рукавицах. Работать с тираном очень тяжело. Барнс же был совсем другим. Он был добросовестным полисменом и к тому же весьма умным и проницательным полисменом. Поэтому Карелла сейчас был весь внимание, хотя лейтенант продолжал молчать.

Барнс чиркнул спичкой и раскурил трубку. Всем своим видом он напоминал человека, которому некуда спешить и который поэтому, покончив с плотным обедом, собирается посмаковать стаканчик доброго портвейна. Однако внутри его крепкого черепа шла бешеная работа, а каждая клеточка тела была охвачена яростью — погиб один из его лучших людей.

— Митинговать не будем, — внезапно бросил он, выдохнув клуб дыма и разгоняя его широкой короткопалой ладонью. — Ступайте и отыщите мне этого подонка. Если читать газеты и, не дай бог, верить всему, что там пишут, то каждый якобы знает, почему именно в полиции терпеть не могут тёх, кто убивает полисменов. Это, мол, закон джунглей. Таков закон выживания. Полиция, мол, мстит за своего. Да чушь сплошная вся эта газетная писанина! Мы не можем допустить, чтобы убивали полисмена просто потому, что полисмен есть символ закона и порядка. Лишите общество этого символа — и улицы заполнит зверье. А зверья на улицах у нас и сейчас хватает.

Я хочу, чтобы вы нашли убийцу Риардона, но не потому, что Риардон был полисменом нашего участка, и даже не потому, что Риардон был первоклассным полисменом. Я хочу, чтобы вы нашли этого подонка потому, что Риардон был человеком, и чертовски неплохим человеком.

Поступайте, как считаете нужным, вы свое дело знаете. Жду донесений — обо всем, что удастся раскопать в наших досье, в ходе оперативных мероприятий. Только найдите его! Все.

Лейтенант вернулся в свой кабинет. Кто-то из детективов принялся листать папки, отыскивая информацию о бандюгах, питавших пристрастие к 45-му калибру. Другие взялись за папки со сведениями о ворах и воришках, которые в то или иное время могли сталкиваться с Майком Риардоном на узкой дорожке. Третьи методично сортировали карточки с приговорами, обращая особое внимание на те дела, которые вел Майк Риардон. Фостер выглянул в коридор и велел Перильо убираться домой и никогда больше не попадаться ему на глаза. Остальные детективы вышли на улицу, в том числе и Карелла с Бушем.

— У меня от него колики начинаются, — раздраженно пожаловался Буш. — Прямо Наполеоном себя воображает.

— Барнс неплохой мужик, — не согласился Карелла.

— А все равно строит из себя бог знает кого, — упорствовал Буш.

— Я смотрю, тебе все не по душе, — заметил Карелла. — Неуживчивый ты какой-то.

— Вот что я тебе скажу, — вспылил Буш. — У меня в этом проклятущем участке язва образовалась. Никогда ничего не было, а как перевели в ваш участок — сразу язва, а? С чего бы это?

Карелла мог бы назвать сотню вероятных причин, по которым у Буша образовалась язва, но сейчас вступать в пререкания ему не хотелось, и он промолчал.

— Звякну-ка я жене, — неожиданно заявил Буш.

— В два часа ночи? — изумился Карелла.

— А что тут такого? — В голосе Буша зазвучала открытая враждебность.

— Да ничего. Валяй, звони.

— Нет, что тут такого особенного, если мне хочется проверить? — настаивал Буш. И поспешно добавил: — Проверить, как она там. Заодно предупрежу ее, что у нас тут приключилось.

— Звони, я сказал.

— Какого черта, с этим убийством нас, может, сутками не будет дома.

— Вполне возможно.

— Так что, нельзя, что ли, позвонить жене и сказать, что у нас тут происходит?

— Слушай, ты что, действительно ищешь ссоры? — Карелла все еще улыбался.

— Нет.

— Тогда иди звони своей жене и оставь меня, наконец, в покое.

Они остановились у открытой кондитерской, и Буш зашел в нее позвонить. Карелла остался стоять на улице, повернувшись спиной к витрине.

Город притих. Жилые дома тянули чумазые, прокопченные сажей пальцы к мягкому покрывалу ночных небес. Время от времени в каком-нибудь туалете мелькало светом окно — словно внезапно приоткрывшийся глаз на незрячем лике спящего. Две молоденькие ирландки процокали высокими каблуками мимо кондитерской. Карелла бросил мимолетный взгляд на их стройные ножки и легкие летние платьица. Одна из девушек бесстыдно подмигнула ему, и обе подружки зашлись вызывающим смешком. А Кареллу почему-то посетило сначала смутное воспоминание, связанное с ирландской девчушкой и поднятыми юбками, и воспоминание нахлынуло и стало настолько отчетливым, что он понял, что оно таилось до поры до времени в глубинах его памяти, похоже, он где-то об этом читал. „Улисс“[9] , что ли? Да, эту книжку читать было непросто — сплошь прелестные девчушки и все такое прочее. Интересно, что читает Буш? Хотя Бушу не до чтения. Слишком уж озабочен своей женой. И чего он так переживает?

Карелла через плечо посмотрел в витрину кондитерской. Буш все еще торчал в телефонной будке, губы его шевелились с невероятной быстротой. Приказчик, навалившись на прилавок и рассеянно жуя зубочистку, склонился над бланком, обдумывая свои ставки на скачках. Патлатый подросток, пристроившись в самом конце прилавка, с упоением прихлебывал гоголь-моголь. Карелла глубоко вздохнул зловонный воздух. Дверь телефонной будки распахнулась, и появился Буш, суетливо отиравший взопревший лоб. Он кивнул на прощание приказчику и вышел на улицу к Карелле.

— Адская духотища в этой будке, — пожаловался Буш.

— Все в порядке? — поинтересовался Карелла.

— Конечно. — Буш окинул его подозрительным взглядом. — А в чем дело?

— Да я просто так спросил. С чего начнем, как думаешь?

— Ох и придется нам повозиться, чует мое сердце. Да ведь это мог быть любой затаивший злобу придурок!

— Или кто-то, застигнутый в процессе совершения преступления.

— Нам бы спихнуть это дело в отдел по расследованию убийств. У нас и своих по горло.

— Да мы еще и не начинали, — напомнил Карелла, — а ты уже жалуешься, что дел по горло. Что с тобой, Хэнк?

— Ничего со мной, — огрызнулся Буш. — Только, представь себе, я не думаю, что полисмены такие уж умники, вот и все.

— Интересная мысль особенно для полисмена.

---

[9] Роман английского писателя ирландского происхождения Джеймса Джойса (1882–1941), относящийся к 1922 г. и в свое время воспринятый, с обывательской точки зрения, как чисто эротическое произведение.

— А все же это так и есть. Слушай, вся эта болтовня о проницательных детективах — чепуха сплошная, и ты это знаешь не хуже меня. Все, что нужно детективу, — это пара крепких ног и упрямство. Ноги носят тебя по разным притонам, а упрямство не дает бросить это занятие. Надо только механически идти по каждому отдельному следу, и, если повезет, какой-нибудь выведет, куда нужно. А не повезет — тупик. Точка.

— А мозги, значит, здесь ни причем? Ума, по-твоему, не требуется?

— Если только совсем чуть-чуть. Полисмену много ума не нужно.

— Ладно.

— Что ладно?

— Ладно, не хочу спорить. Если Риардона убили, когда он пытался задержать кого-то в процессе совершения преступления…

— Ага, еще вот от этого меня прямо с души воротит…

— Послушать тебя, так ты полицейских прямо-таки ненавидишь, — заметил Карелла.

— А их в этом чертовом городе все ненавидят! Воображаешь, что кто-нибудь уважает полисмена? Символ закона и порядка. Чушь собачья! Старику нужно бы вылезти из своего кабинета и посмотреть, что здесь кругом творится. Любой оштрафованный за нарушение правил стоянки автоматически начинает ненавидеть всю полицию. Хак вот оно и бывает в настоящей жизни.

— Но так не должно быть, — уже с некоторым раздражением возразил Карелла.

Буш пожал плечами:

— А еще меня с души воротит от этой полицейской манеры разговаривать.

— Чего-чего? — удивился Карелла.

— „В процессе совершения преступления!" — передразнил Буш. — Вот ведь как полисмен излагает, а? Когда-нибудь слышал, чтобы полицейский сказал „Мы его поймали"? О, нет. Он обязательно скажет „Мы его обезвредили".

— Ни разу в жизни не слышал, чтобы полисмен сказал „Мы его обезвредили", — заявил Карелла.

— Ну, я имею в виду для официальных публикаций в газетах.

— Это совсем другое дело. Для газет все стараются говорить поцветистее.

— А полисмены стараются больше всех, — упорствовал Буш.

— И почему бы тебе не сдать полицейский жетон? Станешь таксистом или еще кем-нибудь, а?

— Да я и сам подумываю, — сказал Буш и вдруг расплылся в улыбке.

Всю эту запальчивую тираду он произносил своим обычным приглушенным голосом, и теперь, когда улыбался, было трудно представить, что секунду назад он был так разозлен.

— Знаешь, я подумал о барах, — переключился Карелла. — То есть, хочу сказать, если это месть или что-то в таком же роде, то вполне может быть кто-нибудь из нашей округи. И мы сможем кое-что разведать по барам. Кто знает?

— Согласен. Тем более что пивка я бы сейчас выпил. Как пришел на работу, все время пива хочется до смерти.

„Шэмрок" [10] был одним из миллионов баров, прославляющих это незатейливое название по всему миру. Он угнездился на Кал-вер-авеню между ломбардом и китайской прачечной. Заведение работало всю ночь и специализировалось на обслуживании ирландской клиентуры, населявшей Калвер. Иногда в „Шэмрок" забредал пуэрториканец, но подобных заблудших экскурсантов быстро отваживали завсегдатаи бара, обладавшие вспыльчивым нравом и увесистыми кулаками. Полицейские частенько наведывались в „Шэмрок", но отнюдь не затем, чтобы промочить горло, — употребление спиртных напитков при исполнении служебных обязанностей им строжайше запрещено, — но для того, чтобы удостовериться, что слишком уж взрывные характеры не вступают в реакцию с чрезмерным

---

[10] Трилистник, название растения, ставшего эмблемой Ирландии *(англ.)*.

количеством виски. В наши лишенные романтики дни рукопашные в весело разукрашенных стенах бара вспыхивали все реже и реже — куда реже, чем в добрые старые времена, когда окрестности только-только начали уступать пуэрториканскому нашествию. В те добрые старые времена пуэрториканцы, плохо зная английский язык, с трудом разбирая надписи на вывесках, заявлялись в „Шэмрок" с замечательно невежественным постоянством. Непоколебимые защитники Америки для американцев, без тени сомнений игнорируя тот факт, что пуэрториканцы были и остаются американцами, посвятили множество вечеров кулачному утверждению своей точки зрения. Так что радостный интерьер бара чуть ли не еженощно дополнительно расцвечивался пролитой кровью. Но все это кануло в добрые старые времена. В нынешние скучные времена можно было просидеть в „Шэмроке" целую неделю и полюбоваться всего-навсего одним, в лучшем случае парочкой раскроенных черепков.

В окне бара висел плакат с завлекающим призывом „Приглашаем дам“, однако, по всей видимости, дамы не спешили откликнуться на столь заманчивое предложение. Клиентуру составляли местные представители сильного пола, которым обрыдло безотрадное существование в четырех стенах их мрачных жилищ и которые искали беззаботного духа товарищества в компании других представителей сильного пола, у которых, в свою очередь, пребывание под кровом надоевшего семейного очага вызывало те же самые чувства. Их жены также стремились сменить обстановку, проводя вечера за игрой в бинго[11] по вторникам, в кинотеатре по средам, в кружке кройки и шитья по четвергам — и так далее и тому подобное. Так что плохого в дружеской выпивке в соседней таверне? Ничего.

Если только туда не заявляются легавые.

В полисменах вообще и в детективах в частности есть все же нечто отталкивающее. Конечно, можно заставить себя промямлить „Ну, как вы сегодня вечером, мистер Дуган…“ и дальше нести такой же никому не нужный вздор, более того, можно в глубине души питать искренние нежные чувства к какому-нибудь свежеиспеченному новобранцу, но кто станет отрицать, что одно присутствие сидящего рядом полисмена способно отравить все удовольствие от выпивки — да так, что и наутро еще будет мучить изжога. Нет, не то чтобы все имели что-нибудь против полиции, просто полисмены не должны шляться по барам и портить людям такое серьезное дело, как выпивка. Не должны они шататься по игорным домам и портить людям такое серьезное дело, как игра. И уж совсем недопустимо им ошиваться в борделях и портить людям такое серьезное — и глубоко личное при этом — дело, как маленькие шалости. Полисменам, честно говоря, вообще нечего крутиться вокруг нормальных людей, вот и все.

Ну а быки, простите, детективы — это те же полисмены, только еще хуже, потому что переодетые.

Так что же этим двум верзилам здесь нужно?

— Пива, Гарри, — попросил Буш.

— Сию минуту! — откликнулся бармен.

Он нацедил пива в стакан и принес его усевшимся в конце стойки Бушу и Карелле.

— Подходящая сегодня ночка пивка попить, в самый раз, а? — с энтузиазмом заявил он.

— За всю жизнь ни разу не встречал бармена, который удержался бы от рекламы пива в жаркую ночь, — сухо констатировал Буш.

Гарри выдавил из себя смешок, но только потому, что его собеседник был полисменом. Два завсегдатая за столиком для шафл-борда[12] вели азартную дискуссию вокруг проблемы независимого ирландского государства. В ночном киносеансе по телевидению крутили ленту

---

[11] Игра типа лото.

[12] Игра с передвижением деревянных кружочков по размеченной доске.

из жизни русской императрицы.

— А вы, ребята, здесь по делу? — осторожно поинтересовался Гарри.

— А у тебя что, и работенка для нас найдется? — спросил его в ответ Буш.

— Нет-нет, просто так спросил. У нас ведь лега… то есть, хочу сказать, детективы — редкие гости… — заторопился Гарри.

— Ну, это потому, что у тебя тут такое приличное заведение, прямо богадельня какая-то.

— Приличнее на всей Калвер-авеню не найдете.

— Особенно после того как у тебя телефонную будку убрали, — поддержал его Буш.

— Да, представляете, заявили, что нам слишком много звонили…

— Слишком много пари вы по телефону принимали, — ровным голосом поправил бармена Буш. Он поднял стакан, погрузил верхнюю губу в шапку пены и залпом выпил прохладное пиво.

— Все шутите, — слабо запротестовал Гарри. Ему даже вспоминать не хотелось о том, каким чудом он отвертелся от прокурора штата, вцепившегося в него из-за этой проклятой будки. — Ищете кого-нибудь, ребята? — снова попробовал бармен вернуться к казавшейся более безопасной для него теме.

— А вроде спокойная сегодня ночь, — уклончиво ответил Карелла.

Гарри льстиво улыбнулся, сверкнув золотым передним зубом.

— Ну, у нас-то всегда спокойно, сами, ребята, знаете.

— Знаем, знаем. — Карелла кивнул головой. — Дэнни Джимп заглядывал?

— Нет, сегодня не видел. А что? Стряслось чего?

— Хорошее пиво, — удовлетворенно ответил ему Буш.

— Еще?

— Нет, спасибо.

— Слушайте, а точно ничего не случилось?

— Да что это с тобой, Гарри? Кто-то натворил здесь чего? — удивился Карелла.

— Что? Да нет. Эй, господь с вами, ребята, нет, конечно? Откуда вы взяли? Просто немножко странно, что вы зашли. То есть, я хочу сказать, что у нас как раз все тихо, спокойно, а тут вдруг вы…

— Вот и славно, что тихо, спокойно, — утешил его Карелла и вдруг быстро спросил: — А недавно ни у кого здесь пистолета не видел?

— Пистолета?! — задохнулся Гарри.

— Ага.

— Какого пистолета?

— А какой ты видел?

— Никакого я не видел. — Теперь лицо бармена начал заливать обильный пот. Он налил себе пива и торопливо опорожнил стакан.

— И даже самопала ни у кого из этой сопливой шпаны? — вкрадчиво вступил Буш.

— А, самопалы, — облегченно вздохнул Гарри, вытирая с губ пивную пену. — Самопалы-то обычная вещь…

— И ничего крупнее?

— Крупнее? Вроде 32-го или 38-го калибра?

— Вроде 45-го, — уточнил Карелла.

— В последний раз 45-й калибр я здесь видел лет этак… — начал бармен и покачал головой. — Нет, это вам не поможет. А что случилось? Кого-нибудь стрельнули?

— Так сколько именно лет назад, говоришь? — не дал ему уклониться Буш.

— Лет пять-шесть, должно быть. Пацан. Только-только из армии. Завалился в бар, ну и помахал немного пушкой. Нарывался на неприятности. Так Доули в момент его успокоил. Вы ведь помните Доули? Он патрулировал по этому маршруту, пока его не перевели в другой участок. Приятный малый, этот Доули. Всегда заходил к нам в бар и…

— Он по-прежнему живет здесь неподалеку? — перебил бармена Буш.

— А? Кто?
— Ну, этот малый с пистолетом?
— Ах, вы про него. — Гарри вскинул брови. — А что?
— Я тебя спрашиваю, — терпеливо повторил Буш, — он по-прежнему живет здесь неподалеку?
— По моему, да. А что?
— Где?
— Послушайте, — стал объяснять Гарри, — я никому не хочу неприятностей…
— Об этом не беспокойся, — утешил его Буш. — И пистолет по-прежнему при нем?
— Вот этого я не знаю.
— Так что тут произошло в тот вечер? Когда Доули его успокаивал?
— Да ничего. Парень был пьян в стельку. Сами понимаете, только что из армии и все такое.
— Что все такое?
— Ну, помахал слегка пистолетиком. Да у него к патронов-то не было.
— Ты в этом уверен?
— Не совсем.
— Доули забрал у него пистолет?
— Ну… — Гарри запнулся и отер лоб. — По-моему, Доули пистолета и в глаза не видел.
— Как же так, если он его успокаивал?
— Ну… — начал объяснять Гарри, — просто один из ребят увидел, что Доули идет к бару, и они все утихомирили пацана и увели его отсюда…
— Еще до того, как появился Доули?
— Ну да. Послушайте, у меня приличное заведение. Все тихо, спокойно. Я не хочу неприятностей, вы меня понимаете?
— Мы тебя понимаем, — заверил его Буш. — Так где живет этот малый?
Гарри моргнул и уставился в блестящую поверхность стойки.
— Где? — настаивал Буш.
— На Калвер.
— Где точно на Калвер?
— Угол Калвер и Мэйсон. Послушайте, ребята…
— А этот малый говорил что-нибудь вроде того, что не любит полисменов? — спросил Карелла.
— Нет, что вы! — поспешно ответил Гарри. — Да он неплохой пацан. Перебрал в тот вечер, вот и все.
— Ты знаешь Майка Риардона?
— Конечно, — обрадовался Гарри.
— А этот твой малый знает Майка?
— Понятия не имею.
— Как его зовут?
— Послушайте же, ну, набрался парень, вот и все. Да и когда это было!
— Зовут его как, тебя спрашивают!
— Фрэнк. Фрэнк Кларк.
— Как по-твоему, Стив? — обратился Буш к Карелле. Карелла с сомнением пожал плечами:
— Слишком легко и просто. По-моему, пустой номер.
— А все же давай проверим, — предложил Буш.

Глава 4

В густонаселенных домах царит множество запахов, и это не один только запах

капусты. Для многих запах капусты представляется приятным здоровым запахом, и найдется немало людей, которые отвергают настойчивую пропагандистскую болтовню, обязательно связывающую капусту с нищетой.

Запах в густонаселенном доме — это запах жизни.

Это запах всех функций жизнедеятельности: пота, стряпни, испражнений, размножения. Все эти запахи сливаются в одно гигантское зловоние, которое так и бьет в ноздри, как только попадаешь в подъезд. Потому что запах копится внутри дома десятками и десятками лет. Он пропитывает доски пола и просачивается сквозь стены. Он липнет к перилам и стелется по линолеуму на ступенях. Он забивается в углы и роится вокруг голых лампочек на лестничных площадках. Запах здесь присутствует всегда, днем и ночью. Но этот запах жизни никогда не знает ни сияния солнца, ни хрупкого мерцания звезд.

Вонища стояла здесь и в три часа утра 24 июля. Стояла во всей своей мощи, спертая не остывшими от дневного зноя стенами. Она обрушилась на Кареллу и Буша, едва они переступили порог. Карелла звучно чихнул, зажег спичку и осветил почтовые ящики.

— Вот и он, — обрадовался Буш. — Номер три Б.

Карелла задул спичку, и они направились к лестнице. Под ней теснились выставленные на ночь мусорные баки. Источаемый ими аромат органично вплетался в многоголосый хор прочих запахов, и все вместе они согласно сливались в богатейшее попурри гниения. Дом спал, но запахи бодрствовали. На втором этаже разносился чей-то оглушительный храп. На каждой двери низко над полом в услужливом ожидании молочника уныло свисали проволочные петли для бутылок.

На одной из дверей была укреплена плакетка с надписью „Спаси нас Бог!“, а за ней наверняка находился „полицейский замок": стальной брус, одним концом на шарнире вмурованный в пол, а другим упертый в дверную створку.

Карелла и Буш вскарабкались на третий этаж. Лампочка на лестничной площадке не горела. Буш чиркнул спичкой.

— Вон его дверь, через площадку. У него там 45-й калибр, не забыл?

— Хочешь составить все по высшему разряду? — засомневался было Карелла.

— А какого черта? Моей жене еще рановато получать по страховке, — твердо заявил Буш.

Они прокрались к двери и прижались к стене по обе стороны от нее. Привычно изготовили револьверы. Карелле на секунду подумалось, что оружие может и не понадобиться, но осторожность еще никому не повредила. Он постучал левой рукой в дверь.

— Спит, наверное, — предположил Буш.

— Значит, совесть чиста, — пошутил Карелла и снова постучал в дверь.

— Кто там? — раздался голос за дверью.

— Полиция. Открывайте.

— О, боже, — пробормотали в квартире. — Минутку.

— Похоже, стрельбы не будет, — заметил Буш и спрятал револьвер в кобуру.

Карелла последовал его примеру. В глубине квартиры скрипнула кровать, и женский голос произнес:

— Что там такое?

Они услышали приближающиеся к двери шаги, кто-то завозился с „полицейским замком“, тяжелый стальной брус с лязганьем упал на пол. Дверь приоткрылась.

— Что нужно? — спросил голос через образовавшуюся щель.

— Полиция. Есть ряд вопросов.

— Среди ночи? Нельзя до утра подождать?

— Боюсь, нельзя.

— Да что стряслось-то? Воры в доме?

— Нет. Нам нужно спросить вас кое о чем. Вы ведь Фрэнк Кларк?

— Ну? — ответил Кларк. — Покажите ваш жетон.

Карелла достал из кармана кожаный бумажник, к внутренней стороне которого был

пришпилен его жетон. Он подержал его перед щелью.

— Не видать ничего, — пожаловался Кларк. — Секундочку.

— Кто там? — спросила женщина.

— Полиция, — пробурчал Кларк.

Он отошел от двери, и в квартире вспыхнул свет. Кларк вернулся к двери, и Карелла снова поднес к щели бумажник с жетоном.

— Ага, теперь вижу, — сообщил ему Кларк. — Так чего нужно-то?

— У вас есть пистолет 45-го калибра, Кларк?

— Что?!

— Пистолет 45-го калибра.

— Господи боже мой, и это все? И из-за этого вы барабаните в дверь среди ночи? Вы вообще в своем уме? Мне утром на работу.

— Есть у вас пистолет или нет?

— А кто вам сказал, что он у меня есть?

— Вас это не касается. Так есть или нет?

— А вам-то зачем знать? Я весь вечер был дома.

— И кто-нибудь сможет подтвердить это под присягой?

Кларк понизил голос:

— Послушайте, я не один, понимаете? Войдите же в мое положение!

— Как насчет пистолета?

— Ну, есть, есть у меня пистолет.

— 45-го калибра?

— Ага, точно, 45-го.

— Не возражаете, если мы на него взглянем?

— Да зачем вам? У меня есть разрешение.

— Нам бы все же хотелось посмотреть на ваш пистолет.

— Господи! Что же это такое? Я же говорю вам, у меня есть разрешение. Что я вам сделал? Чего вам от меня нужно?

— Взглянуть на ваш пистолет, — настаивал Буш. — Несите его сюда.

— Не имеете права вламываться ко мне без ордера на обыск. И нести пистолет не заставите. Не желаю — и точка, хоть вы тресните!

— Сколько лет вашей подружке? — неожиданно поинтересовался Буш.

— Что?

— Что слышали. Проснитесь, наконец, Кларк!

— Ну, этот номер у вас не пройдет, — обрадовался Кларк. — Ей двадцать один, и мы помолвлены к тому же.

Из соседней комнаты кто-то злобно заорал:

— Заткнитесь вы там, бога ради! Хотите трепаться всю ночь, найдите другое место!

— Может, позволите нам зайти, Кларк? — миролюбиво попросил Карелла. — А то мы всех соседей перебудим.

— А зачем мне вас впускать, — упорствовал Кларк. — Принесите ордер на обыск сначала.

— Слушайте внимательно, Кларк. Убит полисмен, и стреляли в него из пистолета 45-го калибра. На вашем месте я бы не стал упрямиться. На вашем месте я бы изо всех сил постарался доказать свою непричастность. Соображаете, Кларк?

— Полисмена убили?! Боже милостивый, полисмена? Что же вы сразу не сказали! Подождите минутку, добро? Всего секундочку!

Он отошел от двери. Карелле было слышно, как он разговаривает с женщиной и ее ответный шепот. Кларк вернулся к двери и снял цепочку.

— Заходите, — пригласил он.

Мойка на кухне была завалена грязными тарелками. Кухня представляла собой тесный прямоугольник шесть на восемь футов, к ней примыкала спальня. Ведущий в нее дверной

проем загораживала молодая женщина, невысокая коренастая блондинка с опухшими со сна глазами, одетая в мужской купальный халат. Она поморгала на свет и враждебно уставилась на входящих в кухню Кареллу и Буша.

Кларк, коротышка с кустистыми черными бровями над карими глазами, с длинным перебитым носом и толстыми вывороченными губами, весь зарос щетиной. Одетый только в пижамные штаны, он, полуголый и босой, дожидался полисменов в кухне. Капающая из крана вода отстукивала на грязных тарелках свои незатейливые ритмы.

— Пистолет, — напомнил Буш.

— У меня есть разрешение, — стоял на своем Кларк. — Закурить-то можно?

— Вы у себя дома.

— Глэдис! — позвал Кларк. — Там где-то на комоде пачка сигарет. И спички прихвати, а?

Женщина исчезла в темноте спальни, а Кларк прошептал:

— Подходящее времечко вы выбрали для визита, ничего не скажешь! — Он попытался изобразить улыбку, но вид Кареллы и Буша обескуражил его в самом начале усилий, и улыбка так и не состоялась.

Женщина принесла мятую пачку сигарет, вытащила себе одну и протянула остальные Кларку. Тот закурил сигарету и вернул коробку спичек женщине.

— У вас какое разрешение? — спросил Карелла. — Ношение, хранение?

— Ношение, — ответил Кларк.

— Каким же это образом вам удалось?

— Сначала-то было только на хранение. Я зарегистрировал пистолет, как только вернулся из армии. Мне его подарили, — объяснил Кларк. И торопливо добавил: — Капитан наш подарил.

— Дальше.

— Ну вот, значит, получил я разрешение на хранение, а потом, когда устроился на работу к ювелиру, оформил разрешение на ношение оружия. Вроде мне приходилось перевозить кучу ценностей и все такое прочее, понимаете?

— И когда это было?

— Да пару месяцев назад, что ли.

— У какого ювелира работаете?

— Ушел я от него, — сообщил Кларк.

— Ладно, несите пистолет. И разрешение заодно.

— Момент. — Кларк подошел к мойке, подержал сигарету под прохудившимся краном и бросил размокший окурок в груду тарелок. Потом, обойдя женщину, скрылся в спальне.

— Нашли время для расспросов, — раздраженно упрекнула их женщина.

— Очень сожалею, мисс, — извинился Карелла.

— Ага, оно и видно, — зло буркнула женщина.

— Мы вовсе не хотели будить спящую красавицу, — язвительно сказал Буш.

— Неужели? Тогда зачем же разбудили? — Она подняла одну бровь и манерно выпустила струйку дыма, совсем как виденные ею в кино коварные обольстительницы.

Вернулся Кларк с пистолетом в руке. Правая рука Буша незаметно скользнула к кобуре.

— Положите на стол, — распорядился Карелла.

Кларк положил пистолет на стол.

— Заряжен? — спросил Карелла.

— Вроде бы.

— Вы что, не знаете?

— Я его и в руки не брал, с тех пор как ушел от ювелира.

Карелла обернул пистолет носовым платком и поднял его. Вынул обойму.

— Заряжен, — констатировал он и понюхал ствол.

— А вот это лишнее, — заявил Кларк. — После армии из него не стреляли ни разу.

— Хотя один раз чуть-чуть не открыли пальбу, а, Кларк?

— Чего-чего?
— А в тот вечер в „Шэмроке"?
— Вот откуда ветер дует! Господи, надрался я тогда до чертиков, и все дела.
Карелла вставил обойму на место.
— Так где разрешение, Кларк?
— Ах, да! Что-то не нашел я его.
— А вы уверены, что оно у вас есть?
— Шутите, что ли! Конечно, есть. Просто подевалось, не знаю куда.
— А вы поищите-ка еще. Только на этот раз хорошенько.
— Да искал я уже хорошенько. Нету нигде. Слушайте, есть у меня разрешение. Вы же можете проверить. Что я, обманывать вас стану? А кого убили-то, ну, вы сказали, полисмена?
— Идите ищите разрешение, Кларк, — настаивал Буш.
— Да говорю же вам, завалилось куда-то. Есть оно у меня, есть!
— Было, дружище, — поправил Карелла. — Вы его только что утратили.
— Как это? — удивился Кларк.
— Когда полисмен просит вас предъявить разрешение, или вы его предъявляете, или вас его лишают.
— Господи! Ну, засунул я его куда-то… Вы же все это можете проверить. Да что с вами такое? Я ничего не сделал. Весь вечер был дома. Спросите Глэдис. Что я, вру, Глэдис?
— Он весь вечер был дома, — подтвердила Глэдис.
— Пистолет мы забираем, — сказал Карелла. — Дай ему расписку, Хэнк.
— Из него сколько лет не стреляли! — твердил Кларк. — Сами убедитесь. И насчет разрешения проверьте.
— Ладно, дадим вам знать, как и что, — оборвал его Карелла. — Кстати, из города никуда не собираетесь?
— А?
— Из города, говорю, никуда не…
— Нет. Нет! Куда?
— Обратно в койку, например. Хоть поспать немного, — предложила блондинка.

Глава 5

Когда Карелла пришел на службу в четыре часа дня 24 июля, на его столе лежал ответ на запрос по поводу разрешения на ношение Кларком оружия. Карелла работал до восьми утра, потом пошел домой, поспал часов шесть и вот теперь опять сидел за своим рабочим столом. Ничто в нем, кроме разве слегка воспаленных век, не выдавало, что он провел долгую бессонную ночь.

Весь день стояла жара, плотно окутавшая город тяжелым, нездорово желтым покрывалом знойного марева. Карелла не любил жару. Он никогда не любил лето, даже в детстве. А сейчас, когда он вырос и стал полицейским, наиболее примечательным в летнем периоде для него было лишь то обстоятельство, что в это время года куда быстрее появляется трупный запах.

Едва войдя в кабинет, Карелла ослабил узел галстука, расстегнул воротничок и закатал рукава рубашки. Взяв со стола копию разрешения, он бегло просмотрел заполненный на пишущей машинке бланк. Да, у Кларка действительно было разрешение на ношение пистолета. Но это отнюдь не означало, что он не стрелял из этого пистолета в полисмена по имени Майк Риардон.

Карелла отодвинул документ на край стола, посмотрел на часы и тут же потянулся к телефону. Торопливо набрал домашний номер Буша и в тревоге стал ждать, сжимая сразу вспотевшей ладонью тедефонную трубку. После шестого гудка ему ответил женский голос:
— Алло?

— Элис?

— Кто это?

— Стив Карелла.

— О, привет, Стив!

— Разбудил?

— Да.

— Хэнка еще нет. У него все в порядке?

— Да. Он вышел вовремя, — ответила Элис.

Сонные нотки уже исчезли из ее голоса. Элис Буш была женой полисмена и, как и все жены полисменов, спала в те же часы, когда спал муж, приспосабливая свой распорядок дня к его расписанию. Карелле множество раз доводилось звонить ей по утрам и днем, и он всегда восхищался, как мгновенно переходит она от сна к яви — на протяжении буквально трех-четырех фраз. Когда Элис только поднимала трубку, ее голос неизбежно звучал как шелест савана подобравшейся вплотную смерти. По мере того как развивалась беседа, в нем начинало звучать жалобное поскуливание пожилого эрдельтерьера, которое затем наконец переходило в волнующее, зазывно сексуальное воркование, каковое и было обычным голосом супруги Буша. Карелла видел ее однажды, когда во время ночного дежурства они с Хэнком заскочили куда-то перекусить и Элис решила к ним присоединиться. Поэтому Карелла знал, что жена Буша представляет из себя энергичную блондинку с потрясающе изумительной фигурой и самыми карими глазами, какие ему доводилось когда-либо видеть. Из того, что Хэнк щедро рассказывал об интимных аспектах своей семейной жизни, Карелле было известно, что Элис спала в облегающих черных полупрозрачных ночных сорочках. Подобная осведомленность здорово нервировала его, поскольку всякий раз, когда Карелле приходилось телефонным звонком поднимать Элис с кровати, воображение автоматически рисовало ему округлые формы блондинки, неизменно облаченные именно в такие экзотические одежды, какие со вкусом описывал Хэнк.

Поэтому Карелла всегда старался до минимума сократить телефонные разговоры с Элис, мучаясь чувством вины за столь экстравагантные качества своего высоко художественного воображения. В это утро, однако, Элис, похоже, была расположена поболтать и оборвать беседу ему пока не позволяла.

— Насколько мне известно, одного из ваших коллег кокнули? — сказала она.

Карелла, несмотря на всю мрачность темы, не смог удержаться от улыбки. Элис порой удавалось самым забавным образом сочетать изысканный „королевский" английский язык с отборными образчиками блатного и полицейского жаргона.

— Да, это верно, — подтвердил он.

— Ужасно сожалею, — продолжала Элис изменившимся соответственно настроению тембром. — Пожалуйста, будьте осторожны, ты и Хэнк. Если какая-то дешевка палит на улице…

— Мь(будем осторожны, обещаю, — заверил ее Карелла. — Извини, Элис, мне надо бежать.

— Оставляю Хэнка в надежных руках, — заявила Элис и повесила трубку, не прощаясь.

Карелла улыбнулся, пожал плечами и тоже положил трубку. Дэвид Фостер, сияя свежевыбритым шоколадным лицом, неторопливо приблизился к его столу:

— Здорово, Стив.

— Салют, Дэйв. Что у тебя?

— Баллистическая экспертиза по тому пистолету, что ты принес ночью.

— Есть что-нибудь?

— Из него бог знает сколько лет не стреляли.

— Что ж, одним меньше. Теперь нам осталось проверить всего девять миллионов девятьсот девяносто девять тысяч других жителей этого славного города.

— Не по душе мне, когда полисменов убивают, — заявил Фостер, угрожающе насупив

брови и наморщив лоб, что сразу придало ему сходство с быком, в ярости нагибающим рога’гую голову перед броском на красную тряпку. — Майк был моим Напарником. Отличный был мужик, надо сказать.

— Я знаю.

— Я все пытаюсь вычислить, кто 6j.i это мог быть. У меня вот здесь собственное бюро идентификации. — Дэвид постучал пальцем себе по лбу. — Я мысленно листаю и просматриваю папки с фотографиями одну за другой. Пока по нулям, но дайте мне время. Кто-то, должно быть, затаил злобу на Майка, и, когда я признаю эту образину, он пожалеет, что не удрал куда-нибудь подальше, вроде Аляски.

— По правде сказать, — признался Карелла, — я бы тоже хотел оказаться сейчас на Аляске.

— Жарковато, а? — согласился Фостер, классически недооценивая температуру и влажность.

— Да. — Краешком глаза Карелла заметил идущего по коридору Буша.

Войдя в кабинет, Буш расписался в журнале „Приход — уход“, добрался до стола Кареллы, придвинул вращающееся кресло и рухнул в него с безутешно несчастным видом.

— Тяжелая ночка? — улыбаясь, поинтересовался Фостер.

— Не то слово! — поправил его Буш своим обычным тихим голосом.

— С Кларком ничего не вышло, — проинформировал его Карелла. — Все чисто.

— Я так и думал. Теперь что будем делать?

— Хороший вопрос, — одобрительно отозвался Карелла.

— А что судебно-медицинская экспертиза?

— От них пока ничего нет.

— Ребята прихватили там какую-то шпану. Ждут допроса, — вмешался Фостер. — Может, пощупаем их предварительно, а?

— Они где, внизу? — спросил Карелла.

— Ага, в отеле, — подтвердил Фостер, имея в виду камеры предварительного заключения на первом этаже здания.

— Распорядись, чтобы привели их сюда.

— Момент, — согласился Фостер.

— А где шкипер? -

— В отделе по расследованию убийств. Пытается расшевелить их, чтобы они действительно взялись за это дело по-настоящему.

— Утреннюю газету видел? — спросил Буш.

— Нет еще.

— Майк попал на первую страницу. Вот, взгляни. — Он положил газету Карелле на стол.

Тот поднял ее так, чтобы говоривший по телефону Фостер тоже мог видеть.

— „Убийца стрелял в спину", - ворчливо прочитал вслух Фостер. — Подонок паршивый!

Он положил трубку, и все закурили. Буш попросил по телефону прислать кофе, и тут доставили задержанных.

Оба были небриты, высоки ростом, одеты в спортивные рубашки с короткими рукавами. На этом физическое сходство заканчивалось. Один из задержанных был смазлив, с правильными чертами лица и ровными, ослепительно белыми зубами. Второй выглядел так, словно бросил вызов бетономешалке и потерпел поражение. Карелла моментально узнал обоих. Мысленно он перебирал имеющиеся на них в досье сведения.

— Их что, вместе взяли? — спросил он у полисмена в форме, который конвоировал арестантов.

— Ага, — ответил тот. -

— И где же?

— Угол Тринадцатой и Шипп. Сидели в припаркованном автомобиле.

— Законом это, как известно, не запрещается, — вызывающе заметил красавчик.

— В три часа ночи, — уточнил полисмен.

— Ладно, — сказал ему Карелла. — Спасибо.

— Зовут-то как? — ласково поинтересовался Буш у красавчика.

— Сам знаешь.

— А ты повтори, повтори свое имя. Мне нравится слушать, как оно звучит.

— Устал я чего-то.

— Еще не так устанешь к тому времени, как мы с вами закончим, — пообещал ему Буш. — Хватит ломать комедию, отвечай на вопросы. Имя?

— Терри.

— А дальше?

— Терри Маккарти. Спрашивает еще, когда сам знает. Черт бы тебя побрал совсем!

— А как насчет твоего дружка, Терри?

— И его ты знаешь. Кларенс Келли.

— И чем же вы занимались в автомобиле? — полюбопытствовал Карелла.

— Картинки голенькие разглядывали, — издевательски хихикнул Маккарти.

— Хранение порнографии, — казенным голосом констатировал Карелла. — Занеси в протокол, Хэнк.

— Эй, обожди маленько! — запротестовал Маккарти. — Это я сострил так.

— А ты не трать мое время на свои дурацкие остроты! — рявкнул Карелла.

— Ладно, ладно, больше не буду, не пыли.

— Что делали в машине, спрашиваю!

— Сидели.

— Вы всегда по ночам сидите в машине? В три часа утра? — вмешался Фостер.

— Бывает иногда, — ответил Маккарти.

— Чем еще занимались?

— Беседовали.

— О чем же, интересно знать?

— Обо всем помаленьку.

— О философии в том числе? — ровным голосом задал вопрос Буш.

— Ага, и о ней тоже, — охотно подтвердил Маккарти.

— И к каким же выводам в этой связи вы пришли, можно узнать?

— Мы пришли к такому выводу, что сидеть в три часа ночи в припаркованном автомобиле вредно для здоровья, потому что всегда найдется какой-нибудь легавый, которому до смерти нужно пополнить свой счет арестов.

Карелла постучал карандашом по столу:

— Не выводи меня из себя, Маккарти. Я спал сегодня всего шесть часов, и настроения терпеть твои кривляния у меня нет. Ты знавал Майка Риардона?

— Кого?

— Майк Риардон. Детектив, работал в нашем участке.

Маккарти недоумевающе пожал плечами и обернулся к Келли:

— Мы его знаем, Кларенс?

— Ага, — сказал тот. — Риардон. Знакомое что-то.

— И насколько знакомое? — захотел уточнить Фостер.

— Пока чуть-чуть. — Келли отмерил крошечную частичку корявого с траурной каймой ногтя и расхохотался. Но тут же оборвал смех, увидев, что быки не склонны оценить его юмор.

— Вчера вечером его не встречали?

— Нет, — вступил Маккарти.

— А ты-то откуда знаешь?

— Вчера вечером мы вообще ни одного быка не встречали, — поспешил ему на помощь Келли.

— Так вы что, частенько с полицией встречаетесь?
— Иногда случается, — скромно признался Келли.
— Оружие при вас было, когда забирали?
— Что?
— Ну, хватит, — предупредил Фостер.
— Не было.
— Мы ведь проверим.
— Валяй, проверяй. У нас на двоих даже водяного пистолетика не было.
— Все-таки что вы там делали, в машине?
— Я же вам только что все объяснил, — упрямо гнул свое Маккарти.
— Твои сказки нас не устраивают. Попробуй что-нибудь новенькое, — предложил Карелла.
Келли сокрушенно вздохнул. Маккарти бросил на него удивленный взгляд.
— Ну? — поторопил Карелла.
— Я хотел посмотреть за своей бабой, — потупясь, заявил Келли.
— Ну да? — усомнился Буш.
— Истинная правда, — закипятился Келли. — Бог свидетель, чтоб мне сдохнуть на этом самом месте!
— А чего тебе за ней смотреть? — недоумевал Буш.
— Ну, знаешь…
— Нет, не знаю. Просвети.
— Я думал, может, она развлекается где-то на стороне.
— С кем развлекается-то? — спросил Буш.
— Вот это я и хотел выяснить.
— А тебе там чего надо было, Маккарти?
— А я помогал ему выяснять, — нагло ухмыльнулся Маккарти.
— Ну и что, выяснили? — поинтересовался Буш, на лице которого появилось выражение нескрываемой скуки.
— Да все нормально оказалось. Ошибся я, — успокоил его Келли.
— Не выясняй ничего больше, — предупредил его Буш. — А то в следующий раз прихватим вас с фомкой[13].
— С фомкой! — повторил Маккарти, потрясенный столь оскорбительным предположением.
— Вот это да, детектив Буш, — обиделся и Келли. — Я думал, вы нас лучше знаете.
— Проваливайте оба отсюда! — скомандовал Буш.
— Мы можем идти домой? — тоном пай-мальчика спросил Келли.
— Что до меня, так можете идти хоть к чертовой бабушке! — с чувством сообщил Буш.
— А вот и кофе! — объявил Фостер.
Обретшие свободу узники величественно удалились из кабинета. Детективы расплатились с рассыльным за кофе и сдвинули стулья вокруг одного из столов.
— Вчера рассказали отличный анекдот, — интригующе начал Фостер.
— Давай послушаем, — заинтересовался Карелла.
— Значит, мужик работает на стройке, понял?
— Ага.
— Леса — шестьдесят этажей над улицей. Понял?
— Ну?
— А тут обед. Он собирает инструмент, усаживается на краешке
и устраивает на коленях коробку с едой. Открывает коробку, достает сэндвич, аккуратно снимает вощеную обертку. Откусывает от сэндвича. „Вот черт, с арахисовым

---

[13] Так на воровском жаргоне называется инструмент взломщиков.

маслом!" — сердится он и запускает сэндвичем с шестидесятого этажа.

— Ничего не понимаю, — заметил Буш, глотнув кофе.

— Да я еще не кончил, — утешил его Фостер, давясь еле сдерживаемым смехом.

— Валяй дальше! — попросил его Карелла.

— Опять лезет в коробку, — улыбаясь, продолжал Фостер. — Достает еще сэндвич. Очень аккуратно снимает вощеную обертку. Откусывает. „Вот черт, с арахисовым маслом!" И второй сэндвич тоже летит с шестидесятого этажа. Разворачивает третий сэндвич. На этот раз попался с ветчиной. Вот это ему нравится. Так что он уминает сэндвич до последней крошки.[14]

— Так всю ночь будет продолжаться? — высказал предположение Буш.

— Да потерпи ты немного, — попросил его Фостер. — Разворачивает четвертый сэндвич. Откусывает. „Вот черт, с арахисовым маслом!“ — и швыряет сэндвич вниз. Ну, вот, а чуть ниже него на лесах сидит другой мужик. Посмотрел, посмотрел и говорит: „Слушай, приятель, ты женат?“ „Женат“, — отвечает тот. Второй мужик сокрушенно трясет головой: „Давно?“ Первый говорит: „Десять лет“. А второй и удивляется: „Десять лет, а твоя жена до сих пор не знает, какие сэндвичи ты любишь?" Тогда первый грозит ему пальцем и говорит: „Слушай, сукин ты сын, жену мою не трожь! Сэндвичи я сам себе делаю!“

Карелла скорчился в приступе хохота, чуть не захлебнувшись кофе. Буш с каменным лицом уставился на Фостера.

— Все равно ничего не понимаю. Что же смешного в том, что у женатого десять лет человека жена не знает, какие сэндвичи ему нравятся? Не смешно это. Это трагично.

— Сэндвичи он себе сам делает, понял ты, нет? — пытался втолковать ему Фостер.

— Тогда это, значит, психологический анекдот. А психологические анекдоты до меня не доходят. Чтобы понять психологический анекдот, надо самому быть психом.

— А мне вот понравилось, — заявил Карелла.

— Ну и что? Это только подтверждает мою точку зрения, — не сдавался Буш.

— Хэнк просто не выспался, — утешил Фостера Карелла.

Фостер в ответ понимающе подмигнул.

— Прекрасно выспался, — возразил Буш.

— Ну, тогда все понятно, — многозначительно протянул Карелла.

— А что ты этим хочешь сказать? — обиделся Буш.

— Ладно, замнем. Пей кофе.

— Человек не понял анекдота, так сразу надо лезть в его интимную жизнь. Я, например, не спрашиваю, выспался ты или нет?

— Не спрашиваешь, — согласился Карелла.

— Вот и все.

Вошел патрульный полисмен.

— Дежурный сержант просил передать. — Он протянул Карелле плотный пакет. — Только что получено.

— Наверное, акт судебно-медицинской экспертизы, — высказал догадку Карелла. — Спасибо.

Патрульный молча кивнул и вышел. Карелла вскрыл пакет.

— Ну? — поторопил его Фостер.

— Точно. И еще что-то. — Карелла извлек из пакета стандартный бланк. — А, это по поводу пуль, извлеченных из деревянной стенки кассы кинотеатра, что была позади трупа Майка.

— Дай-ка взглянуть, — попросил Хэнк.

Карелла протянул ему бланк, содержавший различные сведения о калибре, весе, материале пуль и об оставленных на них нарезкой следах.

— Так, ремингтоновские пули. И что это нам дает? — Буш еще не остыл от недавней

14

перепалки.

— Ничего, — пожал плечами Карелла. — До тех пор, правда, пока мы не найдем пистолет, из которого они отстреляны.

— А что там в акте судебно-медицинской экспертизы? — спросил Фостер.

Карелла вынул из пакета еще один бланк.

АКТ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ОСМОТРА ТРУПА

МАЙК РИАРДОН

Пол — мужской. Возраст — на вид 42 года, хронологический — 38 лет. Вес — приблизительно 210 фунтов. Рост — 189 см.

Общий осмотр

ГОЛОВА. В 3,1 см влево от наружного затылочного выступа (инион) наблюдается округлое отверстие размером 1,0 на 1,25 см. Края раны слегка вогнуты. В зоне ожога и зоне осаднения обнаруживается вкрапление множества пороховых частиц. Введенный в рану в затылочной части черепа катетер № 22 проходит внутри черепной коробки и выходит наружу из правой глазницы. Выходное отверстие представляет собой рану с рваными краями диаметром 3,7 см.

В 6,2 см влево от верхушки сосцевидного отростка правой височной кости наблюдается второе отверстие размером 1,0 на 1,33 см. Введенный в него катетер № 22 проходит внутри черепной коробки и выходит наружу через отверстие диаметром около 3,5 см в верхней челюсти. Остальная часть верхней челюсти раздроблена.

ТУЛОВИЩЕ. При общем осмотре остальной части тела видимой патологии не обнаружено.

В документе содержались также сведения о результатах трепанации черепа и микроскопического исследования мозгового вещества, но детективы поняли, что эти детали вряд ли помогут им найти убийцу, даже если они совместными усилиями и смогли бы разобраться в мудреных медицинских терминах.

Карелла удрученно вздохнул и посмотрел на часы:

— Ох и долгая нам предстоит ночка, ребятки!

Глава 6

Он не виделся с Тедди Фрэнклин с того самого вечера, когда погиб Майк.

Обычно, бегая по своим полицейским делам, Карелла ухитрялся выкроить хотя бы несколько минут, чтобы побыть с нею. О свободном от работы времени и говорить нечего — он его все проводил с этой девушкой, потому что был влюблен в нее безумно.

Они познакомились месяцев шесть назад, когда Тедди еще работала в небольшой фирме, занимаясь рассылкой почты. В фирме случилась кража, расследовать которую поручили Карелле. Исполненная жизнерадостности красота Тедди пленила его с первого взгляда. Не теряя ни секунды, он пригласил ее на свидание, получил согласие — с этого все и началось. Одновременно он успешно провел следствие и раскрыл кражу, но теперь это представлялось уже не важным. Самым важным теперь была Тедди. Даже и сама фирма — как, впрочем, и большинство мелких фирм, — исчезла с лица земли, канув в бездну корпоративного распада и оставив Тедди без работы, но с некоторыми сбережениями, достаточными, чтобы продержаться какое-то время. Карелла всем сердцем надеялся, что это какое-то время будет недолгим. Потому что именно эту девушку он желал себе в жены. Он страстно желал, чтобы именно эта девушка принадлежала ему и только одному ему.

Устремившись мыслями к Тедди, Карелла на чем свет стоит клял все, что сейчас оттягивало долгожданный миг встречи с нею: ленивые светофоры, экспертизы — баллистические, судебно-медицинские и какие там есть еще, негодяев, стреляющих полисменам в затылок. Досталось и дьявольскому изобретению под названием телефон, поскольку этот, в общем-то, нужный инструмент для Тедди был абсолютно бесполезен. Карелла посмотрел на часы: вот уже скоро и полночь, а Тедди не знает, что он мчится

навестить ее. Но он все же рискнет, будь что будет. Он должен ее видеть.

Подъехав к дому в Риверхеде, где Тедди снимала квартиру, Карелла поставил машину и запер дверцы. Безлюдная улица погрузилась в глубокую тишину. Дом, старый и степенный, был сплошь увит плющом. В эту душную ночь в нем светилось несколько окон, но большинство жильцов спало или пыталось заснуть. Он отыскал ее окно и с облегчением увидел, что у Тедди еще горит свет. Торопясь, бросился вверх по лестнице и остановился у ее двери. Но стучать не стал.

Стучать в дверь к Тедди не имело смысла.

Карелла ухватил дверную ручку и несколько раз повернул ее из стороны в сторону. Через несколько секунд услышал ее приближающиеся шаги, дверь приоткрылась и тут же распахнулась настежь.

На Тедди была пижама, задуманная не лишенным остроумия модельером как тюремная роба: куртка и брюки в продольную черную и белую полосы. Даже в тускловатом свете лестничной площадки ее иссиня-черные волосы сияли вороненым блеском. Карелла закрыл за собой дверь, и она тут же очутилась в его объятиях, потом чуть отодвинулась, и он в который раз восхитился необыкновенной выразительностью ее глаз и губ. Глаза Тедди искрились неподдельной и нескрываемой радостью. Ее губы приоткрылись, сверкнула ровная полоска мелких белоснежных зубов, она подняла лицо и поцеловала Кареллу, и он ощутил нежное тепло ее тела под тонкой пижамой.

— Привет, малышка! — не без труда выговорил он, потому что Тедди целовала его губы на каждом слоге.

Улыбнувшись, она взяла его за руку и потянула в гостиную.

Там она подняла вытянутый указательный палец правой руки к своему лицу, призывая к вниманию.

— Что? — спросил он ее, но Тедди, уже передумав, замотала головой и пригласила его сначала сесть.

Заботливо взбив подушку, она усадила его в кресло, а сама устроилась на широком подлокотнике. Склонив голову на сторону, вновь подняла указательный палец.

— Продолжай, — предложил Карелла. — Я слушаю.

Она пристально следила за его губами и, когда он кончил фразу, загадочно улыбнулась. Опустила палец, указывая на белый лоскуток, нашитый на левой стороне пижамной куртки как раз над упругим холмиком, приподнимающим полосатую ткань. На лоскутке — как и положено в тюрьмах — Тедди написала тушью несколько цифр. Карелла присмотрелся.

— Я вовсе не изучаю твои женские прелести, — заявил он. — Пытаюсь понять, что это значит. Номер моего жетона! Заслуживаешь поцелуй!

Тедди энергично замотала головой.

— Целоваться не будем? — огорчился Карелла.

Она несколько раз сомкнула и разомкнула вытянутые пальцы правой руки.

— Хочешь поговорить? — переспросил он.

Тедди кивнула.

— О чем?

Она легко соскользнула с подлокотника и пошла через гостиную, а он не мог оторвать глаз от неотразимо женственных движений ее спины. Тедди взяла с журнального столика газету и принесла Карелле. Указала на фотографию окровавленного Майка Риардона на первой странице.

— Да, — угрюмо произнес Карелла.

Лицо ее омрачилось печалью, нарочито преувеличенной печалью, потому что Тедди была не способна произносить слова. Не могла она и слышать слов, и поэтому средством общения ей служило ее лицо. По этой же причине она преувеличенно тщательно „выговаривала" каждый слог, даже обращаясь к Карелле, который научился понимать легчайшие нюансы в выражении ее глаз, малейшие движения ее губ. Но сейчас такая манера не казалась даже преувеличением — горе Тедди было глубоким и искренним. Она никогда

не встречала Майка Риардона, но Карелла часто и много рассказывал о нем, и Тедди казалось, что она хорошо и давно знает этого человека.

Она высоко подняла брови и широко развела руки, спрашивая Кареллу: „Кто?"

Он понял ее вопрос мгновенно и ответил:

— Мы еще не знаем. Работаем. Поэтому я так долго и не показывался.

Увидев в ее глазах вопрос, извиняющимся тоном сказал:

— Слишком быстро говорю?

Она отрицательно покачала головой.

— А что тогда? В чем дело?

Тедди бросилась к нему на грудь и неожиданно горько разрыдалась.

— Ну, ну, перестань, малышка, хватит, — пытался успокоить ее Карелла, но потом сообразил, что она, уткнувшись лицом ему в плечо, не может видеть его губ.

Он осторожно поднял за подбородок ее голову.

— Всю рубашку мне вымочишь, — шутливо предупредил он Тедди.

Она кивнула, пытаясь сдержать слезы.

— Что с тобой?

Тедди медленно подняла руку и нежно дотронулась до его щеки, так нежно, словно пронеслось дуновение ветерка, а потом пальцы стали гладить его губы, лаская их легкими прикосновениями.

— Ты что, за меня беспокоишься?

Тедди кивнула.

— Совершенно нечего беспокоиться! — заверил ее Карелла.

Тедди протестующе мотнула распустившейся копной волос в сторону газеты.

— Да просто псих какой-то, скорее всего, — бодро и почти уверенно заявил Карелла.

Она подняла лицо и посмотрела на него долгим пристальным взглядом широко распахнутых карих глаз, еще влажных от слез.

— Я буду осторожен, — пообещал Карелла. — Ты меня любишь?

Тедди кивнула и застенчиво опустила голову.

— Что это с тобой?

Она пожала плечами и улыбнулась неловкой, смущенной улыбкой.

— Соскучилась?

Она опять кивнула.

— Я тоже скучал по тебе.

Тедди вскинула голову, и сейчас в ее глазах появилось какое-то новое выражение, она словно бросала ему вызов, чтобы на этот раз он понял все без ошибки, потому что, хотя она и вправду соскучилась без него, он еще не постиг подлинного смысла того, что она хотела сказать. Карелла внимательно посмотрел ей в глаза, и, наконец, его осенила догадка, и он смог произнести только:

— О!

Тедди кокетливо подняла бровь, преувеличенно многозначительно и медленно кивнула и повторила его „0!“, беззвучно округлив губы.

— Да ты просто развратница! — шутливо ужаснулся Карелла, на что ответом ему был энергичный кивок в знак полного согласия.

— И любишь меня лишь потому, что у меня чистое, сильное, молодое тело.

И вновь никаких возражений со стороны Тедди.

— Выйдешь за меня замуж?

Несколько энергичных кивков черноволосой головки.

— Когда?

Тедди указала пальцем на него.

— Добро. Значит, дату мне назначать. Слушай, у меня отпуск в августе. Тогда и поженимся, хорошо?

Тедди застыла в неподвижности, не сводя с него широко раскрытых глаз.

— Я серьезно.

Казалось, она готова расплакаться снова. Он обнял ее, горячо приговаривая:

— Я же серьезно, Тедди. Тедди, милая, я честно, всем сердцем хочу этого. Я люблю тебя, я хочу, чтобы ты стала моей женой, и я давно уже хочу этого, прямо с ума схожу. Я люблю всю тебя такой, как ты есть, и не вздумай глупить, Тедди, выбрось все эти свои мысли из головы. Мне другой не надо, Тедди, малышка, можешь ты это понять… Ты для меня больше, чем все остальные женщины, вместе взятые. Пожалуйста, выходи за меня замуж!

Тедди смотрела на него, как никогда раньше жалея, что не умеет говорить, не доверяя сейчас только выражению своих глаз, теряясь в догадках, почему кто-то такой красивый, как Стив Карелла, такой замечательный, как Стив Карелла, такой храбрый и сильный, как Стив Карелла, может пожелать жениться на такой девушке, как она, на девушке, которой не дано никогда произнести: „Я люблю тебя, милый!“ Но он вновь попросил ее руки, и сейчас в сладостном кольце его объятий, сейчас она поверила, что это для него действительно ничего не значит, что для него она „больше, чем все остальные женщины", он так и сказал.

Тедди потянулась к нему губами, и в ее поцелуе Карелла узнал ответ и обнимал ее все крепче и крепче, и вдруг она выскользнула из его рук, и не успел он в недоумении окликнуть ее, как Тедди исчезла в кухне.

Вернулась она с бутылкой шампанского, на что Карелла сумел только выговорить:

— Вот это да, будь я проклят!

Сочувственным вздохом выразив свою полную уверенность, что так с ним и будет, Тедди протянула ему бутылку, склонилась в глубоком реверансе, что особенно забавно выглядело в сочетании с тюремной робой, и, скрестив ноги, уселась на пол, наблюдая, как Стив сражается с пробкой.

Шампанское взорвалось оглушительным хлопком, и, хотя Тедди его не могла слышать, она увидела, как пробка, вылетев из горлышка, стукнулась в потолок и как на руки Стиву хлестнула белопенная струя.

Она радостно захлопала в ладоши, грациозно поднялась на ноги и пошла за бокалами. Карелла сначала налил себе на донышко, объяснив с важным видом:

— Так положено, понимаешь? Чтобы тебе не попали соринки, букашки и прочий мусор.

После чего наполнил бокал Тедди и долил свой до краев.

— За нас!

Тедди начала медленно разводить руки — все шире, шире и шире.

— За долгую, долгую счастливую любовь, — догадался Карелла.

Глаза ее вспыхнули радостью.

— И за нашу свадьбу в августе!

Они чокнулись и пригубили вино, и Тедди закатила глаза, выражая восхищение его вкусом.

— Ты рада?

Да, сияли ее глаза, да, да!

— А ты серьезно тогда говорила?

Тедди вопросительно подняла бровь.

— Ну, что… соскучилась?

Да, широко раскрылись карие глаза, да, да!

— Господи, какая же ты красавица!

Тедди поблагодарила реверансом.

— Я люблю тебя, Тедди, все в тебе! Боже, как я люблю тебя!

Она поставила бокал и взяла его за руку. Поцеловала сначала ладонь, потом тыльную сторону и опять ладонь, и повела его в спальню, и нежными пальцами расстегнула на нем сорочку, и погасила свет, и, не стыдясь, сняла пижаму, и прильнула к его груди.

В то время, как они ласкали друг друга в крошечной комнатушке огромного дома,

другой житель города, по имени Дэвид Фостер, направлялся к своему дому, где он жил вместе с матерью.

И в то время, как их ласки вздымались от нежности к яростному неистовству и вновь ниспадали в умиротворенную нежность, другой житель города, по имени Дэвид Фостер, думал о своем напарнике Майке Риардоне и так погрузился в свои думы, что не слышал догоняющих его шагов, а когда, наконец, услышал, было уже поздно.

Он начал было оборачиваться на звук шагов, но автоматический пистолет 45-го калибра харкнул оранжевым пламенем раз, другой, еще и еще, и Дэвид Фостер схватился за грудь, и алая кровь брызнула сквозь его шоколадные пальцы, и он упал на. тротуар — мертвый.

Глава 7

Что можно сказать матери человека, когда человек этот умер? Сказать практически нечего.

Карелла сидел в покрытом вышитым чехлом кресле и в неловком молчании смотрел на миссис Фостер. Лучи утреннего солнца пробивались сквозь зашторенные окна, разящими лезвиями света рассекая полумрак гостиной. На улице по-прежнему стояла невыносимая жара, и Карелла благодарно радовался прохладному сумраку комнаты. Хотя, если говорить честно, он предпочел бы остаться в уличном пекле, нежели сидеть сейчас в прохладной гостиной, ибо привела его сюда смерть.

Миссис Фостер была крошечной иссушенной жизнью женщиной. Ее лицо, такое же темно-шоколадное, как у Дэвида, покрывала затейливо перепутанная паутина морщин. Она сидела, согнутая горем, в кресле напротив Кареллы, хрупкая увядшая женщина с поблекшим морщинистым лицом и высохшими руками. Карелла видел, каких усилий ей стоит с великим достоинством таить боль и скорбь за внешне бесстрастной позой.

— Дэвид был хорошим мальчиком, — прошелестел ее голос, загробно глухой, лишенный интонаций.

Карелла пришел сюда говорить о смерти, и присутствие смерти витало сейчас вокруг этой иссушенной жизнью женщины и заставляло пресекаться ее голос. И он подумал, как странно, что Дэвид Фостер, ее сын, который лишь несколько часов назад был полон жизни и сил, теперь мертв, а его мать, которая, вероятно, не раз молила ниспослать ей упокоение вечным сном, жива и говорит с Кареллой.

— Он всегда был хорошим мальчиком, — повторила миссис Фостер. — Когда растишь детей в таком окружении, всегда боишься, что из них выйдет. Мой муж был честен и трудолюбив, но умер совсем молодым, и мне не всегда легко давалось, чтобы Дэвид ни в чем не нуждался. Но он всегда был хорошим сыном. Никогда не занимался воровством или еще чем дурным, как соседние мальчишки. Он был со мной откровенен, всегда все рассказывал, и я знала, что с ним все в порядке.

— Да, миссис Фостер, — выдавил из себя Карелла.

— Его здесь все любили, — продолжала миссис Фостер, мгновенно кивая головой, словно в подтверждение своим собственным словам. — И его сверстники, с которыми он рос, и наши старики. Люди у нас здесь, мистер Карелла, вообще-то не очень жалуют полицейских… Но моего Дэвида они любили, потому что он вырос среди них, он был одним из них, частью их самих… Мне кажется, они даже гордились им — так, как гордилась я…

— Мы все гордились им, миссис Фостер, — искренне сказал Карелла.

— Он ведь был хорошим полисменом, правда?

— Да, он был прекрасным полисменом.

— Тогда кому понадобилось его убивать? За что? — спросила миссис Фостер. — О, я знаю, его работа была опасной, но то, что с ним случилось, это ведь совсем другое, нелепость какая-то… Даже не во время дежурства… Он домой возвращался! Кому понадобилось убивать моего сына, мистер Карелла? За что убили моего мальчика?

— Именно об этом мне нужно поговорить с вами, миссис Фостер. Надеюсь, вы не возражаете, если я задам несколько вопросов?

— Если это поможет вам найти того, кто стрелял в моего Дэвида, я готова отвечать на вопросы весь день!

— Он говорил с вами о своей работе?

— Конечно. Он всегда рассказывал мне, что происходит у вас в участке, над чем работает. Говорил мне, что его напарника убили, что он в уме перебирает фотографии и только ждет, когда попадется нужная…

— А еще что-нибудь он говорил по этому поводу? Может быть, он подозревал кого-нибудь?

— Нет, больше ничего.

— Миссис Фостер, а как насчет его друзей?

— У него здесь все друзья.

— Не было ли у него записной книжки с их адресами?

— По-моему, нет. Около телефона есть блокнот, куда он все записывал.

— Мне его можно будет взять перед уходом?

— Конечно.

— Девушка у Дэвида была?

— Постоянной подружки не было. Он встречался со многими девушками.

— Дневника не вел?

— Нет.

— А фототека у него была?

— Да, музыку он просто обожал. Всегда ставил пластинки в свободную минутку…

— Извините, миссис Фостер, вы меня не поняли. Не фонотека, а фототека. Фотографии.

— Нет, этого не было. В бумажнике, правда, носил несколько каких-то снимков, вот и все.

— Он рассказывал вам, где проводил свободное время?

— Да в самых разных местах. Чаще всего ходил в театр. Он очень любил сцену.

— А эти его друзья детства — он часто встречался с ними?

— Нет, не думаю.

— Выпивал?

— Очень немного.

— Я хочу сказать, часто ли он бывал в барах по соседству? За компанию, конечно.

— Вот этого я не знаю.

— А никаких писем или записок с угрозами он не получал?

— Во всяком случае мне он ничего такого не говорил.

— Каких-нибудь странных разговоров по телефону не вел?

— Странных? Что вы имеете в виду, мистер Карелла?

— Ну как если бы он пытался скрыть что-то от вас. Или был встревожен после телефонных звонков…

— Ничего подобного я не припомню.

— Понятно… — Карелла заглянул в свои записи. — Вот, пожалуй, и все. Мне надо бежать, миссис Фостер, очень много работы. Если бы вы могли дать блокнот, о котором мы говорили…

— Да, конечно. Минуточку.

Она поднялась из кресла и легко пронесла свое хрупкое тело из прохладной гостиной в одну из спален. Вернувшись, протянула блокнот Карелле.

— Держите у себя, сколько потребуется.

— Спасибо. Миссис Фостер, пожалуйста, знайте, что мы все разделяем ваше горе, — произнес Карелла внезапно севшим голосом.

— Найдите убийцу моего сына, — ответила она и сжала его руку в крепком пожатии, а он изумился силе ее высохшей ладошки, силе, которой пылали ее глаза.

И, только уже выйдя в парадное, Карелла расслышал за закрывшейся за ним дверью сдавленные рыдания.

Он спустился по лестнице и пошел к машине. Еще не доходя до нее, стянул пиджак, отер сразу вспотевшее лицо. Усевшись за руль, достал и начал просматривать свой рабочий план.

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ. Нет.

МОТИВ. Месть? Бывш. заключ.? Связано с Майком? Сравнить данные баллистической экспертизы.

ЧИСЛО УБИЙЦ. Два? Один — Майка, другой — Дэвида? Или оба убийства связаны между собой? Сравнить данные Б.Э.

ОРУЖИЕ. Автоматич. пистолет 45-го калибра.

МАРШРУТ УБИЙЦЫ.???

ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА, АДРЕСА, ТЕЛЕФОНЫ, ФОТОГРАФИИ. Узнать у матери Дэвида.

СВЯЗИ, РОДСТВЕННИКИ, ПОДРУЖКИ, ВРАГИ И Т. П. Тоже.

ИЗЛЮБЛЕННЫЕ МЕСТА. То же.

ПРИВЫЧКИ. То же.

СЛЕДЫ И УЛИКИ, ОБНАРУЖЕННЫЕ НА МЕСТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. Отпечаток каблука на собачьих экскрементах. В лаборатории. Четыре гильзы. Две пули. Там же.

ОТПЕЧАТКИ ПАЛЬЦЕВ. Нет.

Карелла в задумчивости поскреб затылок, тяжким вздохом выразил свое отношение к погоде и поехал назад в участок проверить, не поступил ли туда акт новой баллистической экспертизы.

Вдова Майка Риардона приближалась к бальзаковскому возрасту. Красивая полная грудь, темные волосы, зеленые глаза, безошибочно ирландский носик, усеянный веснушками. Черты ее лица хранили живость девчонки, созданной для шумного веселья и головокружительных саночных спусков, девчонки, которая заходилась детским ликующим смехом, если шальная морская волна ненароком окатывала ее водопадом пенных брызг. Это была женщина, которая хмелела от одного запаха вермута, женщина, которая по воскресеньям неизменно ходила в церковь, женщина, поразившая Майка своим целомудрием и уступившая его жаркому нетерпению лишь на третий день после того, как их объявили женихом и невестой. У нее были длинные стройные ноги и нежная ослепительно-белая кожа, и звали ее Мэй.

В этот знойный полдень 25 июля она надела все черное. Сидела, отрешенно сложив руки на круглых коленях, и трудно было поверить, что ее лицо — девчоночье лицо азартной саночницы — умеет озаряться счастливой улыбкой.

— Детям я пока не сказала, — призналась Мэй сидевшему против нее Бушу. — Они еще ничего не знают. Что им говорить, как?

— Это, верно, самое трудное, — подтвердил Буш. Его давно нуждавшаяся во внимании парикмахера и обычно непокорная рыжая шевелюра сейчас сникла перед жарой и даже на вид была влажной и липкой.

— Да, пожалуй, — согласилась Мэй. — Не хотите ли выпить пива или еще чего-нибудь? Такая жара! Майк всегда пил пиво, когда возвращался с работы. В любое время дня и ночи. Он очень любил во всем порядок. Я хочу сказать, что у него все было рассчитано по минутам и расставлено по своим полочкам. Думаю, он не смог бы заснуть, если бы по возвращении домой не выпил своего обычного стакана пива.

— А в бары по дороге не заходил?

— Нет. Он всегда пил здесь, у себя дома. И никогда виски. Только стакан-другой пива. Мы все хотели купить кондиционер, — продолжала Мэй. — У нас в квартире страшно жарко. Оттого, наверное, что соседнее здание почти вплотную к нашим окнам.

— Да, может быть, — ответил Буш. — Миссис Риардон, а вы не знаете, у Майка враги были?

— Не думаю. Майк был очень спокойным и добродушным, легко уживался с людьми. Да вы же работали с ним. Сами знаете не хуже меня.

— Не могли бы вы рассказать, что происходило в тот вечер, когда его убили? До того, как он вышел из дому?

— Я спала, когда он уходил. Всякий раз, когда он дежурил с двенадцати до восьми, у нас чуть до ссоры не доходило. Майк все отказывался вздремнуть перед работой, а я… У нас двое детей, и к десяти вечера я уже еле на ногах стою. Так что обычно перед его ночным дежурством укладывались спать пораньше — часов в девять.

— Значит, когда он уходил, вы спали?

— Да. Проснулась, правда, на минутку перед самым его уходом.

— Он вам ничего не сказал? Встревоженным не выглядел? Не говорил, что ему угрожали или что-нибудь в этом роде?

— Нет. — Мэй взглянула на часы. — Мне скоро уходить, мистер Буш. В похоронное бюро. Я вот что хотела вас спросить. Я знаю, они делают разные экспертизы… и Майк… я имею в виду его тело… А наша семья… Понимаете, у нас в семье все довольно старомодны, и мы хотели бы… мы хотели бы договориться с похоронным бюро и все устроить. Вы не знаете, когда… когда у вас там закончат… с Майком?

— Скоро, миссис Риардон. Нам бы не хотелось ничего упустить. Ни одной возможной улики. Тщательная судебно-медицинская экспертиза поможет нам найти его убийцу.

— Я-то знаю. Не хочу, чтобы вы подумали, будто я… Это все наша семья. Все спрашивают. Им не понять. Им не понять, что значит, когда его больше нет, когда просыпаешься, а его… нет. — Она прикусила губу и отвернулась, пряча лицо от Буша. — Простите меня. Майку бы это… не понравилось. Майк никогда… не позволил бы мне…

Мэй отчаянно затрясла головой и трудно глотнула, переводя дыхание. Буш смотрел на нее с внезапно охватившей его жалостью к этой женщине, олицетворявшей в себе Жену, ко всем женщинам, у которых низкая подлость насилия отняла их мужей. Его мысли перенеслись к Элис, и он на секунду попытался представить, как бы она вела себя, если бы он напоролся на пулю, но тут же решительно прогнал из головы этот вздор. Об этом думать нельзя. Не сейчас во всяком случае, после двух убийств подряд. Боже милостивый, неужели это какой-нибудь псих? Нацелился на весь наш чертов участок?

Вполне возможно.

Даже очень возможно, так что давай, приятель, не думать о том, как Элис отнесется к твоей смерти, не к добру это. Начинаешь задумываться о таких вещах, и они поглощают тебя всего как раз тогда, когда тебе нужен ясный ум, мгновенно и четко реагирующий на возможную опасность. Вот тогда ты и влип.

О чем думал Майк Риардон, когда две пули впились ему в затылок?

О чем думал Дэвид Фостер, когда четыре пули пронзили его тело?

Возможно, конечно, что эти две смерти между собой и не связаны. Возможно, но маловероятно. Уж очень много общего в почерках преступников в том и другом случае, и как только они получат заключение баллистической экспертизы, то будут наверняка знать, имеют ли дело с одним убийцей или с двумя.

Буш готов был поставить на то, что убийца один.

— У вас есть еще вопросы? — прервала его раздумья Мэй. Она уже взяла себя в руки и выжидательно смотрела на Буша, огромные глаза на невероятно бледном лице.

— Был бы очень признателен, если бы вы передали нам на время записные книжки с адресами и телефонами, фотографии, газетные вырезки, все, что помогло бы составить представление о друзьях Майка, просто знакомых, может быть, даже о его родственниках…

— Да, сейчас, — пообещала Мэй.

— И вы не помните ничего странного или необычного, что могло бы быть связано с его гибелью?

— Нет, абсолютно ничего. Мистер Буш, что я скажу детям? Я отправила их в кино. Соврала, что папа сидит в засаде и не может пока прийти домой. Но сколько же я буду от них скрывать? Как сказать паре малышей, что их отец мертв? О боже, ну что мне делать?

Буш тягостно молчал. Выждав минуту, Мэй Риардон вышла собрать принадлежавшие Майку бумаги.

В пятнадцать часов сорок две минуты 25 июля заключение баллистической экспертизы легло Карелле на стол.

Гильзы и пули, обнаруженные на месте гибели Майка Риардона, были подвергнуты сравнению под микроскопом с гильзами и пулями, найденными на месте убийства Дэвида Фостера.

Заключение баллистической экспертизы безоговорочно утверждало, что в обоих случаях применялось одно и то же оружие.

Глава 8

В ту ночь, когда был убит Дэвид Фостер, беспечная дворняга, рыская в поисках пропитания по мусорным бакам, прервала это свое насущное занятие ради не менее неотложного дела, и в результате был обгажен один из городских тротуаров, и без того не отличающихся опрятностью. Столь же беспечным оказалось и человеческое существо, и вследствие подобного совпадения в поведении собаки и человека сотрудники полицейской научно-технической лаборатории получили возможность потрудиться над изучением отпечатка части каблука. И принялись за эту задачу, правда, не без брезгливости.

Прежде всего отпечаток был многократно сфотографирован — и не потому, что экспертам доставляло удовольствие забавляться со своими совершенными фотоаппаратами. Просто они хорошо знали, что при изготовлении слепка может случиться всякое. Отпечаток был помещен на черном фоне рядом с масштабной линейкой, размеченной в дюймах. Над ним на регулируемом штативе установили камеру, тщательно проследив, чтобы ее объектив был строго параллелен фотографируемой поверхности — во избежание искажения перспективы. Деловито защелкал затвор фотоаппарата. Убедившись, что отпечаток теперь сохранен для вечности — в фотографическом изображении во всяком случае, — сотрудники лаборатории обратились к куда менее стерильному процессу снятия слепка.

Один из них налил в резиновый сосуд полпинты[15] воды. Затем стал сыпать туда гипс, стараясь не взболтнуть воду и следя за тем, чтобы гипс опускался на дно сосуда под собственной тяжестью. Делал он это до тех пор, пока вода не перестала поглощать гипс — последнего, как оказалось, ушло около десяти унций[16]. Затем отнес сосуд своему коллеге, занятому предварительной обработкой отпечатка.

Поскольку часть каблука отпечаталась на непрочном и мягком материале, его сначала покрыли слоем шеллака[17], а затем — после отвердения — тонкой пленкой масла. Настало время осторожно заполнить отпечаток тщательно перемешанной гипсовой кашицей. Делал это эксперт специальной ложечкой, зачерпывая небольшие порции. Когда толщина гипсового слоя достигла примерно одной трети дюйма, эксперт для повышения прочности осторожно уложил поверх него решеточку из обрывков нитей и тонких лучинок, особо заботясь о том, чтобы они не касались поверхности отпечатка и не повредили каких-либо его деталей. Затем последовал второй слой гипса, и теперь оставалось только ждать, когда

---

[15] Одна американская пинта — 0,47 литра.

[16] Одна унция — 28,35 грамма.

[17] Спиртовой лак на основе одноименного воскоподобного вещества, выделяемого некоторыми тропическими насекомыми.

слепок отвердеет. Время от времени они легко прикасались к гипсу, определяя его температуру, ибо выделение тепла есть признак продолжения процесса отвердения.

Учитывая, что в распоряжении экспертов оказался только один отпечаток, а вернее, даже не полный, а частичный отпечаток каблука, учитывая, что по одному подобному отпечатку составить картину походки не представляется возможным, учитывая, что в данном случае также неприменима довольно громоздкая формула, по которой определяют все особенности походки человека, включая ширину и длину шага, длину и ширину левой ступни, длину и ширину правой ступни, степень изношенности каблука и подметки, сотрудники лаборатории сделали все, что в их силах, чтобы выжать максимум данных из того исходного минимума, которым располагали.

После тщательного изучения отпечатка они пришли к заключению, что внешняя часть каблука сильно сношена, и это позволяет без тени сомнения утверждать: человек, которому принадлежал этот каблук, ходил вразвалку или, иными словами, отличался, как общепринято называть, Путиной" походкой. Они также пришли к заключению, что данный отпечаток оставлен не оригинальным — на их жаргоне это называлось „родным" — каблуком, а резиновым каблуком, установленным во время ремонта обуви, и что третий гвоздь слева, считая от передней части каблука, был погнут в ходе этой операции неаккуратным и мало пекущимся о своей репутации сапожником. На отпечатке также четко читалось название фирмы „О'Салливен".

Городские газеты весьма серьезно отнеслись к убийству полисменов. Два утренних рупора общественного мнения, демонстрируя недюжинную изобретательность в сочинении заголовков на заданную тему, преподнесли своим читателям сообщение о гибели Дэвида Фостера соответственно как „Убит второй полицейский“ и „Убийство второго полицейского".

Дневная газетенка, не уступавшая желтизной упомянутым выше бульварным листкам, испытывала тем не менее жесточайшую с их стороны конкуренцию. Отчаянно сражавшийся с утренними изданиями за поддержание своего тиража дневной рупор общественного мнения без обиняков возвестил: „Убийца бродит по улицам". А поскольку именно эта газета столь остро нуждалась в поддержании тиража и поскольку именно эта газета объявила своей целью „предавать гласности" и „выставлять напоказ" все, что привлекает интерес публики в каждый данный момент, все, что могло поднять ее тираж на волне сиюминутной моды, даже если это были удлиненно-утепленные дамские панталоны для суровых зимних условий, то в тот день ее первая страница бросалась в глаза крупным, кричаще-красным шрифтом: „ПОЛИЦЕЙСКИЕ ДЖУНГЛИ — ЧТО ТВОРИТСЯ В НАШИХ УЧАСТКАХ". Пониже и помельче было набрано белым шрифтом по красному фону: „См. статью Марри Шнайдера, стр. 4".

Любой, у кого хватало сил и терпения продраться сквозь первые три страницы, дышавшие приторным и притворным свободомыслием, мог обнаружить на четвертой странице, что упомянутый Марри Шнайдер возлагал вину за гибель Майка Риардона и Дэвида Фостера на „продажность нашего обожравшегося взятками и насквозь прогнившего гестапо".

В продажном 87-м полицейском участке два обожравшихся взятками детектива, по имени Стив Карелла и Хэнк Буш, стояли у насквозь прогнившего письменного стола и просматривали копии приговоров, отобранных в досье их столь же коррумпированными коллегами.

— Слушай, давай прикинем такую вот версию, — предложил Буш.

— Излагай, — согласился Карелла.

— Майк и Дэйв берут какого-то урку, так?

— Так.

— Судья отвешивает ему на всю катушку, и на ближайшие пять-десять лет государство берет его на свое содержание. Так?

— Допустим.

— Потом он выходит на волю. Времени у него было навалом. Вполне достаточно, чтобы первая злость перешла в настоящую ненависть. Голова у него занята только одним — рассчитаться с Майком и Дэйвом. И он отправляется на охоту. Первым ему попадается Майк, потом он сразу, пока не остыл, начинает искать Дэйва. И рассчитывается с Дэйвом тоже.

— Звучит убедительно, — констатировал Карелла.

— Поэтому считаю, что вот этот тип Флэннеген нам не подходит.

— Что так?

— Посмотри в его карточку. В чем его обвиняли? Кража со взломом, хранение воровских инструментов, изнасилование — ну, это последнее, правда, давно, лет девять назад. Майк и Дэйв прихватили его на ограблении. И тогда он в первый раз был осужден. Получил десять лет, отсидел пять. В прошлом месяце условнодосрочно освобожден.

— Ну?

— Не верю, чтобы кто-то, в ком все набухает ненавистью, способен вести себя так примерно, чтобы ему десятилетний срок скостили наполовину. К тому же Флэннеген никогда в жизни не ходил на дело с оружием.

— Что у нас, пистолет трудно заиметь?

— Все равно, нутром чую — не он.

— А я бы все равно его проверил, — упорствовал Карелла.

— Ладно, но сначала займемся вот этим. Ордис. Луис Диззи Ордис. Взгляни сюда. — Буш протянул Стиву карточку, белый прямоугольник 4 на 6 дюймов, разделенный на графы разных размеров.

— Наркота! — присвистнул Карелла.

— Ага. Представляешь, сколько у такого за четыре года в душе накипело?

— Сидел от звонка до звонка? — уточнил Карелла.

— Да. Только в начале этого месяца вышел. И все время — ни грамма зелья. Такое воздержание не способствует братской любви к полисменам.

— Это уж точно.

— Учти еще одно. Пять лет назад задержан за нарушение общественного порядка. Предполагается, это случилось еще до того, как он сел на иглу. Но вот что важно — при нем был пистолет 45-го калибра. Со сломанным бойком, правда, но все же 45-й. Теперь, еще раньше, семь лет назад, задерживался опять же за нарушение общественного порядка — драка в баре. И опять же с пистолетом 45-го калибра, вполне исправным. В те разы ему везло — отделывался условным наказанием.

— Похоже, 45-й у него — любимый калибр.

— Как и у того, кто убил Майка и Дэйва, — подхватил Буш.

— Считаю, Ордиса стоит прощупать, — заключил Карелла. — Где он сейчас находится?

— А кто ж его знает, — пожал плечами Буш.

В детстве Дэнни Джимп переболел полиомиелитом. Ему очень повезло в том смысле, что болезнь не искалечила его по-настоящему. Она только немного скрючила его фигуру, одарив в напоминание о себе легкой хромотой и прозвищем, которые остались с ним на всю жизнь[18]. Его подлинная фамилия была Нельсон, но мало кто об этом знал, и там, где он жил, все звали его Дэнни Джимп, и даже письма ему адресовали на это имя.

Дэнни было пятьдесят четыре года, однако определить его возраст по внешнему виду было невозможно. Он был очень мал во всех смыслах: невысокий росток, тонкие косточки, мелкие черты лица, крошечные глазки, миниатюрное телосложение. Добавьте к этому

---

[18] Джимп — стройный *(англ.).*

вихляющую походку развязного подростка, тонкий, пронзительный голос, гладко натянутую кожу лица без единой морщинки. Нет, ничто в Дэнни не выдавало его возраста.

Дэнни Джимп был стукачом.

Он был очень ценным человеком, и сотрудники 87-го полицейского участка регулярно обращались к его услугам, и Дэнни всегда был готов услужить. Редкий случай, когда Дэнни не мог раздобыть интересующую быков информацию. Но на такой случай существуют другие стукачи. Где-то, у кого-то, но товар всегда есть. Вопрос просто в том, чтобы в нужное время найти нужного человечка.

Найти Дэнни можно было, как правило, в баре „Эндиз паб“, в третьей кабине справа. Нет, он отнюдь не был ни неизлечимым алкоголиком, ни даже просто любителем принять рюмку-другую в хорошей компании. Бар он использовал как своего рода офис. Обходилось это куда дешевле, нежели аренда конторского помещения в деловой части города, к тому же у бара было дополнительное преимущество в виде телефона-автомата, в котором Дэнни по роду занятий нуждался регулярно и весьма часто. К тому же бар — самое подходящее место послушать, что говорят люди, а в этом и состояла половина бизнеса Дэнни. Другой половиной было говорить о том, что Дэнни удавалось услышать.

Сейчас Дэнни сидел напротив Буша и Кареллы и, как водится, сначала слушал.

Потом он начал говорить:

— Диззи Ордис… Ага, ну да…

— Знаешь, где его искать?

— А что он натворил?

— Пока не знаем.

— Слышал, он на попечении у государства.

— Вышел в начале месяца.

— Ордис, Ордис… Ах, ну да! Он же наркоман.

— Точно.

— Тогда все просто. Так что он натворил, вы говорите?

— Может, ничего, — уклонился от прямого ответа Буш, — а может, за ним чертовски крупное дело.

— А, имеете в виду эти убийства полисменов?

Буш пожал плечами.

— Только не Ордис. Ошиблись номером.

— Это еще почему?

Дэнни отхлебнул пива и посмотрел на мелькающие лопасти потолочного вентилятора.

— Господи, если эта жарища не прекратится, уеду в Канаду. У меня там приятель. В Квебеке. Бывали в Квебеке?

— Нет, — признался Буш.

— Прелесть что за место. Прохладно!

— А как насчет Ордиса? — вернул его к теме беседы Карелла.

— Возьму его с собой в Квебек, если захочет. — Дэнни визгливо расхохотался своей шутке.

— Какой он у нас остряк сегодня! — холодно заметил Карелла.

— Почему же сегодня? — обиделся Джимп. — Я всегда отличался остроумием.

— Ладно. Так где Ордис?

— Пока не знаю. Дайте немного времени.

— Сколько?

— Ну, час-другой. С наркоманами просто. Переговорить с толкачами[19] — и все дела. В начале месяца вышел, говорите? Значит, сейчас вовсю накачивается наркотой. Так что никаких проблем. Верняк.

---

[19] Так в США на слэнге называют уличных торговцев наркотиками.

— А может, он там завязал, — предположил Карелла. — Вот тебе и верняк!

— Ха! Когда они завязывали? — возмутился Дэнни. — Не слушайте вы эти сказки! Он, может, и за решеткой ширево[20] добывал. Найти-то его я найду. Это не вопрос. Но если вы думаете, что это Ордис замочил ваших приятелей, то глубоко ошибаетесь.

— Что так?

— Встречал я его, доходягу. Он не знает, на каком свете живет. Тьфу, меня просто тошнит от этих наркоманов. Его атомной бомбой в себя не приведешь. У него в жизни только одно. Героин. Вот что такое Ордис. Он живет белым богом. Единственное, чем занята его голова.

— А Риардон с Фостером упрятали его за решетку, — напомнил Карелла.

— Ну и что? Думаете, наркоман может затаить злобу и мстить? Да у него времени нет на это. Он успевает только добраться до своего толкача и сделать покупку. Этот самый Ордис ширяется так, что ему и большого пальца на собственной ноге не отстрелить. И он пришьет сразу двух полисменов? Не смешите меня!

— И все же нам бы хотелось повидать его, — настаивал Буш.

— Дело ваше. Что я, комиссар, что ли, вас учить? Но только Ордис тут ни при чем. Ему пистолет от бетономешалки не отличить.

— Но пистолеты-то у него бывали тем не менее, — заметил Карелла.

— Да все забавы ради, — стоял на своем Дэнни. — Пальни в ста метрах — его неделю от страха нести будет. Поверьте уж мне, ему, кроме героина, ничего в жизни не надо.

— Не доверяю наркоманам, — отрезал Буш. — От них чего угодно ждать можно.

— А я доверяю? — обиделся Дэнни. — Только Ордис не убийца, вот и все. Да он даже время убить не умеет.

— Сделай нам одолжение, — попросил Кцрелла.

— Нет вопросов.

— Найди его. Телефон наш ты знаешь.

— Звякну где-то через часок. С наркоманами просто. Верняк.

Глава 9

В полдень 26 июля температура воздуха достигла 95,6° по Фаренгейту[21]. В помещении полицейского участка два вентилятора перемешивали сырой жаркий воздух, который пластами вползал через решетки на настежь открытых окнах. Каждый предмет в кабинете следственно-розыскного отдела, казалось, был раздавлен неумолимо злобным бременем зноя. Лишь шкафы с папками да письменные столы мужественно стояли по стойке смирно. Все же остальное — донесения, бланки, копирка, конверты — беспомощно сникло и было на ощупь влажным и липким.

Детективы скинули пиджаки и работали в рубашках с закатанными рукавами. Рубашки были покрыты пятнами пота — огромные черные амебы, расползавшиеся из-под мышек и от ложбинки вдоль спины и ненасытно поглощавшие тонкую ткань. Вентиляторы от жары не спасали. Они перемешивали удушающе гнилое дыхание города, и детективы хватали ртом это удушающе гнилое дыхание города, и печатали донесения в трех экземплярах, и трудились над своими рабочими планами, и втайне мечтали о лете на заснеженных горных вершинах или на Атлантическом побережье, где океанские волны осыпают всего тебя невероятным счастьем холодных брызг. Они звонили пострадавшим и заявителям, они звонили подозреваемым, и их потные руки скользили по черному пластику телефонных трубок, и они воспринимали Жару как некое зловредное живое существо, которое проникло

---

20 Жаргонное обозначение наркотиков, вводимых внутривенно.

21 35,3° по Цельсию.

в их тела и пронизывало их миллионами добела раскаленных игл.

Лейтенант Барнс так же изнывал от жары, как и любой другой в следственно-розыскном отделе. В его кабинете было большое угловое окно, но, несмотря на распахнутые створки, в комнате не ощущалось ни малейшего ветерка. Сидящий же против Барнса репортер всем своим видом олицетворял Прохладу. Репортера звали Сэвидж, и сегодня он щеголял в легком голубом костюме и в голубой же, но более темного оттенка панаме. Репортер курил сигарету и невозмутимо пускал струйки дыма к потолку, где зной собирал их в серо-синее облако.

— Мне нечего больше вам сообщить, — сказал Барнс.

Репортер раздражал его невыносимо. Он ни на минуту не мог допустить, чтобы кто-либо на этой земле мог родиться с таким именем, как Сэвидж[22]. Более того, он ни на минуту не мог допустить, чтобы кому-либо на этой земле в такой день могло быть так прохладно, как изображал Сэвидж.

— Так уж и ничего, лейтенант? — переспросил Сэвидж нарочито мягким голосом.

Это был привлекательный блондин с коротко остриженной головой и прямым, изящной формы носом, который куда лучше смотрелся бы на женском лице. Взгляд серых глаз был уверенным, спокойным и холодным. Холодным!

— Ничего, — подтвердил лейтенант. — А какого черта вы от нас ждете? Если бы мы знали, кто это сделал, он бы уже давно сидел у нас, вам не кажется? — Возможно, — согласился Сэвидж. — Подозреваемые?

— Работаем.

— Подозреваемые, — настаивал Сэвидж.

— Есть несколько. Но вот это уже только наше дело. Вам, газетчикам, дай волю, так вы всех подозреваемых на первой странице пропечатаете, а потом ищи-свищи их по Европам!

— Думаете, это пацан?

— Что значит пацан?

— Ну, подросток?

— Да кто угодно. И вы, например, в том числе.

Сэвидж усмехнулся, блеснув ровными белыми зубами.

— На территории вашего участка полно подростковых банд, не так ли?

— Мы их все контролируем. Наша территория, Сэвидж, конечно, не райский уголок, но нам нравится считать, что мы здесь делаем все возможное. Я понимаю, что вашей газете это, может, не по вкусу, но мы действительно стараемся изо всех сил, Сэвидж, мы честно стараемся хорошо исполнять нашу мелкую работенку.

— Не улавливаю ли я сарказм в вашем голосе, лейтенант? — вкрадчиво поинтересовался Сэвидж.

— Сарказм есть оружие интеллекта, Сэвидж. А все, и ваша газета лучше других, знают, что полисмены — это тупые вьючные животные.

— Моя газета такого себе никогда не позволяла, лейтенант! — оскорбленно воскликнул репортер.

— Неужто?! — изумился Барнс. — Тогда можете напечатать это в завтрашнем выпуске.

— Мы только хотим помочь, — заявил Сэвидж. — Нам тоже не нравится, когда убивают полисменов. Так как насчет версии о банде подростков?

— А мы такую версию даже не обсуждали. То, что у нас случилось, совершенно не в их духе. Господи, да почему вы, газетчики, все, что творится в нашем городе, пытаетесь свалить на подростков? У меня у самого сын подросток, но он, заверяю вас, не шатается по улицам, чтобы пристрелить пару-другую полисменов!

— Это утешает, — язвительно прокомментировал Сэвидж.

---

[22] Дикарь, варвар *(англ.)*.

— В таком своеобразном явлении, как подростковые банды, разобраться непросто, — терпеливо продолжал Барнс. — Не хочу сказать, что мы их ликвидировали, но они у нас под контролем. Если мы не допускаем уличных стычек между ними, поножовщину и стрельбу, то эти ваши банды подростков тогда превращаются в дружеские компании, своего рода клубы, не более того. И пока они остаются таковыми, я доволен и счастлив.

— Ваша точка зрения забавно оптимистична, — холодно заметил Сэвидж. — Моя газета, представьте себе, не убеждена в том, что уличные драки так уж и прекратились. Моя газета придерживается мнения, что к гибели этих двух полисменов прямо причастны ваши, как вы сказали, „дружеские компании".

— Вот как?

— Именно так.

— Ну и что вы от меня хотите? Чтобы я забрал всех пацанов в городе и стал трясти из них признание? Ради того, чтобы ваша треклятая газета смогла продать еще миллион экземпляров?

— Нет, этого мы не хотим. Но мы ведем свое собственное расследование. И если мы раскроем убийства, 87-й участок будет выглядеть весьма плачевно.

— Точно так же будет выглядеть и отдел по расследованию убийств. И комиссар полиции, если на то пошло. Да все и каждый в полицейском управлении будут выглядеть никудышными любителями по сравнению с суперсыщиками из вашей газеты.

— Вполне возможно, — согласился Сэвидж.

— У меня есть один совет, Сэвидж.

— Какой же?

— Местная ребятня не любит, когда к ним пристают с вопросами. Это вам не ваши снобистские кварталы, где подростков объединяют несколько распитых сообща банок пива. Здесь вы имеете дело с ребятами, которые живут по своим законам, их принципы разительно отличаются от моих или ваших. Смотрите, чтобы вас не пришибли до смерти.

— Постараюсь, — заверил лейтенанта Сэвидж, ослепительно улыбаясь.

— И вот еще что.

— Да?

— Не делайте глупостей, не суйтесь на мою территорию. Здесь и без вас и ваших умников-репортеров дел по горло. Только напортачите и нарветесь на неприятности…

— Так что для вас более важно, лейтенант? — ехидно поинтересовался Сэвидж. — Чтобы я не совался на вашу территорию или чтобы меня не убили?

— А это одно и то же, — усмехнулся Барнс и стал набивать трубку.

Дэнни Джимп позвонил через пятьдесят минут.

— 87-й участок, Карелла слушает, — поднял трубку Стив.

— Дэнни Джимп.

— Привет, Дэнни. Что у тебя?

— Нашел я вам Ордиса.

— Где?

— Никак не пойму, это что, благотворительность или бизнес? — спросил Дэнни.

— Бизнес, бизнес, — успокоил его Карелла. — Где встречаемся?

— „Дженниз“ знаете?

— Шутишь?

— Да нет, серьезно.

— Если Ордис наркоман, что ему делать на Улице шлюх?

— Валяется в отключке. Вам из него и слова не выжать.

— У какой шлюхи?

— А зачем же мы встречу назначали, Стив?

— Только назови меня Стивом в глаза — зубов не соберешь, приятель.

— Прощеньица просим, мистер Карелла. Хотите получить информацию — я буду в

„Дженниз" через пять минут, мистер Карелла. Зелени[23] прихватить не забудьте, мистер Карелла.

— Ордис вооружен?

— Может, и вооружен.

— Увидимся. — Карелла положил трубку.

Улица под названием Виа де путас[24] растянулась с севера на юг на три квартала. Индейцы, возможно, называли ее по-своему, но и в те роскошные времена бобровых шкур и разноцветных бус в выстроившихся вдоль тропы типи[25], вероятнее всего, процветал тот же бизнес. Когда индейцы радостно удалились в свои удачливые охотничьи угодья и утоптанные тропы превратились в асфальтированные улицы, на место типи встали жилые здания и жрицы древнейшей в мире профессии заявили свои права на затянутые плюшем гнездышки. Были времена, когда итальянские иммигранты называли улицу Пьяцца путана, а ирландские — Хаси хоул. С нашествием пуэрториканцев улица сменила разговорный язык, но не единственный источник дохода. Пуэрториканцы называли улицу Да виа де путас, полицейские — Улица шлюх. На каком бы языке здесь вы ни говорили, здесь вы платите деньги и делаете «вой выбор.

Дамы, которые правили секс-универмагами, звали себя Мама-такая-то. Маме Терезе принадлежало самое популярное на улице заведение. Маме Кармен — самое грязное и непристойное. Заведение Мамы Лус шестнадцать раз подвергалось налетам полиции, которой очень были не по душе некоторые вещи, происходившие за его облупившимся кирпичным фасадом. Полисмены, конечно, снисходили до визитов к разнообразным Мамам и не по служебной надобности. Деловые же визиты включали в себя эпизодические облавы и обыски. Порой они проходили очень интересно, но обычно такие рейды предпринимались силами отдела по борьбе с проституцией и наркоманией, сотрудники которого не ведали о рабочих соглашениях, существовавших между некоторыми полисменами из 87-го участка и мадам-управительницами. Ничто не может так испортить удачную сделку, как какой-нибудь несведущий полисмен.

Карелла был, вероятно, несведущим полисменом. А может быть, честным полисменом — в зависимости от тогр, как посмотреть. Он встретился с Дэнни Джимпом в маленьком кафе под названием „Дженниз“ на углу Улицы шлюх. Кафе было известно, в частности, тем, что в нем подавали якобы абсент[26], божественный напиток Старого Света. Пойло, которым угощали у „Дженниз“, никого еще не ввело в заблуждение, но кафе продолжало служить своего рода ничейной территорией между респектабельным трудовым миром пролетариата и порочным полумраком борделей. Человек мог выйти прогуляться, и заглянуть в „Дженниз“, и выпить рюмку, и прикинуться, что зашел немного развеяться, и после третьей рюмки был уже готов к осмыслению того, что он в действительности намерен делать. Кафе „Дженниз“ было неотъемлемо необходимо для функционирования Улицы шлюх. С некоторой натяжкой можно утверждать, что оно служило той же цели, как и пластиковая занавеска в ванной гостиничного номера, где новобрачные проводят медовый месяц.

Но в тот день 26 июля, когда от зноя пузырилась черная краска, которой была замазана нижняя часть витрины „Дженниз", витрины, десятки раз со дня основания заведения разлетавшейся вдребезги. Кареллу и Дэнни не интересовали эти аспекты деятельности кафе, помогавшего преодолевать нравственные и социальные барьеры. Их интересовал субъект по

---

23 Деньги *(жарг.)*.

24 Улица шлюх *(исп.)*.

25 Шалаш конической формы, покрытый бизоньими или оленьими шкурами.

26 Полынная водка.

имени Луис Диззи Ордис, который, может быть, вогнал, а может быть, и не вогнал шесть в совокупности пуль в двух в общей сложности полисменов.

Буш, в свою очередь, в это время был занят проверкой домушника[27] по имени Флэннеген. Кареллу привез в автомобиле отдела молодой новобранец Клинг. Сейчас он стоял, оперевшись о крыло машины, настороженно вытянув шею и прея даже в летнем голубом костюме. Из-под легкой шляпы выбивались белокурые кудри. Ему было жарко. Жарко, как на адской сковородке.

Сидевший в кафе Карелла тоже изнемогал от жары.

— Так где он? — сразу спросил он Дэнни.

В ответ Дэнни выразительно потер большой палец правой руки об указательный.

— Который день не ел досыта.

Карелла вынул десятку из бумажника и протянул Джимпу.

— Он у Мамы Лус. С девкой, которую все зовут Фламенка[28]. Да не так уж и много в ней пыла с жаром, по правде говоря.

— И что делает?

— Пару часов назад купил у своего толкача три дозы. Приковылял к Маме Лус с амурными намерениями, но героин взял верх. Мама Лус сказала, что он уже с час как балдеет.

— А Фламенка?

— Она там же, с ним. Небось, уже обчистила беднягу до нитки. Здоровенная такая рыжая деваха, два золотых зуба спереди, аж глаза режет. А бедра у нее, я вам доложу, вот это настоящие бедра, что там слониха! Смотрите, не грубите ей, а то враз проглотит.

— У Ордиса есть оружие?

— Мама Лус не знает.

— А эта твоя рыжая?

— Рыжую я не спрашивал. Никогда не общаюсь с наемницами, — гордо заявил Дэнни.

— Откуда же тебе известно про ее бедра?

— Подробности моей интимной жизни за какую-то десятку? — возмутился Дэнни.

— Ладно, спасибо, — остановил его Карелла.

Оставив Дэнни сидеть за столиком, Карелла вышел к Клингу, по-прежнему подпиравшему крыло лимузина.

— Жарко! — сообщил ему Клинг.

— Если хотите пивка, можете зайти по-быстрому, — предложил ему Стив.

— Домой я хочу, — пожаловался Клинг.

— Домой все хотят, — назидательно заявил Карелла. — Поехали, нам предстоит важный визит.

— Куда ехать?

— К Маме Лус. Да вы только движок заведите, а дорогу машина сама знает.

Клинг снял шляпу и провел ладонью по светлым волосам и с отвращением затряс рукой, брезгливо стряхивая капли пота. Осторожно устроил шляпу на голове и сел за руль.

— Кого ищем-то? — спросил он Кареллу.

— Диззи Ордиса.

— Не знаю такого.

— Он вас тоже.

— Буду признателен, если вы нас представите друг другу, — сухо сказал Клинг.

— Обязательно, — пообещал Карелла, улыбаясь обидчивому напарнику.

Когда они подъехали, Мама Лус стояла в дверях своего заведения. Детвора столпилась

---

[27] Квартирный вор *(жарг.)*.

[28] Пламенная *(исп.)*.

на тротуаре в радостном предвкушении захватывающе зрелищной облавы. Мама Лус приветствовала полисменов обворожительной улыбкой.

— Привет, мистер Карелла. Ну и жара!

— Жарко, — подтвердил Карелла, удивляясь про себя, почему ни один встречный не может удержаться от обсуждения погоды. Ведь даже придурку ясно, что сегодня очень жарко, удушающе жарко, жарче, может быть, чем в Маниле, а если вы считаете, что в Калькутте еще жарче, чем в Маниле, то здесь сегодня стояла такая жара, какой в Калькутте никогда и не знали.

Мама Лус — крупная располневшая женщина с необыкновенно густыми темными волосами, собранными в пуританский узел на затылке, куталась в шелковое кимоно. Когда-то Мама Лус слыла знаменитой проституткой, поговаривали даже, лучшей в городе. Но сейчас она стала мадам и не вспоминала о прежнем ремесле, делая исключение только для очень близких друзей. Она отличалась безупречной опрятностью и чистотой и постоянно благоухала ароматом сирени. Кожа у нее была белой, возможно, даже слишком белой, поскольку редко видела солнце. Облик ее был благороден, улыбка — ангельской. И если вы не знали, что она заправляет одним из гнуснейших на Улице шлюх борделей, то вполне могли принять ее за чью-нибудь мать.

Матерью она никогда не была.

— Развлечься пожаловали? — спросила она, подмигивая Карелле.

— Кроме тебя, Мама Лус, мне никого не нужно, — заявил Карелла.

Клинг потрясенно моргнул и поспешно вытер вспотевшее лицо.

— Для тебя, торо[29], Мама Лус сделает все, что пожелаешь. — Она снова подмигнула ему. — Для тебя Мама Лус опять юная девчонка.

— Ты у нас вечно юная, Мама Лус, — великодушно польстил Карелла, звучно шлепнув ее по могучему заду. И быстро спросил: — Где Ордис?

— Он с la roja[30]. Та, верно, обобрала его уже дочиста, спасибо, если глаза на месте оставила. — Мама Лус негодующе пожала плечами. — Эти нынешние девицы! Ничего их не интересует, кроме денег. В наши старые добрые времена… Знаешь, порой ведь любовь приходила. А сейчас? Что случилось с любовью, куда она подевалась?

— Она вся в твоем сердце, Мама Лус. У Ордиса есть пистолет?

— Я что, обыскиваю клиентов? Вряд ли у него есть пистолет, Стив. Пожалуйста, без стрельбы, можно?

— Стрельбы не будет. Покажи нам, где он, — попросил Карелла.

Мама Лус кивнула. Когда Клинг проходил мимо нее, она выразительно посмотрела на его ширинку. Молодой полисмен залился краской, а мадам оглушительно расхохоталась. Проследовав за ними в дом, она обогнала полицейских и показала:

— Сюда. Наверх.

Ступени под ней угрожающе дрожали. Она обернулась, подмигнула через плечо Карелле и поддразнила:

— Смотри, как я тебе доверяю, Стив. Не боюсь даже за своей спиной!

— Gracias[31].

— Только не заглядывай мне под юбку.

— Но соблазн-то какой! — признался Карелла и услышал, как сзади него Клинг издал сдавленным горлом нечто между всхлипом и стоном.

Мама Лус остановилась на первой лестничной площадке.

---

29 Бык *(исп.)*.

30 Рыжая *(исп.)*.

31 Спасибо (исп.).

— Вон та дверь в конце коридора. Без крови, Стив, очень прошу. Он и так уже полумертвый.

— Ладно. Спускайся вниз, Мама Лус.

— А потом, как дела закончишь… — обольстительно намекнула Мама Лус и игриво задела Кареллу пышным бедром, чуть не спустив его при этом с лестницы.

Она проплыла впритирку к Клингу и начала спускаться, оглашая лестничную клетку громоподобным хохотом.

Карелла вздохнул и посмотрел в растерянно-негодующие глаза юного напарника.

— Что поделаешь, малыш. Любовь!

— Не понять мне детективов, — ответствовал ошарашенный Клинг.

Они подошли к двери. Клинг, увидев, что Карелла изготовил револьвер, потащил из кабуры свой.

— Она же просила не стрелять, — напомнил он Стиву.

— Насколько мне известно, она пока еще командует борделем, а не полицейским управлением, — нравоучительно ответил Карелла.

— Да, конечно, — поспешил согласиться Клинг.

Карелла постучал рукояткой револьвера в дверную створку.

— Quien es? [32] — произнес за ней женский голос.

— Полиция. Открывай! — приказал Карелла.

— Momento[33].

— Она одевается, — проинформировал Клинг Кареллу.

Через несколько мгновений дверь открылась. За ней стояла рослая рыжеволосая женщина. На лице ее не было и тени улыбки, так что Карелле не выпало счастья полюбоваться ее золотыми зубами.

— Что нужно? — негостеприимно спросила она.

— Проваливай! — распорядился Карелла. — Нам нужно поговорить с твоим клиентом.

— Валяй! — охотно согласилась рыжая, бросив на Кареллу взгляд, призванный выразить оскорбленную невинность. Затем, вызывающе играя бедрами, женщина гордо удалилась.

Клинг смотрел ей вслед. Когда он обернулся к двери, Карелла уже был в комнате.

Вся обстановка комнаты — кровать, ночной столик и металлический умывальник. Окно наглухо зашторено. В комнате стоял омерзительно тяжелый запах. На кровати пластом лежал человек — без рубашки, ботинок и носков, в одних брюках. Глаза его были закрыты, рот же, напротив, открыт, и очень широко. Вокруг носа с нудным жужжанием петляла крупная муха.

— Откройте окно, — попросил Карелла Клинга. — Боже, ну и вонища!

Человек на кровати зашевелился. Приподнял голову и посмотрел на Кареллу.

— Ты кто? — произнес он.

— Твоя фамилия Ордис?

— Ага. Ты из полиции?

— Да.

— А что я такого сделал?

Клинг распахнул окно. С улицы донеслись детские голоса.

— Где был в воскресенье вечером?

— Когда вечером?

— Около полуночи?

— Что я, помню?

---

[32] Кто там? *(исп.).*

[33] Минутку *(исп.).*

— Вспоминай, Ордис, — посоветовал Карелла. — И побыстрее. Или уже наширялся?

— Не пойму, о чем это вы.

— Кончай, Ордис. Нам известно, что ты давно сидишь на игле. Знаем мы и то, что пару часов назад ты заимел три дозы героина. Так вот я и спрашиваю, ты уже совсем прибалдел или способен меня понимать?

— Я тебя слышу, — нейтрально ответил Ордис.

Он провел ладонью по глазам. На его густо заросшем щетиной изможденном лице выделялись длинный горбатый нос и толстые губы.

— Давай, выкладывай, — поторопил его Карелла.

— Вечером в пятницу, говоришь?

— Я сказал — в воскресенье.

— Вон как! В воскресенье, значит. Ага, в воскресенье, точно! В покер перекинулись.

— Где?

— Саус, номер четыре. А чего спрашиваешь, не веришь мне, что ли?

— Есть свидетели?

— Пятеро. Спроси любого.

— Давай имена.

— Запросто. Луи Де Скала, братан его, Джон. Один пацан, как его… А, Пит Диас. Потом еще Пепе, фамилии не знаю.

— Так, это четверо, — подсчитал Карелла. — Кто пятый?

— А я тебе что, не человек? Я и был пятым.

— Где живут, знаешь?

Ордис выпалил серию адресов.

— Добро. Как насчет понедельника? — продолжил Карелла.

— В понедельник-то я сидел дома.

— Один?

— Не. Со своей квартирной хозяйкой.

— Что?

— С квартирной хозяйкой, говорю. Тебе уши заложило?

— Лучше заткнись, Диззи, и отвечай на вопросы, — довольно непоследовательно приказал Карелла, задетый грубостью Ордиса. — Как ее зовут?

— Олга Пасио.

— Адрес?

Ордис назвал адрес и сам задал вопрос:

— Так что я там, по-вашему, сделал?

— Ладно, ничего. Пушка у тебя есть?

— Откуда? Слушай, я, как вышел, завязал начисто.

— Правда? А три дозы героина?

— Прямо не знаю, где ты наслушался такой туфты. Кто-то тебе лапши навешал.

— Как бы не так. Одевайся!

— С чего вдруг? Я башли заплатил за пользование этой дырой.

— Ты ей уже достаточно попользовался. Одевайся!

— За что? Слушай, я же сказал, что завязал, как вышел. Какого черта?

— Мне спокойнее, чтобы ты побыл в участке, пока я разберусь с твоими приятелями. Есть возражения?

— Они подтвердят, что я всю ночь сидел с ними, будь спокоен. А эта туфта насчет трех доз, откуда ты взял, Господи. Я уж сколько лет к ширеву не прикасался.

— Оно и видно, — язвительно заметил Карелла. — Все эти шрамы у тебя на руках от бери-бери[34], наверное?

---

[34] Распространенное в Юго-Восточной Азии заболевание, обусловленное недостатком в пище витамина В,

— Как? — растерялся Ордис.

— Одевайся!

Карелла проверил всех, кого назвал Ордис. Каждый из них готов был присягнуть, что Луис играл в покер с половины одиннадцатого вечера 23 июля до четырех утра 24 числа. Хозяйка, у которой Ордис снимал комнату, весьма неохотно, но подтвердила, что провела всю ночь 24 и утро 25 июля с Луисом. Так что у Ордиса было прочное алиби на то время, которое кто-то употребил на убийства Риардона и Фостера.

А когда приехал Буш, проверявший Флэннегена, детективы вернулись прямехонько туда, откуда начинали.

— У Флэннегена алиби пушкой не прошибешь, — сокрушенно доложил Буш.

Карелла только горестно вздохнул и пригласил Клинга на стакан пива. Потом поехал к Тедди.

Буш на чем свет стоит обругал жару и отправился домой к своей жене.

Глава 10

Со своего места в углу бара Сэвидж видел только, что на спине яркой куртки этого парня от руки выведена какая-то надпись. Парень привлек его внимание, как только Сэвидж вошел в бар. Он сидел в кабине с темноволосой девушкой, перед ними стояли стаканы с пивом. Сэвидж прошел к стойке и заказал джин с тоником. Время от времени он бросал любопытные взгляды на парочку. Парень был худ и бледен, копна темных волос распадалась вихрами. Воротник его багряно-золотистой куртки был поднят, но поначалу Сэвидж не мог разглядеть надпись поперек спины, потому что парень почти сразу откинулся на мягкую обивку кабины.

Девушка допила пиво и ушла, но парень остался в кабине. Теперь он слегка повернулся, и Сэвидж смог прочитать надпись на его спине, и подсознательно мучавшая его мысль начала быстро обретать четкие очертания.

Буквы на спине куртки складывались в одно слово — „Гроверы".

Оно, несомненно, происходило от названия парка на территории 87-го участка, и было в нем что-то мучительно знакомое. Почти мгновенно Сэвидж вспомнил: „Гроверы" были ответственны за великое множество уличных побоищ, включая почти титаническое сражение в одном из глухих уголков парка с применением ножей, битых бутылок, огнестрельного оружия и опиленных бейсбольных бит. „Гроверы" вступили в перемирие с полицией, во всяком случае так говорили, но Сэвидж никак не мог отделаться от навязчивой идеи, что одна из подростковых банд причастна к гибели Риардона и Фостера.

И вот перед ним один из „Гроверов".

Вот с кем надо переговорить.

Сэвидж залпом допил свой джин и подошел к одиноко сидевшему в кабине парню.

— Привет! — поздоровался репортер.

Парень даже не пошевелился, не поднял головы, только вскинул глаза и ничего не ответил.

— Можно присесть? — спросил Сэвидж.

— Дуй отсюда, мистер!

Репортер полез в карман пиджака. Парень молча наблюдал за ним. Сэвидж достал пачку сигарет, предложил парню и после молчаливого отказа закурил сам.

— Меня зовут Сэвидж, — представился он.

— А кому это интересно?

— Хотел бы потолковать с тобой, — не унимался репортер.

— Ну да! О чем же это?

— О „Гроверах".

— Мистер, ты ведь не здешний?

— Нет.

— Тогда, папаша, топай домой.
— Я же сказал, надо потолковать.
— Тебе надо, а мне нет. Иди, иди, пока ноги целы.
— Слушай, малыш, я ведь тебя не боюсь, так что давай, смени тон.
Парень окинул репортера холодным оценивающим взглядом.
— Как тебя зовут? — решил подступить с другой стороны Сэвидж.
— А ты угадай.
— Пива выпьешь?
— Угощаешь?
— Конечно.
— Тогда лучше ром с кока-колой.
Сэвидж повернулся к стойке и окликнул бармена:
— Ром-кока и еще один джин с тоником!
— Джин пьешь, а? — хмыкнул парень.
— Да. Так как твое имя, сынок?
— Рафаэль, — ответил парень, продолжая пристально разглядывать репортера. — Ребята зовут меня Рип.
— Рип. Хорошее имя.
— Не хуже других. А в чем дело, тебе не нравится?
— Нравится! — заверил его Сэвидж.
— Ты кто, хват?
— Кто? — не понял репортер.
— Ну, полисмен?
— Нет, что ты.
— А кто тогда?
— Репортер.
— И что тебе от меня надо?
— Да потолковать.
— О чем это?
— О вашей банде.
— Какая еще банда? — удивился Рип. — Не знаю никакой банды. Официант принес стаканы. Рип глотнул из своего и заявил:
— Жулик этот бармен. Вода и никаких градусов.
— Ну, за удачу! — предложил Сэвидж.
— Вот тебе-то она как раз не помешает, — откликнулся Рип.
— Так, насчет „Гроверов"…
— „Гроверы" — это клуб, мистер.
— Не банда?
— На кой нам банда? Клуб это, и все.
— И кто у вас президент в клубе? — поинтересовался Сэвидж.
— Я-то знаю, да тебе не скажу!
— Что так? Стыдишься своего клуба?
— С чего бы это?
— Неужели не хочешь, чтобы мы расписали его в газете?
— На кой? У нас и так репутация дай бог! Найди-ка в городе, кто не слышал о „Гроверах". Кому мозги пудришь, мистер?
— Никому. Я думал, благоприятная пресса вам не повредит.
— Это еще что за чертовщина? — Рип сдвинул брови. — Что ты имеешь в виду?
— Статью о вашем клубе.
— Не нуждаемся. Кончай, папаша.
— Рип, я только хотел с тобой подружиться…
— У меня куча друзей в „Гроверах", — оборвал репортера Рип.

— Сколько?

— Как минимум… — начал Рип и спохватился на полуслове. — Ох ты какой умник нашелся!

— Не хочешь, не говори, Рип. Кстати, а почему тебя зовут Рип?

— У нас у всех кликухи. Меня прозвали так.

— Но почему?

— Лезвием хорошо владею. Вот и Рип[35].

— А приходилось?

— В ход пускать? Не смеши, папаша. В нашей округе, если не иметь пера или дуры, ты труп. Труп, мужик, понял?

— А что такое перо, дура, Рип? — наивно полюбопытствовал Сэвидж.

— Ну, нож, пистолет. — Глаза Рипа широко раскрылись от удивления. — Не знаешь, что такое дура? Ну, мужик, ты с луны свалился.

— И много у „Гроверов" этих самых дур?

— Хватает.

— Какие?

— Всякие. Тебе какую нужно?

— И 45-го калибра есть?

— А почему тебя это интересует?

— Хороший пистолет.

— Хороший, — согласился Рип. — Бьет, как пушка.

— Что, постреливаете?

— Приходится. А ты думал, это игрушки? Для забавы? Слушай, мужик, в нашей округе приходится пускать в ход все, что под руку попадет. Иначе тебе быстро номерок на ногу навесят. — Рип отпил из стакана. — У нас здесь все время приходится смотреть в оба. Вот почему полезно быть „Гровером**. Они видят эту куртку, они тебя уважают. Знают, задень меня — и им придется иметь дело со всеми „Гроверами".

— Ты полицию имеешь в виду?

— Что ты, очнись! Кому охота связываться с законом? Мы от полиции держимся подальше. Если они нас не трогают, конечно.

— А недавно у вас не было неприятностей с полицией?

— С полисменами у нас уговор. Они нас не трогают, и мы их не трогаем. Да уж который месяц ни одной стычки. Все тихо, спокойно.

— А тебе это нравится?

— Почему нет? Кому нужно получить по черепушке-то? „Гроверы" хотят мира. Мы никогда по кустам не прячемся, но и неприятностей сами себе не ищем.

— Значит, никаких неприятностей от полиции?

— Да так, ерунда. Говорить не о чем.

— А что за ерунда?

— Да пустяки, говорю же. Один из ребят накурился травки[36]. Забалдел, понял? Кокнул витрину в магазине, для смеха, понял? А тут его полисмен и прихватил. Дали условно.

— А какой полисмен его прихватил?

— Зачем тебе знать?

— Просто интересно.

— Один из быков, не помню кто.

— Детектив?

— Я же ясно сказал — бык.

---

35 Потрошить *(англ.).*

36 Марихуана *(жарг.).*

— Ну и как остальные „Гроверы" к этому отнеслись?

— В каком смысле?

— Что детектив арестовал одного из ваших?

— Чего там! Пацан был новичком, не в курсе еще. Начнем с того, что нечего было совать ему рифер[37]. С непривычки рифер такого с человеком сотворить может!.. Да что взять с пацана!

— Значит, „Гроверы" не обиделись на того полисмена, что его задержал?

— Слушай, ты куда клонишь, а, мистер? — Глаза Рипа внезапно затянула пелена враждебности.

— Да никуда, что ты?

— Как, ты сказал, тебя зовут?

— Сэвидж.

— Ты почему интересуешься, что мы имеем против полисменов?

— Просто так. Из любопытства.

— Так, — решительно поднялся из-за стола Рип. — Мне пора.

— Посиди немного, — попросил репортер. — Хотелось бы потолковать еще кое о чем.

— Тяжелый случай, папаша. А мне нет. Спасибо за выпивку. Еще увидимся. — Рип вышел из кабины.

— Обязательно! — крикнул ему вслед Сэвидж.

Он следил, как парень вразвалку шел через бар. Дверь открылась, хлопнула, и Рип исчез из виду.

Сэвидж разглядывал свой стакан. Все-таки, значит, были трения между „Гроверами" и каким-то полисменом, вернее, детективом. Следовательно, его версия не так уж и притянута за уши, как это пытался представить наш славный лейтенант. Рассеянно прихлебывая джин, репортер погрузился в раздумья. Допив, заказал еще. Минут десять спустя вышел из бара, разминувшись по дороге с двумя щеголевато одетыми мужчинами.

Это были Стив Карелла и патрульный полисмен в штатском — патрульный полисмен по имени Берт Клинг.

Глава 11

Когда Буш добрался до дому, он был совершенно без сил.

Буш ненавидел сложные расследования, но только потому, что внутренне чувствовал себя неспособным справиться с ними. И он отнюдь не шутил, когда говорил Карелле, что, по его мнению, детективы не блещут каким-то уж особенным умом. Он твердо верил в это, и когда бы он и его коллеги ни сталкивались с трудным делом, эта его теория получала еще одно подтверждение.

Ноги и упрямство — вот и все, что требуется детективу.

На данный момент вся их беготня ни на шаг не приблизила их к убийце. Упрямство? Это еще один необходимый компонент. Они, конечно, не отступятся. До тех пор, пока им не повезет. Когда? Сегодня? Завтра? Никогда?

К черту дела! Я дома, подумал Буш. Человек имеет право хотя бы на такую роскошь, как оставить все эти чертовы дела в конторе. Человек имеет право на несколько безмятежных часов со своей женой.

Он зло вставил ключ в скважину, резко повернул его и распахнул дверь.

— Хэнк, ты? — окликнула Элис.

От ее голоса веяло прохладой и покоем. От Элис всегда веяло прохладой и покоем. Элис была удивительная женщина.

— Я, — отозвался Буш. — Ты где?

---

[37] Сигарета с марихуаной *(амер. жарг.)*.

— В спальне. Иди сюда, здесь такой ветерок, просто прелесть!

— Ветерок? Все шутишь.

— Нет, серьезно.

Он снял пиджак и бросил его на спинку стула. По дороге в ванную начал снимать рубашку. Буш никогда не носил маек. Он не верил в теорию о том, что нижнее белье впитывает пот. Нижняя рубашка, считал он, есть просто дополнительный предмет одежды, а в такую погоду одежда, по идее, должна быть как можно ближе к костюму Адама. И потому Буш содрал с себя рубашку почти с яростью. Его широкая грудь поросла курчавыми рыжими волосами, по правой руке стекал извилистый ножевой шрам.

Элис, одетая в белую блузку и черную прямую юбку, лежала в кресле у открытого окна, устроив босые ноги на подоконнике. Слабый ветерок тихо шевелил легкую ткань юбки. Сегодня она собрала свои светлые волосы в конский хвост, перетянутый ленточкой. Он подошел к ней и чмокнул в подставленную щеку, заметив бисеринки пота на ее верхней губе.

— Выпить хочешь? Сейчас приготовлю, — она легко скинула ноги с подоконника, юбка взметнулась и опала, на мгновение перед Бушем таинственно мелькнула зовущая белизна бедер.

Хэнк молча следил за ее движениями, думая про себя, что же в этой женщине есть такого, что так волнует и возбуждает, неужели все мужья чувствуют то же самое к своим женам даже после десяти лет супружества. Чувства эти, видимо, сразу отразились на его лице, потому что Элис, только мельком взглянув на него, предупредила:

— Ну, ну, лучше выбрось эти мысли из головы.

— Это почему же?

— Слишком жарко.

— Знаю я одного парня, который настаивает, что лучше всего… — начал Хэнк.

— Тысячу раз слышала про этого твоего парня.

— …уединиться в самый жаркий день года в запертой комнате с наглухо закрытыми окнами да под четырьмя одеялами! — закончил Буш.

— Джин с тоником? — игнорируя полезные советы приятеля Буша, спросила Элис.

— Годится.

— Говорят, водка с тоником вкуснее.

— Надо попробовать как-нибудь.

— Тяжелый был день?

— Да, черт побери. А у тебя?

— А что у меня? Сидела и беспокоилась за тебя.

— То-то я смотрю, седых волос сколько прибавилось, — поддразнил ее Хэнк.

— О, ему не оценить любви моей и заботы о нем! — продекламировала Элис предметам интерьера. — Нашли уже этого убийцу?

— Нет.

— Лимон положить?

— Как хочешь?

— За ним на кухню идти. Слушай, будь славным мальчиком, попей без лимона.

— А я всегда славный мальчик, — заверил ее Буш.

Элис протянула ему стакан. Буш уселся на край кровати. Сделал несколько глотков и наклонился вперед, уперев локти в колени и сложившись чуть ли не пополам, так что стакан в его длинных мускулистых руках едва не касался пола.

— Устал?

— До потери пульса.

— Господи, опять! Можешь ты придумать что-нибудь новенькое? Вечно у тебя одни и те же словечки.

— Например?

— Например, когда мы едем в машине и ты попадаешь в „зеленую волну"[38], ты всегда говоришь „идем в ногу".

— А что тут плохого?

— Ничего. Первые сто раз. Жарко мне, — сменила тему Элис.

— Мне тоже, — буркнул Буш.

Элис начала расстегивать блузку и еще до того, как он успел вскинуть голову, сказала:

— Только не воображай ничего такого!

У нее были большие груди, стиснутые сейчас тонким белым лифчиком. Сквозь прозрачную нейлоновую отделку он ясно видел вдруг напрягшиеся соски. И вспомнил фотографии из „Нэшнл джиогрэфик[39], который он перелистывал в ожидании приема к зубному врачу. Девушки с Бали[40]. Ни у кого нет таких грудей, как у девушек с Бали. Разве что у Элис.

— И что ты делала целый день? — хрипло выговорил он.

— Ничего особенного.

— Сидела дома?

— Да почти все время.

— Скучала по мне?

— Я всегда по тебе скучаю, — бесстрастно заявила Элис.

— И я скучал. Очень, — признался Хэнк.

— Пей лучше, пока совсем не согрелось.

— Я серьезно, Элис.

— Ладно, я рада. — По губам Элис скользнула улыбка. Улыбнулась она столь мимолетно, что у Хэнка возникло странное ощущение, что сделала это Элис только по обязанности. — Почему бы тебе не поспать немного? — спросила она его.

— Рановато еще, — возразил Хэнк, не спуская с нее глаз.

— Хэнк, если ты воображаешь…

— Что?

— Нет, ничего.

— Мне придется вернуться в участок. Попозже, — сообщил Буш.

— Вы действительно взялись за это дело, я вижу, — сказала Элис.

— Давят со всех сторон, — пожаловался Хэнк. — По-моему, старик боится, что следующим будет он.

— Держу пари, что все кончено. Больше убийств не будет.

— Как сказать, — усомнился Хэнк.

— Поешь перед уходом?

— А я еще не собираюсь уходить.

Элис вздохнула.

— Никакого спасения от этой жары нет, — раздраженно бросила Элис.

Она расстегнула пуговицу на боку юбки и потянула вниз молнию. Юбка упала вокруг ее ног черным кольцом, и Элис, перешагнув его, пошла к окну. Буш не мог оторвать глаз от белых нейлоновых трусиков, окаймленных кружевной паутинкой на длинных гладких ногах.

— Иди ко мне, — позвал он.

— Нет. Не хочется, Хэнк.

— Ну, ладно.

---

[38] Система автоматического переключения светофоров, позволяющая при поддержании определенной скорости движения проезжать каждый перекресток на зеленый свет без остановки.

[39] Популярнейший иллюстрированный журнал.

[40] Остров в Индонезии.

— Как думаешь, ночью хоть станет прохладнее?

— Сомневаюсь. — Буш пристально смотрел ей в спину. Он был уверен, что этот домашний стриптиз она затеяла для него, но сама в то же время говорит… Он в недоумении сморщил лоб и ожесточенно потер нос.

Элис обернулась к нему от окна. Какая у нее белая кожа, белее даже ее белого белья. Груди круглились над тесным лифчиком.

— Постричься бы тебе не мешало, — посоветовала Элис.

— Завтра попытаюсь. У нас нет ни минуты свободной.

— О, будь проклята эта жара! — простонала она и завела руки за спину, нащупывая крючки лифчика.

Швырнув лифчик через всю комнату, Элис, колыхая грудями, пошла налить себе еще джина. Хэнк провожал ее завороженным взглядом. Что она делает, билось у него в голове. Что же она со мной делает!

Он резко поднялся с кровати и подошел к Элис, которая так и осталась стоять к нему спиной. Обнял, сжав ладонями груди.

— Не надо, — попросила она.

— Малышка…

— Прекрати. — В непререкаемом тоне ее голоса теперь звучала холодность.

— Но почему?

— Потому что я так говорю.

— Тогда какого черта ты разгуливаешь здесь передо мной, как…

— Убери руки, Хэнк. Пусти меня!

— Ну, малышка…

Элис вырвалась и повернулась к нему лицом.

— Иди поспи. Ты устал. — Ее глаза мерцали каким-то странным выражением, в них светился злорадный, почти злобный огонек.

— Но может…

— Нет.

— Побойся Бога, Элис…

— Нет, я сказала!

— Ладно.

— Ладно, так и ладно. — Опять та же мимолетная улыбка.

— Ну, я тогда… прилягу, — промямлил Хэнк.

— Вот и хорошо. Приляг.

— Все-таки я никак не пойму, почему…

— В такую жару даже простыня не нужна, — перебила его Элис.

Хэнк подошел к кровати, скинул ботинки, стащил носки. Ему не хотелось раздеваться при ней, чтобы не доставлять ей удовольствия видеть — теперь, когда он был отвергнут, — как она на него действует. Он торопливо стянул брюки и юркнул под простыню, натянув ее до самого подбородка.

Элис наблюдала за ним, не скрывая улыбки.

— Все равно жарко! Пойду-ка приму душ, — вдруг заявила она. — А потом, может, схожу в кинотеатр с кондиционером. Ты ведь не против?

— Нет, — буркнул Хэнк.

Элис подошла к кровати и постояла, глядя на него сверху вниз.

— Да, пойду-ка я под душ.

Зацепив пальцами резинку, она начала медленно-медленно стягивать трусики. Трусики наконец упали на пол, она перешагнула через них и встала вплотную к кровати, улыбаясь Бушу.

Он не шевельнулся. Он не отрывал глаз от пола, но все равно видел ее узкие ступни, тонкие щиколотки, стройные икры. И не мог пошевельнуться.

— Спи крепко, милый, — шепотом пожелала ему Элис и ушла в ванную.

Хэнк услышал звук бьющей из душа воды. Он лежал на сырой простыне и слушал монотонный звук падающей воды, потом сквозь него прорвался телефонный звонок, расколовший повисшую в комнате тишину.

Буш сел и поднял телефонную трубку.

— Алло!

— Буш?

— Слушаю.

— Это Хэвилленд. Давай сюда по-быстрому.

— А что случилось?

— Знаешь этого новичка Клинга?

— Ну?

— Его только что подстрелили в баре на Калвер.

Глава 12

Когда Буш примчался в участок, кабинет следственно-розыскного отдела напоминал больше раздевалку какого-нибудь бойскаутского клуба. Здесь столпилось как минимум дюжины две подростков плюс около дюжины детективов. Детективы, стараясь перекричать друг друга, без остановки выпаливали вопросы, ответы на которые следовали на двух языках. Короче, в кабинете стоял бедлам, как после взрыва водородной бомбы.

Все подростки были одеты в одинаковые багряно-золотистые куртки с надписью „Гроверы" на спинах. Буш поискал Кареллу в битком набитой комнате, разглядел наконец среди взбудораженной толпы и стал пробираться к своему напарнику. Детектив Хэвилленд, дюжий грубиян с ангельским личиком, пухлым и розовощеким, орал на одного из мальчишек:

— Кончай мне мозги пудрить, молокосос вонючий, а то все кости переломаю!

— Только попробуй, бычина позорный! — смело бросил вызов пацан, и Хэвилленд отвесил ему оплеуху.

Подросток попятился назад, столкнувшись с проходившим Бушем. Буш шевельнул плечом, и пацан, словно задетый шершавым боком мчащегося во весь опор носорога, отлетел обратно в объятия Хэвилленда.

Карелла среди всего этого гвалта пытался допрашивать двух подростков.

— Ну, кто стрелял?

Пацаны синхронно пожимали плечами.

— Посадим всех как соучастников, — пообещал Карелла.

— Какого черта тут у вас стряслось? — поинтересовался у него подошедший Буш.

— Понимаешь, мы с Клингом пошли выпить пива. Тихо, спокойно посидеть за стаканом пива после работы. Я уехал, а он остался. А когда через десять минут тоже собрался домой, на выходе на него набросилась эта шпана. В суматохе кто-то из них его и подстрелил.

— Как он?

— В больнице. Пуля 22-го калибра. В правое плечо навылет. Полагаем, стреляли из самопала.

— Думаешь, это связано с теми двумя убийствами?

— Очень сомневаюсь. Уж очень почерк непохож.

— Но тогда почему? За что?

— Откуда, черт побери, мне знать? Похоже, весь город решил, что открылся сезон отстрела полисменов. — Карелла повернулся к своим двум подопечным: — Вы оба там были, когда вся ваша свора набросилась на полисмена?

Пацаны продолжали упорно молчать.

— Ладно, ребята, как хотите. Играйте в молчанку. Посмотрим, что это вам даст. Посмотрим, сколько „Гроверам“ осталось жить — с таким-то обвинением! — пригрозил

Карелла.

— Да не стреляли мы ни в какого полисмена, — сказал один из мальчишек.

— Нет? Он сам себя подстрелил?

— Думаете, мы психи? Стрелять в быка, придумал тоже.

— Это был патрульный, — поправил его Карелла, — а не детектив.

— Ну да, в пиджачке, — усомнился первый парнишка.

— Полисмены носят штатское платье во внеслужебное время, — почти в уставных терминах проинформировал пацанов Буш. — Что на это скажете?

— Никто не станет стрелять в полисмена, — упорствовал первый подросток.

— Да, но кто-то все же стрелял?

Лейтенант Барнс вылетел из своего кабинета и рявкнул:

— Ну ладно, хватит! Хватит, я сказал!

В комнате немедленно воцарилась тишина.

— Кто у вас говорит?

— Я, — отозвался высокий подросток.

— Имя?

— До-До.

— Полное имя!

— Сальвадор Хесус Сантес.

— Хорошо. Подойди сюда, Сальвадор.

— Ребята зовут меня До-До.

— Ладно, иди сюда.

Сантес подошел к Барнсу. Ленивой, враскачку, хиповой походкой, которая, как считалось, одновременно выражала дерзость и хладнокровие. Ребятня в комнате заметно успокоилась и расслабилась. До-До ушлый парень, даром что ли они избрали его вести всякие толковища[41], он-то языком молотить умеет. И всю эту бузу уладит.

— Что произошло? — спросил его Барнс.

— Маленькая стычка, вот и все, — объяснил Сантес.

— Из-за чего?

— Так просто. Промеж нас прошло словечко, вот мы и собрались проучить…

— Какое еще словечко? О чем это, черт возьми, ты говоришь?

— Ну, знаете, вроде ищейка объявилась. Нюхает, нос сует, куда не надо. Знаете?

— Нет, не знаю. Объясни.

— Слушайте, папаша… — начал Сантес.

— Еще раз назовешь меня папашей, — предупредил Барнс, — живого места на себе не отыщешь!

— Во завелся, па… — Сантес оборвал себя на полуслове. — Чего вы от меня хотите?

— Я хочу знать, почему вы напали на полисмена.

— На какого еще полисмена? О чем вы?

— Слушай, Сантес. Ты перестань умничать. Вы напали на одного из наших патрульных, когда он выходил из бара. Вы избили его, и один из ваших прострелил ему плечо. Что теперь скажешь?

Сантес мрачно задумался над вопросом Барнса.

— Ну, я тебя слушаю, — поторопил его лейтенант.

— Он из полиции, что ли? — переспросил Сантес.

— А откуда же еще, черт побери!

— Но он был в летнем голубом костюме! — возмутился Сантес, удивленно хлопая глазами.

— При чем тут костюм? Почему вы на него напали! За что стреляли в него?

---

41 Переговоры *(жарг.)*.

Позади Сантеса прокатился невнятный протестующий ропот. Барнс мгновенно прореагировал:

— Заткнитесь вы там! У вас есть ваш представитель, пусть он и говорит!

Но Сантес продолжал молчать.

— Я жду, Сантес, — настаивал лейтенант.

— Ошибка, — заявил Сантес.

— Это уж точно. Но какая!

— Да нет, я хочу сказать, мы не знали, что он полисмен.

— Почему вы на него напали, спрашиваю?

— Говорю же, ошибка.

— Давай с самого начала.

— Ладно, — согласился Сантес. — В последнее время у вас были с нами какие-нибудь неприятности?

— Нет, — признался Барнс.

— Вот! Мы занимались своим делом, так? Ни во что не лезли, так? „Гроверы" никогда не возникают, только если надо защитить своих. Я прав?

— Продолжай, Сантес.

— Ладно. А сегодня заявился этот мужик, стал вынюхивать чего-то. Пристал к нашему парню в баре и ну его трясти.

— К какому вашему парню?

— Забыл, — твердо сказал Сантес.

— А кто был этот мужик?

— Сказал, что из газеты.

— Что?!

— Ага. Сказал, ejго зовут Сэвидж. Знаете такого?

— Знаю, — мрачно ответил Барнс.

— Ладно. Так этот мужик начал выспрашивать всякое, вроде как сколько у нас стволов, да есть ли 45-го калибра, и нет ли у нас зуба на закон, и все в том же духе. Ну, этот наш парень не дурак, сразу смекнул, что мужик этот хочет подвесить „Гроверам" дело с двумя быками, которых кокнули в здешних местах. А нам с законом ссориться ни к чему. Если эта дешевка начнет печатать в своей газете всякое вранье, что мы замешаны в этом деле…

— Ну и что вы решили делать, Сантес? — устало перебил его Барнс, думая про себя о том, с каким удовольствием он свернул бы Сэвиджу шею, репортеришка безмозглый!

— Значит, этот наш парень рассказал нам все как есть, и мы надумали припугнуть репортера, пока он не напечатал свою туфту. Собрались у бара и стали его ждать. Когда он вышел, хотели поучить малость, только он вытащил пушку, а один из наших жиганул в него в порядке самообороны.

— Кто?

— А кто ж его знает? — пожал плечами Сантес. — Кто-то из наших.

— Приняв его за Сэвиджа?

— Точно. Кто же мог знать, что это, наоборот, полисмен? Легкий голубой костюм, блондин — в точности как этот урод, репортер. Ну и стрельнули. Ошибка, говорю же вам.

— Ты вот твердишь одно и то же, Сантес, но сдается мне, хорошенько еще не понял, насколько серьезную ошибку вы допустили. Кто стрелял?

Сантес молча пожал плечами.

— С кем из ваших говорил Сэвидж?

Вновь молчаливое пожатие плечами.

— Он здесь?

Сантес, похоже, утратил дар речи.

— Тебе известно, что у нас есть список всех членов вашей банды?

— Конечно, известно.

— Добро. Хэвилленд, давайте сюда список. Проведем перекличку. Всех, кого здесь не

окажется, найти и доставить в участок.

— Эй, да обождите минутку, — встревоженно воззвал Сантес. — Я же сказал, что все это ошибка. Вы хотите нам неприятностей только из-за того, что мы не признали полисмена?

— Слушай меня, Сантес, и слушай внимательно. В последнее время ваша банда не доставляла нам беспокойства, и это нас устраивало. Называй это перемирием или как тебе там еще угодно. Но никогда, подчеркиваю, никогда не вздумайте мечтать, что кто-нибудь из вас может стрелять в кого-нибудь на территории моего участка и это ему сойдет с рук. Что до меня, Сантес, так вы просто шайка бандитов. А семнадцатилетний бандит не менее опасен, чем пятидесятилетний бандит. Мы вас не тревожили только потому, что вы вели себя как следует. Сегодня вы перестали вести себя как следует. Вы подстрелили человека на территории моего участка, а это значит, что вы попали в беду. В большую беду, Сантес.

Сантес молча хлопал глазами.

— Давайте их всех вниз и проведите там перекличку, — распорядился Барнс. — Кого не окажется, доставить.

— Так, шевелись, ребята, давай, давай, пошли вниз, — начал выпроваживать подростков из комнаты Хэвилленд.

Мисколо, полисмен из канцелярии, протолкался сквозь растревоженную гудящую толпу и подошел к лейтенанту.

— Лейтенант, там какой-то тип хочет вас видеть.

— Кто?

— Назвался Сэвиджем. Говорит, репортер. Спрашивает, что за стычка произошла сегодня около ба…

— Спусти его с лестницы пинком в зад, — приказал Барнс и скрылся в своем кабинете.

Глава 13

Убийство, если, конечно, оно не касается ваших родных и близких, вещь по-настоящему интересная.

Расследование убийства может поглотить вас целиком, потому что это неординарное явление в повседневной жизни полицейского участка. Убийство есть самое экзотическое преступление, ибо связано с хищением предмета всеобщего свойства — человеческой жизни.

К сожалению, существуют и менее интересные и более приземленные дела, с которыми приходится сталкиваться в полицейском участке. Ну а в таком участке, как 87-й, эти более приземленные и скучные дела могут отнять у вас кучу времени. К ним относятся изнасилования, грабежи, поножовщина, бродяжничество, разнообразные нарушения общественного порядка, кражи со взломом и кражи без взлома, квартирные кражи, угоны автомобилей, уличные драки, застрявшие в канализационных трубах кошки и многое, многое, подобное вышеперечисленному. Часть этих отборных образчиков преступлений, правда, передается на рассмотрение специализированных отделов полицейского управления, однако первоначально жалобы и заявления все равно поступают в участок, на территории которого совершается правонарушение, и таких жалоб и заявлений бывает столько, что успевай поворачиваться.

Не так уж легко успевать поворачиваться, когда стоит невыносимая жара.

Ибо полицейские, каким бы шокирующим ни показалось вам на первый взгляд это определение, — тоже люди. Они потеют — ну совсем как вы и я, и они не любят работать в жару. Некоторые из них не любят работать даже в прохладную погоду. Никто из них не любит присутствовать на „параде", тем более когда стоит жара.

Несчастный жребий посетить „парад" в четверг 27 июля пал на Стива Кареллу и Хэнка Буша.

Они были особенно огорчены и расстроены потому, что „парады“ проводились по понедельникам и четвергам, и если бы им повезло на жеребьевке и не выпало принимать участие в ответственной процедуре в этот четверг, оставались шансы, что горькая чаша сия

минует их до следующей недели, а это, в свою очередь, порождало надежду, что к тому времени жара вдруг спадет.

Утро в четверг 27 июля началось так же, как начиналось каждое предыдущее утро на этой неделе. Начиналось оно с обманчивой прохлады, с прохлады, которая — вопреки прогнозам многоликих телевизионных предсказателей и предсказительниц погоды, — казалось, сулила прекрасный день. Этот полет фантазии обрывался почти мгновенно, иллюзии рушились. Через полчаса после пробуждения становилось совершенно очевидно, что впереди ждет только еще одно пекло. Что впереди неизбежны встречи с людьми, которые только усугубят ваши страдания вопросами типа „Жарковато немного?" или с вопиющей наглостью и всезнайством станут просвещать вас, что „дело не в жаре, все дело во влажности".

В чем бы там ни было дело, было жарко.

Было жарко в пригороде Риверхед, где жил Карелла, жарко было и в самом центре города, на Хай-стрит, где размещалась штаб-квартира полицейского управления, в которой и имел место быть „парад".

Поскольку Буш жил в другом пригороде, в Колмз-пойнте, они договорились встретиться прямо в штаб-квартире в восемь сорок пять, за пятнадцать минут до начала „парада". Карелла прибыл на свидание минута в минуту.

В восемь пятьдесят подошел Буш. Точнее, он тащился по тротуару, едва переставляя ноги и более или менее похоже имитируя человеческую походку, ковыляя к тому месту, где его ждал Карелла, попыхивающий сигаретой.

— Теперь я знаю, что такое ад, — мученически объявил Хэнк.

— Погоди, вот солнце разойдется по-настоящему, — припугнул его Карелла.

— Вам, острякам, только бы смеяться с самого утра, — не принял его шутки Буш. — Дай-ка сигаретку, будь другом.

Карелла посмотрел на часы:

— Пора идти.

— Подождут. У нас есть еще пара минут. — Буш взял у Кареллы сигарету, закурил и выдохнул струю сизого дыма. — А что у нас сегодня с новыми трупами?

— Пока ни одного.

— Жаль. А то я стал привыкать к кофе и трупам по утрам.

— Город, — вдруг сказал Карелла.

— Что? — недоуменно воззрился на него Буш.

— Посмотри на него. Что за монстр!

— Чудище лохматое, — согласился Буш.

— А я все равно люблю его, — признался Карелла.

— Ну, — уклончиво отозвался Буш.

— Нельзя в такую жару работать, — с сердцем сказал Карелла. — В такой день самое место на пляже.

— На пляжах сейчас народу — не протолкнешься. Тебе, считай, повезло, будешь привольно сидеть на „параде".

— Это точно. Кому нужен прохладный песчаный пляж, и холодные брызги прибоя, и…

— Ты что, китаец?

— Чего?

— Пытать ты мастер, вот чего!

— Пошли наверх, — ответил Карелла.

Они загасили сигареты и вошли в здание штаб-квартиры. Некогда здание кичилось красным кирпичом и современной архитектурой. Теперь красный кирпич был покрыт копотью пяти десятилетий, а архитектура стала такой же современной, как и пояс целомудрия.

Они прошли отделанным мрамором подъездом, потом мимо кабинета детективов, мимо лаборатории, мимо других служебных помещений. В конце вестибюля надпись на матовой

застекленной двери возвещала: „Комиссар полиции".

— Спорим, что он-то как раз на пляже, — предложил Карелла.

— Нет, — возразил Буш. — Он у себя, прячется под столом. Боится, что наш маньяк за него возьмется.

— А может, и не на пляже, — поправился Карелла. — Я так понимаю, что у них здесь бассейн в подвале.

— Два бассейна. — Буш вызвал лифт.

Некоторое время они ждали в молчании, изнывая от жары. Дверцы лифта скользнули в стороны. Полисмен-лифтер внутри кабины обильно потел.

— Пожалуйте в цинковый гроб, — пригласил он их.

Карелла улыбнулся. Буш поморщился. Они вошли в кабину лифта.

— На „парад"? — спросил полисмен.

— Нет, в бассейн, — ответил Буш.

— В такую жарищу я шуток не понимаю, — признался полисмен и погрузился в молчание.

Лифт полз, страдальчески кряхтя и стеная. На стенках его, как слезы, оседали капли влаги — конденсированное дыхание пассажиров.

— Девятый! — объявил полисмен-лифтер.

Дверцы раздвинулись. Карелла и Буш шагнули в залитый солнцем коридор. Одновременно достали бумажники, с внутренней стороны которых были пришпилены их личные жетоны. Так же одновременно прикрепили жетоны к лацканам и подошли к столу, за которым сидел дежурный полисмен.

Дежурный оглядел их жетоны, кивнул, и они прошли мимо стола в просторный зал, который в штаб-квартире использовался в самых разнообразных целях. Помещение первоначально предназначалось, видимо, под спортивный зал, и по обеим сторонам его действительно были установлены два щита с баскетбольными корзинами. Окна были широки и высоки, их защищала металлическая сетка. Здесь занимались спортом, читали лекции, приводили к присяге новобранцев, периодически собирали заседания Полицейской благотворительной ассоциации и Полицейского почетного легиона и, конечно, проводили „парады".

Именно для этих „парадов" правонарушителей в дальнем конце комнаты были сооружены подмостки — прямо под балкончиком и баскетбольной корзиной. Подмостки, залитые ослепительно ярким светом, примыкали к белой стене, на которой черными цифрами была размечена шкала роста — к ней становились задержанные.

От подмостков к входу в зал тянулось с десяток рядов складных стульев, большинство из которых сейчас занимали детективы со всего города. Шторы на окнах были уже опущены, и взгляд на подмостки и трибуну перед рядами стульев подсказал вошедшим Карелле и Бушу, что шеф следственно-розыскной службы в полной боевой готовности, и до начала праздника осталось лишь несколько мгновений. Слева от подмостков теснилась кучка правонарушителей, небрежно охраняемых несколькими полисменами и детективами — теми, кто их арестовал. Сегодня утром все задержанные накануне правонарушители пройдут „парадом" по этим освещенным подмосткам.

Видите ли, цель такого „парада" — вопреки широко распространенному заблуждению относительно опознания подозреваемых потерпевшими, процедура, которая оказывается более полезной в теории нежели на практике, — заключается в том, чтобы ознакомить как можно больше детективов с теми субъектами, кто творит зло в этом городе. В идеале следовало бы, конечно, собирать на каждый „парад" всех детективов из всех полицейских участков, однако другие неотложные дела исключали такую возможность. Так что каждый раз из каждого участка вызывали только двух детективов, исходя из того соображения, что если уж нельзя все время собирать всех, то как минимум нужно время от времени собирать некоторых.

— Добро, начинаем! — возвестил в микрофон шеф следственнорозыскной службы.

Карелла и Буш уселись в пятом ряду, и в тот же момент на подмостки поднялись первые два правонарушителя. Обычно их вызывали в том составе, в котором они были задержаны: соло, дуэтом, трио, квартетом и тому подобное. Предпринималось это просто с целью продемонстрировать modus operandi[42]. Если преступник однажды „работал" в паре, то на последующие „дела" он, как правило, опять идет с напарником.

Полицейский стенографист нацелил карандаш в свой блокнот. Шеф произнес в микрофон: „Дайамандбэк, один", объявляя район города, в котором был произведен арест, и номер происшествия по этому району.

— Дайамандбэк, один. Ансельмо Джозеф семнадцати лет и Ди Палермо Фредерик шестнадцати лет. Взломали дверь квартиры на углу Кэмбридж и Гриббл. Проживающая в квартире женщина позвала на помощь, ее крики услышал патрульный полисмен, немедленно прибывший на место происшествия. Дать показания арестованные отказались. Что скажешь, Джо?

Темные карие глаза Джозефа Ансельмо, высокого и очень худого брюнета, казались еще темнее на мертвенно-бледном лице. Эта неестественная бледность была порождена одним-единственным чувством, завладевшим пареньком без остатка. Джозеф Ансельмо отчаянно трусил.

— Так что скажешь, Джо? — повторил шеф.

— А что вы хотите? — растерянно спросил он.

— Взломали вы дверь той квартиры?

— Да.

— Зачем?

— Не знаю.

— Ну и ну! Вы взломали дверь, значит, у вас была на то причина. А что в квартире кто-то есть, знали?

— Нет.

— Один дверь ломал?

Ансельмо не ответил.

— А ты что скажешь, Фредди? Вдвоем ломали дверь? Ты там был вместе с Джо?

Фредерик Ди Палермо, голубоглазый блондин, был пониже Ансельмо ростом и выглядел почище и поопрятнее. Несмотря на заметное различие во внешнем виде, Фредерика с Джо объединяло два обстоятельства. Во-первых, рго так же, как и приятеля, арестовали за уголовное преступление. Во-вторых, он так же, как и приятель, отчаянно трусил.

— Был, — коротко ответил Ди Палермо.

— Каким образом вы взломали дверь?

— Вышибли замок.

— Чем?

— Молотком.

— И не боялись нашуметь?

— Да мы только один раз стукнули по-быстрому, — объяснил Ди Палермо. — Мы же не знали, что там кто-то есть.

— И что же вы ожидали найти в квартире?

— Не знаю, — пожал плечами Ди Палермо.

— Послушайте, — терпеливо продолжал шеф, — вы оба проникли в квартиру. Вы сами только что признались. Значит, у вас была какая-то для этого причина?

— Да нам девчонки сказали, — ответил Ансельмо.

— Какие девчонки?

— А, какие-то там чувихи.

— И что же они вам сказали?

---

[42] Образ действия *(лат.)*.

— Сломать дверь.

— Зачем?

— Так просто.

— Что значит так просто?

— Забавы ради.

— Только забавы ради?

— Да сам не знаю, зачем мы взломали эту дверь. — Ансельмо бросил быстрый испуганный взгляд на Ди Палермо.

— Наверное, чтобы взять что-нибудь из квартиры? — подсказал шеф.

— Ну, может, па… — неуверенно начал Ди Палермо и умолк.

— Может, что?

— Пару долларов.

— Значит, задумали ограбление, так?

— Наверное, так, — согласился Ди Палермо.

— И что вы сделали, когда обнаружили, что в квартире кто-то есть?

— Тетка закричала, — заявил Ансельмо.

— Мы смылись, — в унисон сказал Ди Палермо.

— Следующий! — объявил шеф.

Парни спустились с подмостков и направились к ожидавшему их полисмену. Наговорили они чертовски много, куда больше, чем следовало бы. Они имели полное право вообще не произносить ни единого слова во время „парада". Не зная этого, не зная, что их позиции тем более прочны, что они не дали показаний сразу после ареста, ребята отвечали на вопросы с замечательной наивностью. Хороший адвокат свел бы обвинение против них к противозаконному проникновению в пустую квартиру без корыстных намерений, то есть к мелкому проступку. Однако шеф следственно-розыскного отдела спросил их, собирались ли они совершить ограбление, и парни ответили утвердительно. Статья 402 уголовного кодекса содержит следующее определение ограбления первой степени:

1. Будучи вооруженным тем или иным опасным оружием; или

2. Вооружившись таким оружием на месте; или

3. При содействии и в присутствии сообщника; или…

А впрочем, далее уже не важно. Ребята бездумно сами надели петлю тяжкого преступления на свои юные шеи, возможно, даже не ведая, что ограбление первой степени карается тюремным заключением на неопределенный срок не менее 10 и не более 30 лет.

„Какие-то там чувихи" крепко подвели своих знакомых.

— Дайамандбэк, два. Притчетт Вирджиния тридцати четырех лет. В три часа ночи нанесла несколько ударов топориком по шее и голове своему в кавычках мужу. Давать показания отказалась.

Пока шеф зачитывал эти сведения, Вирджиния Притчетт прошла на подмостки. Это была хрупкая маленькая женщина, едва достигающая отметки пять футов один дюйм, с легкими тонкими рыжими волосами. На губах ее не было и следа помады. Не было и следа улыбки. Потухший взгляд без всяких признаков жизни.

— Вирджиния! — обратился к ней шеф.

Она подняла голову, но серые глаза оставались безжизненными, женщина, не моргая, смотрела в заливающие режущим светом прожекторы. Крепко стиснутые ладони аккуратно сложены на животе.

— Вирджиния!

— Да, сэр. — Голос ее был едва различим, Карелла даже нагнулся вперед, чтобы расслышать, что она говорит.

— Что случилось, Вирджиния? — начал шеф.

Она пожала плечами, будто сама не могла понять, что случилось. Движение было мимолетным и невыразительным — жест, каким проводят рукой по глазам.

— Ну, что же все-таки произошло?

Вирджиния выпрямилась в полный рост, отчасти для того, чтобы говорить в микрофон, установленный в нескольких дюймах от ее лица на прочной металлической стойке, отчасти потому, что на нее смотрели десятки глаз, и она вдруг осознала, что стоит с понуренной головой и согнутыми плечами. В.зале стояла мертвая тишина.

— Мы поссорились, — сказал^ Вирджиния с легким вздохом.

— Может, расскажете нам поподробнее? — предложил шеф.

— Мы начали ссориться с самого утра, как только встали. Эта жара… У нас в квартире очень жарко. Прямо с утра. В такую жару все раздражает.

— Продолжайте.

— Все началось с апельсинового сока. Он заявил, что сок теплый. Я пыталась объяснить, что это не моя вина, сок всю ночь стоял на льду… У нас, в Дайамандбэк, не очень-то шикарно, сэр. Холодильников нет, а лед в такую жару тает мгновенно. Ну вот он и начал ругаться из-за сока…

— Вы замужем за этим человеком?

— Нет, сэр.

— Давно живете вместе?

— Семь лет, сэр.

— Так, дальше.

— Он заявил, что пойдет завтракать в город, а я сказала, что глупо тратить деньги без нужды. Он остался, но за завтраком все ругался из-за сока. И так целый день.

— Целый день вспоминал вам этот сок?

— Не только. Злился по любому поводу. Я уже даже не помню, из-за чего. Сидел в одних трусах у телевизора, пил пиво и придирался ко мне целый день.

— Продолжайте.

— Ужинали поздно, я собрала кое-что на скорую руку. А он все придирается и придирается. Заявил, что не желает спать на кровати, а переночует на полу в кухне. Я сказала, что это глупо. Он ударил меня,

— Как это?

— Ударил по лицу. Подбил глаз. Я сказала, что, если он меня еще хоть пальцем тронет, выброшу его из окна. Он расхохотался. Постелил простыню на полу у окна в кухне, включил радио. А я пошла в спальню.

— Ну, и что дальше?

— Я не могла заснуть из-за жары. И радио орало во всю мощь. Я пошла на кухню попросить его сделать радио чуть-чуть потише. А он наорал, чтобы я убиралась спать. Тогда я пошла в ванную, умылась, и вот тут заметила топорик.

— Где он лежал?

— Он держит свои инструменты на полке в ванной — молоток, гаечные ключи… Там я и увидела топорик. Хотела пойти на кухню и опять попросить его сделать радио потише, потому что было жарко и радио просто оглушало, а я хотела попробовать заснуть. Но побоялась, что он снова меня ударит, и решила взять топорик. На всякий случай, если он станет драться.

— И что потом?

— Взяла топорик и пошла на кухню. Он уже встал с пола и сидел на стуле у окна и слушал радио. Спиной ко мне.

— Так:

— Я подошла к нему, а он даже не обернулся, и я не стала ничего говорить.

— А что сделали?

— Ударила топориком.

— Куда?

— По голове и по шее.

— Сколько раз?

— Я точно не помню. Била и била.

— Потом что?

— Он упал со стула, а я бросила топорик и пошла к мистеру Аланосу, это наш сосед, и сказала, что ударила мужа топориком, а он мне не поверил. А когда зашел к нам в квартиру и сам увидел, позвонил в полицию.

— Вашего мужа увезли в больницу, вы знаете?

— Да.

— И в каком он состоянии, вам известно?

— Мне сказали, что он умер, — ответила Вирджиния едва слышным голосом. Крепко стиснутые ладони аккуратно сложены на животе. Серые глаза без проблеска жизни.

— Следующий! — пригласил шеф.

— Слушай, так она же убила его… — потрясенно прошептал Буш чуть ли не с благоговейным ужасом.

Карелла молча кивнул.

— Мэйжеста, один, — объявил шеф. — Бронкин Дэвид двадцати семи лет. Вчера вечером в десять двадцать четыре поступило заявление о перебоях в уличном освещении на углу Уивер и Шестьдесят девятой. Уведомили электрическую компанию. Второе сообщение о неисправности уличного освещения в двух кварталах к югу. Затем сразу заявление о стрельбе на улице. Патрульный задержал Бронкина на углу Диссен и Шестьдесят девятой. Бронкин в состоянии алкогольного опьянения брел по улице, расстреливая фонари уличного освещения. Так что ли, Дэйв?

— Я Дэйв только для друзей. И попрошу не тыкать! — сварливо заявил Бронкин.

— Ух ты! Так что скажешь?

— Чего вы ко мне привязались? Ну, выпил, ну, пострелял по фонарям. Да заплачу я за эти чертовы лампочки!

— А что же ты делал с пистолетом на улице?

— Сами знаете. По фонарям стрелял.

— Только для этого и взял пистолет с собой? По фонарям пострелять?

— Ага. Теперь слушайте сюда. Имею право вообще не отвечать. Требую адвоката.

— Погоди, адвокат тебе ох как еще понадобится!

— Пока не придет адвокат, ни на один вопрос отвечать не стану!

— А кто тебе задает вопросы? Мы просто пытаемся выяснить, что это на тебя нашло — стрелять по фонарям ведь глупость несусветная!

— Сказал же, выпил маленько. Чего тут к черту не понимать, сами никогда не выпивали?

— Я не стреляю по уличным фонарям, когда выпиваю, — чуть ли не с гордостью заявил шеф.

— А я стреляю. Дело вкуса.

— Теперь насчет пистолета! — перебил его шеф.

— Так я и знал, что рано или поздно доберемся и до пистолета.

— Это твой пистолет?

— А чей же еще?

— Где взял?

— Брат прислал.

— Это откуда же?

— Откуда, откуда… Из Кореи!

— Разрешение у тебя есть?

— Говорю же, пистолет мне подарили!

— А мне без разницы, даже если ты сам его сделал! Разрешение есть, спрашиваю?

— Нет.

— Так с чего ты взял, что можешь таскать его повсюду?

— С того. Все таскают. Чего ко мне-то привязались? Подумаешь, пару лампочек каких-то, и сразу хватают. Хватали бы лучше тех, кто в людей стреляет.

— А откуда нам знать, что ты не один из них, Бронкин?

— Ага, конечно! Обрадовались, нашли Джека Потрошителя!

— Ну, может, и не Джека Потрошителя. Но вполне возможно, ты прихватил пистолет 45-го калибра, задумав кое-что похуже, чем пострелять по фонарям!

— Ага, точно! Мэра я собирался пристрелить!

— 45-й калибр, слышал? — возбужденно шепнул Карелла Бушу.

— Слышал. — Буш уже поднялся с места и направлялся к шефу следственно-розыскной службы.

— Ладнер умник, — говорил в это время шеф. — Знаешь, что теперь тебе будет?

— Нет, не знаю. А что мне теперь будет, умник?

— Еще узнаешь, — зловеще пообещал шеф. — Следующий!

Буш дотронулся до его локтя:

— Шеф, мы бы хотели еще побеседовать с этим типом.

— Валяйте, — коротко разрешил тот. — Хиллсайд, один. Матисон Питер сорока пяти лет…

Глава 14

Карелла и Буш успели перехватить Дэвида Бронкина до отправки в суд по уголовным делам, где ему должны были официально предъявить обвинение.

Бронкину, горластому, наглому и задиристому верзиле как минимум шести футов трех дюймов ростом, эта задержка явно не понравилась. Не понравилась ему и первая же просьба, с которой обратился Карелла.

— Поднимите ногу, — предложил Бронкину Карелла.

— Чего?

Они сидели втроем в кабинете следственно-розыскного отдела, в штаб-квартире полиции, ничем не отличающемся от аналогичного кабинета в 87-м полицейском участке. Маленький вентилятор на одном из шкафов деловито жужжал, изо всех сил пытаясь взбодрить спертый воздух, который тем не менее оставался пребывать в душной и влажной вялости.

— Поднимите ногу, — повторил Карелла.

— Это еще зачем?.

— Затем, что я так говорю, — сухо настаивал Карелла.

Бронкин посверлил его свирепым взглядом и пообещал:

— Только сними эту свою дурацкую жестянку, и я тебе!..

— Не сниму, не надейтесь, — заверил его Карелла. — Ногу поднимите!

Бронкин пробурчал еще что-то столь же угрожающее и поднял правую ногу. Карелла цепко ухватил его за лодыжку, а Буш внимательно осмотрел каблук.

— Вообще-то здорово стесан, — констатировал Буш.

— Еще туфли у вас есть? — поинтересовался Карелла.

— Конечно, а вы как думали?

— Дома?

— А где же еще? В чем дело-то?

— Давно у вас этот 45-й калибр?

— Уже с пару месяцев. А что?

— Где вы провели вечер воскресенья?

— Так, требую адвоката!

— Бросьте вы эти фокусы, — посоветовал Буш. — Отвечайте на вопрос.

— На какой вопрос?

— Где были в воскресенье вечером?

— А точнее?

— Примерно в одиннадцать сорок пять.

— Сдается мне, что в кино.
— В каком?
— „Стрэнд“. Ага. Точно, в кино.
— Пистолет был при вас?
— Что я, помню, что ли?
— Да или нет?
— Говорю же, что не помню. А если вам надо да или нет, то пусть будет нет. Я еще из ума не выжил.
— Какой фильм смотрели?
— Старье какое-то.
— Название.
— „Чудовище из Черной лагуны“, что ли…
— О чем картина, помните?
— Да там эта тварь страшная из воды вылазит…
— Что еще показывали?
— Откуда я помню!
— Подумайте.
— Чего-то насчет бокса, как он там сначала бродяга нищий, а потом вдруг становится чемпионом, а потом…
— „Тело и душа“?
— Во, в точку!
— Позвони в „Стрэнд", Хэнк, — попросил Карелла.
— Эй, а это еще зачем? — подозрительно спросил Бронкин.
— Чтобы проверить, действительно ли эти самые фильмы демонстрировались у них в воскресенье вечером.
— Да точно эти, я же вам говорю.
— Мы еще и пистолет ваш на баллистическую экспертизу направим, — многозначительно сообщил ему Карелла.
— Для чего только?
— Для того, чтобы установить, не подходят ли к нему кое-какие пульки 45-го калибра, которые у нас имеются, Бронкин. Вы бы могли сэкономить нам кучу времени.
— Как это?
— Что вы делали в понедельник вечером?
— Понедельник, понедельник… Господи, да кто же помнит? Буш отыскал в справочнике нужный номер телефона и стал набирать.
— Послушайте, чего вам туда названивать? — возмутился Бронкин. — Я же вам сказал, какое кино шло!
— Так что делали в понедельник вечером?
— Ну, это… В кино был, ну?
— Опять в кино? Два вечера кряду?
— Ну и что? Там кондиционеры… Прохладно. А что, лучше шататься по этакой жарище?
— На этот раз что смотрели?
— Еще старье какое-то.
— Вы так любите старые фильмы?
— Плевать я хотел на все ваши фильмы! От жары я спасался. А там, где идет старье, дешевле, будто не знаете!
— Так что в понедельник смотрели?
— „Семь невест для семи братьев" и „Неистовая суббота".
— Смотрите, как хорошо запомнили!
— А вы думали! Времени-то прошло меньше, чем с воскресенья.
— Тогда почему вы сказали, что не помните, где были в понедельник вечером?

— Я сказал? Разве я чего такого говорил?
— Говорили, говорили, Бронкин.
— Ну… Мне же надо было мозгами пораскинуть…
— В каком кинотеатре были?
— В понедельник вечером, имеете в виду?
— Именно.
— На углу Норт и Восьмидесятой.
Буш положил трубку.
— Сходится, Стив, — доложил он Карелле. — „Чудовище из Черной лагуны" и „Тело и душа". В точности как он сказал.
Буш не упомянул при этом, что ему также сообщили расписание сеансов в кинотеатре, и теперь им точно известно, в какое время началась и кончилась каждая картина. Он только выразительно кивнул на свои записи, которые протянул Карелле.
— Когда, говорите, вы зашли в кинотеатр?
— В воскресенье или в понедельник?
— В воскресенье.
— Где-то в полдевятого.
— Точно в половине девятого?
— Около этого, кто же точно помнит! Жарко мне стало, вот я и пошел в „Стрэнд".
— В какое время вышли из кинотеатра?
— Что-нибудь без четверти двенадцать, должно быть.
— И куда направились?
— Кофейку выпил.
— Где?
— „Уайт тауэр".
— Долго там пробыли?
— С полчаса, по-моему.
— Что ели?
— Сказал же, кофе с чем-то.
— С чем?
— Господи! Ну, с пончиком! Пончик с джемом, довольны?
— И на это у вас ушло полчаса?
— Покурил, пока сидел.
— Знакомых там не встречали?
— Нет.,
— А в кинотеатре?
— Нет.
— И пистолета у вас с собой не было?
— Кажется, не было.
— Вы всегда его с собой носите?
— Бывает.
— С законом уже неприятности были?
— Ага.
— Выкладывайте.
— Отсидел два года.
— За что?
— Вооруженное нападение.
— И чем были вооружены?
Бронкин заколебался.
— Слушаю вас внимательно, — поторопил его Карелла.
— 45-м.
— Этим же самым?

— Нет.
— Каким?
— Каким, каким… Другим.
— Он еще у вас?
Бронкин опять заколебался.
— Он еще у вас, спрашиваю? — настаивал Карелла.
— У меня, — сдался Бронкин.
— Как же так? Разве полиция не…
— Да не нашли они его. Пистолет я сбросил. Потом мне его приятель вернул.
— Стреляли?
— Не понадобилось. Рукояткой отделал.
— Кого?
— Да какая вам разница?
— Кого, я спрашиваю, Бронкин!
— Кого, кого… Ну… тетку там одну.
— Женщину?
— Ну.
— Женщину или девушку? Сколько лет ей было?
— Тетке-то? Лет сорок — пятьдесят.
— Так сорок или пятьдесят?
— Пятьдесят.
— А вы славный парень, Бронкин, — брезгливо заметил Карелла.
— Ну и славный, без вас знаю, — согласился Бронкин.
— Кто вас брал, какой участок?
— Девяносто второй, кажется.
— Кто из полисменов?
Карелла записал адрес.
— Еще что дома есть?
— Выручили бы вы меня, ребята? — внезапно попросил Бронкин.
— Каким образом? — удивился Карелла.
— У меня там… понимаете, вроде коллекции…
— Сколько?
— Шесть, — со вздохом признался Бронкин.
— Что?! — изумился Карелла.
— Ага.
— Перечислите.
— Два 45-го калибра. Потом люгер и еще маузер. И даже Токарев, понял!
— Что еще?
— А, ерунда, пукалка 22-го калибра.
— Все у вас в квартире?
— Все, как один!
— И туфли там же?
— Там же… А туфли-то при чем?
— Ни на один пистолет разрешения, конечно, нет?
— Нет. Совсем из ума вон, знаете ли…
— Могу представить. Хэнк, позвони в девяносто второй. Выясни, кто арестовывал Бронкина четыре года назад. Фостер, по-моему, сразу начинал у нас, а вот Риардон, возможно, пришел переводом.
— Вон оно что! — осенило Бронкина.
— Что это с вами? — поинтересовался Карелла.
— Вон чего вы мне шьете! Насчет тех двух полисменов?
— Насчет них.

— Тут вы промашку дали, — заверил их Бронкин. — Тут я ни при чем.

— Очень может быть. В понедельник в какое время вышли из кинотеатра?

— Одиннадцать тридцать. Двенадцать. Где-то около этого.

— В воскресенье у него все сходится, Хэнк? — спросил Карелла Буша.

— Ага.

— Тогда проверь насчет понедельника на всякий случай. Вы можете идти, Бронкин. Конвой в вестибюле.

— Эй, обожди-ка! Замолвили бы за меня словечко, ребята, чего вам стоит, а? Я же вам вон как помог!

Карелла звучно высморкался.

Тщательный осмотр обуви, обнаруженной в квартире Бронкина, позволил установить, что ни один из каблуков не имеет даже отдаленного сходства с находящимся в лаборатории отпечатком.

Баллистическая экспертиза установила, что обнаруженные на месте убийств пули не могли быть отстреляны ни из одного из пистолетов 45-го калибра, изъятых у Бронкина.

Из 92-го полицейского участка сообщили, что ни Майк Риардон, ни Дэвид Фостер никогда у них не работали.

И только одно-единственное оставалось пока в ходе расследования неопровержимо неизменным.

Жара.

Глава 15

В тот четверг вечером, в семь двадцать шесть, весь городок устремил взоры к небесам.

Весь город услышал звук и замер, пытаясь определить его происхождение. Звук оказался раскатами отдаленного грома.

Одновременно всему городу показалось, что с севера прилетел внезапный порыв ветра и овеял ласковой прохладой его обожженный до волдырей лик.

Громовые раскаты надвигались все ближе и ближе, и вот уже засверкали яркие вспышки, беспорядочные змеистые зигзаги, вспарывающие небо.

Жители города подняли лица к небесам и замерли в ожидании.

Дождь, казалось, никогда не начнется. Молнии неистовствовали в бешеной ярости, жаля высоченные громады зданий, затейливо извиваясь над горизонтом. Гром не уступал брызжущей злобе молний, сопровождая их гневным рыком.

И вдруг небеса раскололись, и на город хлынул живительный дождь. Капли, крупные, огромные капли, картечью хлестали по улицам, улочкам, по переулкам и закоулкам, и асфальт и бетон зашипели паром под первыми каплями дождя, и жители города расцвели улыбками и любовались дождем, любовались крупными его каплями — Боже, да какие они огромные, что за чудо! — и любовались, как огромные капли брызгами разбиваются о землю. Улыбки расцветали все шире, и люди в ликовании молотили друг друга по спинам, и казалось, что все станет опять хорошо и прекрасно.

Пока дождь не перестал.

Дождь кончился так же внезапно, как и начался. Он низвергся с небес, словно поток, прорвавший плотину. Дождь шел ровно четыре минуты и тридцать шесть секунд. И оборвался, будто кто-то заткнул брешь в плотине.

Молнии еще полосовали небо, и гром еще откликался сердитым ворчанием, но дождь перестал.

Облегчение, которое принес дождь, долгожданная прохлада не продержалась и десяти минут. По окончании этого срока улицы вновь окунулись в парящий зной, а люди, обливаясь потом, цедили сквозь зубы проклятия.

Никто не любит розыгрышей.

Даже если подшутить решил сам Бог.

Тедди стояла у окна, любуясь несущимися на землю крупными каплями, и вдруг дождь перестал.

Она мысленно выругалась и вспомнила, что давно хотела научить Стива своему языку жестов, чтобы и он тоже знал, когда она ругается. Он обещал навестить ее сегодня вечером, и сейчас ее переполняло ожидание встречи, и она стала думать, что ей надеть к его приходу.

„Ничего" — лучший, наверное, ответ на этот вопрос. Ей понравилась собственная шутка. Надо запомнить. И рассказать ему, как только придет.

Улица вдруг заволоклась грустью. Дождь принес радость и веселье, но теперь дождь перестал, и улица стала мрачно-серой, мрачной, как смерть.

Смерть.

Две смерти, два человека, с которыми он работал и которых хорошо знал. Ну почему, почему он не стал дворником или счетоводом, почему именно полисменом, почему именно он стал полисменом?

Она повернулась к часам: сколько же сейчас времени и сколько же ей еще ждать, когда он придет, сколько же еще ждать, пока она наконец не заметит медленное движение дверной ручки из стороны в сторону и не бросится к двери, чтобы распахнуть ее перед ним. Плоский, бездушный лик часов не принес ей утешения. До той минуты оставались еще часы и часы. Если он, конечно, вообще придет. Если не случится ничего, что опять задержит его в участке, еще одно убийство, еще одна…

Нет, я не должна даже думать об этом.

Нечестно так думать.

Если я буду думать о грозящей ему беде… можно… накликать…

Нет! С ним ничего не случится! Стив смел и силен, Стив умелый и опытный полисмен, Стив сумеет постоять за себя. Но и Риардон был умелым и опытным полисменом, и Фостер тоже, а теперь они оба мертвы. Чего стоят умение и опыт полисмена, если ему стреляют в спину? Чего стоят умение и опыт полисмена против убийцы, затаившегося в засаде?

Нет, нельзя об этом, хватит, перестань.

Убийства кончились, все. Больше убийств не будет. Фостер был последним. Больше никого не убьют, с этим покончено. Все.

Стив, поспеши! Скорее, Стив!

Она села лицом к двери, не сводя глаз с дверной ручки, зная, что пройдут еще часы и часы, прежде чем дверная ручка оживет в условном движении из стороны в сторону, и это будет значить, что Стив стоит у ее порога.

Он поднялся с кровати.

В одних трусах пестрой расцветки пошел к комоду забавной утиной походкой. Он был высок ростом и прекрасно сложен. Некоторое время он изучал свой профиль в зеркале, потом посмотрел на часы, глубоко вздохнул и вновь улегся на кровать.

Время у него еще было.

Он лежал и рассматривал потолок, и вдруг ему страшно захотелось курить. Сбросил ноги с кровати, встал и опять направился к комоду, переваливаясь на ходу, как утка, что вовсе не красило такого атлета, как он. Закурил сигарету и снова лег. Попыхивал сигаретой и думал.

Он думал о полисмене, которого убьет сегодня вечером.

Собираясь домой, лейтенант Барнс зашел перекинуться словечком с капитаном Фриком, начальником 87-го полицейского участка.

— Как дела? — поинтересовался Фрик.

Барнс пожал плечами:

— Похоже, во всем городе осталось одно-единственное, о чем можно сказать: „Холодно".

— А? — не понял Фрик.

— Расследование этих убийств.

— О, вот вы о чем. Да, похоже, — согласился капитан.

Фрик испытывал крайнюю усталость. Он уже был не так молод, как прежде, и вся эта суета, и весь этот тарарам его бесконечно утомляли. Ну, убили полисменов, так что тут теперь поделать! Сегодня здесь, завтра на том свете. Нельзя жить вечно, и с собой в могилу ничего не возьмешь. Безусловно, отыскать преступника надо, но зачем же так давить на человека? Нельзя так давить на человека, да в этакую жару, да особенно если он не так молод, как прежде, и безмерно устал.

Говоря по правде, Фрик уже устал, когда ему еще не было и двадцати, и Барнс об этом прекрасно знал. О капитане у Барнса сложилось самое невысокое мнение, но Барнс был сознательным, добросовестным и дисциплинированным полисменом, а сознательный, добросовестный и дисциплинированный полисмен должен время от времени советоваться с начальником, даже если считает начальника полным болваном.

— Вы, я вижу, своих ребят совсем задергали, а? — скорее даже одобрительно спросил Фрик.

— Приходится, — ответил Барнс, подумав про себя, что уж это должно быть ясно и очевидно даже полному болвану.

— Я тут прикинул и думаю, что это не иначе как псих. Накатило, вот он и решил: пойду-ка пристрелю кого-нибудь.

— Но почему именно полисменов? — усомнился Барнс.

— А почему бы и нет? Кто может угадать, что психу взбредет в голову? Риардона он, вероятно, кокнул по чистой случайности, даже не подозревая, что тот полисмен. А как увидел, какая шумиха поднялась, газеты и все прочее, идея ему понравилась, и второй жертвой он выбрал полисмена уже намеренно.

— А откуда он узнал, что Фостер полисмен? Фостер был в штатском, как и Риардон, кстати.

— Может, у него уже были трения с законом, почем я знаю? Но одно точно. Это псих.

— Или уж очень ловкий и умный тип, — возразил Барнс.

— С чего вы взяли? Спустить курок, по-вашему, много ума требуется?

— Нет, для этого как раз ума не требуется, — согласился Барнс. — Если только не сходит с рук.

— Не сойдет, — бодро заверил его капитан.

А про себя тяжело вздохнул. Устал он безмерно. Старость. Вон даже волосы все седые. Не должны старики заниматься распутыванием всяких тайн, да еще в такую жарищу. Мысли Фрика переключились на самую актуальную тему.

— Жарко, а?

— Жарко, — согласился Барнс.

— Собираетесь домой?

— Да.

— Вам хорошо. Хотя я тоже, наверное, скоро пойду. Отправил ребят по вызову — покушение на самоубийство. Надо подождать, как там все обернется. Сообщили, что какая-то дамочка хочет сигануть с крыши. Нет, одни психи кругом, а? — Фрик негодующе покачал головой.

— И не говорите! — в тон поддакнул Барнс.

— Жену с детишками отослал в горы, — вновь внезапно меняя тему, сообщил ему Фрик. — И чертовски рад этому. В таком пекле ни человеку, ни зверю житья нет.

— Это уж точно, — опять не стал спорить лейтенант.

Телефон на письменном столе Фрика вдруг разразился звонками. Капитан, покряхтывая, важно поднял трубку.

— Капитан Фрик у аппарата, — объявил он в микрофон. — Что? Вот как? Но это же прекрасно! Хорошо. — Он аккуратно водрузил трубку на место и доложил Барнсу: — Совсем и не самоубийство, представьте себе. Дамочка решила посушить волосы и свесила их, понимаете ли, с крыши. Нет, но куда нам деваться от этих психов, а?.

— Мда, — неопределенно протянул Барнс. — Ладно, я ушел.

— Держите пистолет под рукой, — посоветовал Фрик. — А то может и вас достать.
— Кто? — удивленно спросил Барнс уже от двери.
— Он.
— А?!
— Псих!

Роджер Хэвилленд был быком.

Именно так, без кавычек. Даже другие „быки“ звали его быком. Он и был настоящим быком в отличие от „быка“, как называют детективов. Хэвилленд был сложен, как бык, пожирал пищу, как бык, мял своих подружек, как бык, он даже храпел во сне, как бык. Настоящий бык.

К тому же Хэвилленд был малым не из приятных.

Было время, когда он был приятным малым, но о той поре забыли уже все, включая самого Хэвилленда. Было время, когда он мог часами допрашивать задержанного и за весь этот период ни разу не приложить руку к физиономии последнего. Было время, только представьте себе, когда Хэвилленд даже мог воздержаться от этаких, знаете ли, словечек! Короче, Хэвилленд некогда был мягким и добрым, кротким и нежным полисменом.

Но однажды с Хэвилелндом приключилось несчастье. Хэвилленд однажды ночью пытался разнять уличную драку. Несмотря на то, что он уже сменился с дежурства и спокойно шел себе домой. Но в то время он, как всякий образцовый полисмен, считал себя на боевом посту все двадцать четыре часа в сутки. Да и драка-то сама по себе была, откровенно говоря, не так уж и крупной, обычная уличная драка. Фактически и не драка вовсе, а так, дружеская потасовка, ну, скажем, более или менее ссора или спор — даже из самопалов не стреляли.

Хэвилленд решительно вмешался и исключительно вежливо попытался убедить сражающиеся стороны разойтись. Он вытащил свой револьвер и произвел несколько выстрелов в воздух над головами распоясавшихся скандалистов, и тогда один из них угодил Хэвилленду обрезком свинцовой трубы как раз по правому запястью. Револьвер выпал из повисшей руки Хэвилленда, и тут-то и приключилось с ним это самое несчастье.

Распоясавшиеся драчуны, которые до этого момента вполне удовлетворялись тем, что расшибали головы друг другу, в один миг сообразили, что наличие головы беспомощного полисмена открывает куда больший простор их изобретательности по части уличных забав. Сразу объединившись и сплотившись на этой основе, они затащили безоружного Хэвилленда в глухой закоулок и принялись обрабатывать его с замечательной быстротой и хладнокровием.

Умелец, специализировавшийся на обрезках свинцовых труб, сломал Хэвилленду руку в четырех местах.

Сложный перелом сам по себе штука крайне болезненная. Тем более болезненная в случае с Хэвилленодом, потому что кости срослись неправильно, и врачам пришлось опять их все переломать и вправлять заново.

Был даже такой период, когда Хэвилленд начал сомневаться, сможет ли он остаться в полиции. А поскольку он только незадолго до того времени был произведен в детективы III категории, открывавшиеся перед ним перспективы представлялись отнюдь не радостными. Рука у него, однако, зажила, как это часто бывает с руками вообще, и Хэвилленд вышел из этой переделки, можно сказать, целее прежнего — если не считать некоторого умственного сдвига.

Есть такая древняя поговорка, которая утверждает: „Паршивая овца все стадо портит".

С народной мудростью не поспоришь, и тот специалист по свинцовым трубам, безусловно, многим крепко подпортил. Может быть, даже всему городу. Хэвилленд стал быком, именно так, без кавычек, настоящим быком. Он крепко усвоил урок. И впросак больше никогда не попадет.

В словаре Хэвилленда выражение „сломить сопротивление преступника" имело только

буквальное значение, а главную смысловую нагрузку несли первое слово и все от него производные.

И потому Хэвилленд нравился мало кому из арестованных.

Он, впрочем, нравился мало кому и из своих коллег-полисменов.

Сомнительно, чтобы Хэвилленд, если уж на то пошло, нравился даже самому себе.

— Жара! — проревел он сейчас над ухом Кареллы. — Только этим мозги и заняты.

— У меня, по-моему, даже мозги потеют, не говоря уже обо всем остальном, — пошутил Карелла.

— А вот я тебе сейчас как скажу, что ты сидишь на льдине посреди Ледовитого океана, и, увидишь, сразу станет прохладнее!

— Не становится что-то, — прислушался к себе Карелла.

— Осел ты упрямый потому что! — заорал Хэвилленд. Орал он всегда. Он орал даже тогда, когда говорил шепотом. — Ты просто не хочешь, чтобы тебе стало прохладно. Ты хочешь, чтобы тебе было жарко. Так тебе легче делать вид, что ты работаешь!

— Так ведь я и вправду работаю, — слабо возразил Карелла.

— А я вот домой иду! — рявкнул Хэвилленд.

Карелла машинально взглянул на часы. Десять семнадцать.

— Это еще что такое?! — взревел Хэвилленд.

— Ничего, — смутился Карелла.

— Ладно, четверть одиннадцатого. Так у тебя из-за этого такой кислый вид, что ли?

— Да никакой у лІеня не кислый… — запротестовал было Карелла.

— А мне плевать, какой у тебя вид! — прорычал Хэвилленд. — Я ушел домой!

— Иди, бога ради. Я подожду смену.

— Ох и не нравится мне твой тон! — прогремел Хэвилленд.

— С чего вдруг?

— Намекаешь, что я, такой-сякой, ухожу, не дождавшись смены?

— Это уж как тебе совесть подскажет, брат мой, — постным голосом произнес Карелла.

— А ты хоть знаешь, сколько я часов отбарабанил, а?

— Ну, сколько?

— Тридцать шесть! Так спать хочу, что в любую канаву готов завалиться и не просыпаться до самого Рождества!

— Насчет канавы поосторожнее, — предупредил Карелла. — Отравишь все городское водоснабжение.,

— Пошел ты! — рыкнул Хэвилленд и расписался в журнале „Приход-уход“.

Он уже был на пороге, когда Карелла окликнул его:

— Эй, Роджер!

— Чего еще?

— Смотри, чтобы тебя там не убили!

— Пошел ты! — с чувством отозвался Хэвилленд и исчез за дверью.

Он одевался быстро, но спокойно, без суеты. Натянул темносиние носки, черные брюки, чистую белую рубашку, завязал золотисто-черный полосатый галстук. Достал ботинки. На их каблуках была вытиснена торговая марка „О’Салливэн".

Надев черный пиджак, он подошел к комоду и выдвинул верхний ящик. Там, поверх носовых платков, лежал его пистолет 45-го калибра, отливавший смертоносным вороненым блеском. Вставил новую обойму и положил пистолет в карман пиджака.

Потом направился к двери, по-утиному переваливаясь на ходу, в последний раз внимательно осмотрел комнату, выключил свет и вышел в ночь.

В одиннадцать тридцать три Стива Кареллу сменил детектив по имени Хэл Уиллис. Карелла ввел его в курс самых неотложных дел, оставил на связи и спустился по лестнице на первый этаж.

— Спешишь к подружке, Стив? — окликнул его дежурный сержант.

— Угадал, — ответил Карелла.

— Мне бы твои годы!

— Да брось ты! — утешил его Карелла. — Тебе же не больше семидесяти!

— День в день! — с добродушным смешком согласился сержант.

— Ладно, спокойной ночи, — пожелал ему Карелла на прощание.

— Всего, Стив!

Карелла вышел из здания участка и зашагал к своему автомобилю, оставленному в двух кварталах прямо под знаком „Стоянка запрещена".

Сменщик Хэнка Буша объявился в одиннадцать пятьдесят две.

— Думал, ты уже никогда не появишься, — упрекнул его Буш.

— Я и сам так думал.

— А что случилось? — насторожился Хэнк.

— Слишком жарко бегать-то!

Буш недовольно поморщился, подошел к телефону и набрал свой домашний номер. Некоторое время он ждал, слушая гудки. Наконец трубку подняли:

— Алло?

— Элис?

— Да, слушаю, — ответила она и почему-то замолчала и после паузы спросила: — Хэнк, это ты, что ли?

— Я уже иду, малышка. Сделай милость, приготовь кофе со льдом, а?

— Хорошо, конечно.

— У нас там очень жарко?

— Очень. Может, захватишь мороженого где-нибудь по дороге?

— Обязательно.

— Хотя нет. Не надо. Иди прямо домой. Обойдемся кофе со льдом.

— Добро. Пока, малышка!

— Пока, милый.

Буш повесил трубку и обернулся к сменщику:

— Ну чтоб тебя до девяти не сменили, мерзавец ты этакий!

— Жара ударила ему в голову, — сообщил тот ближайшему шкафу.

Буш раздраженно фыркнул, расписался в журнале и вышел на улицу.

Он ждал, затаившись в густой тени.

Потной рукой он сжимал в кармане пиджака ореховую рукоятку пистолета 45-го калибра. Он знал, что его черный костюм сливается с темным провалом входа в неосвещенный переулок, но все же немного нервничал и слегка боялся. Как бы то ни было, отступать ему все равно нельзя.

Он услышал приближающиеся шаги. Широкие, твердые шаги. Походка спешащего мужчины. Он выглянул за угол. Так и есть.

Так и есть, тот самый.

Пальцы покрепче стиснули рукоятку пистолета.

Полисмен приближался. Человек в черном резко шагнул из переулка. Полисмен встал как вкопанный. Они были почти одного роста. Уличный фонарь на углу очертил на асфальте их четкие тени.

— Спичка найдется? — спросил человек в черном.,

Полисмен всматривался в него несколько секунд и вдруг потянулся рукой к заднему карману. Человек в черном уловил это движение, вывернул из пиджачного кармана и молниеносно вскинул свой пистолет. Оба выстрелили одновременно.

Человек в черном ощутил тупой удар в плечо, но его пистолет задергался в руке, как живой, и, казалось, сам по себе стрелял раз за разом, раз за разом. Полисмен судорожно схватился за грудь и рухнул на тротуар. Его „детективз спешиэл“ с лязгом отлетел на несколько футов.

Человек в черном попятился прочь и повернулся, готовый бежать.

— Сукин ты сын! — услышал он за спиной хриплый, с болью и мукой голос.

Он крутанулся на каблуках. Полисмен уже поднялся на ноги и бросился к нему. Он хотел было вскинуть пистолет, но опоздал. Полисмен навалился на него, молотя здоровенными ручищами, как цепами. Человек в черном отчаянно отбивался и, улучив момент, сумел вырваться. Полисмен одной рукой вцепился ему в волосы, а другой махнул по лицу, полосуя ногтями щеку.

Человек в черном выстрелил. Полисмен согнулся пополам и упал лицом в шершавый бетон.

Человек в черном дотронулся до ноющего плеча, оно теперь сильно кровоточило. Он грязно обругал полисмена и подошел к нему вплотную, и кровь из раны на его плече капала на безжизненное тело, распростертое у его ног. Он вытянул руку с пистолетом и спустил курок. Голова полисмена дернулась и замерла.

Человек в черном бросился бежать.

Полисменом, оставшимся лежать на тротуаре, был Хэнк Буш.

Глава 16

Сэм Гроссман значился лейтенантом полиции. Он состоял также экспертом научно-технической лаборатории. Высокий и угловатый, Гроссман выглядел бы куда более к месту на ферме где-нибудь в скалистой Новой Англии[43], нежели в стерильных просторах лаборатории, занимавшей почти половину первого этажа здания штаб-квартиры.

Гроссман носил очки, за ними светился открытый взгляд простодушных голубых глаз. Мягкостью манер, спокойной и теплой приветливостью он напоминал о давно прошедшей эре, и это впечатление не портила даже его отрывистая лаконичная речь, которая носила явный отпечаток его работы, постоянно имеющей дело с холодными научными фактами.

— Хэнк был умным полисменом, — сказал Гроссман Карелле.

Карелла кивнул и подумал, что именно Хэнк утверждал, будто детективам много ума не требуется.

— Как я это себе представляю, — продолжал Гроссман, — Хэнк понял, что ему конец. Вскрытие обнаружило в общей сложности четыре пулевых ранения — три в грудь и одно в затылок. Можно с уверенностью предположить, что выстрел в голову был последним, чтобы добить наверняка.

— Я слушаю, — отвернулся Карелла.

— Думаю, в него уже попали два или три раза, и он, наверное, понял, что ему не выжить. Как бы то ни было, он знал, что нам пригодится информация о том, кто в него стрелял.

— Имеешь в виду волосы? — уточнил Карелла.

— Да. Мы обнаружили пучки волос на тротуаре. Все с живыми корнями, поэтому мы можем быть уверены, что их вырвали силой. Даже если бы мы не нашли таких же волос на ладони и пальцах Хэнка. Но Хэнк успел еще кое-что придумать. Он содрал добрый кусок мяса с лица нападавшего. Это тоже нам многое рассказало.

— Еще есть что-нибудь?

— Кровь. Хэнк ранил этого типа, Стив. Хотя ты, верно, и без меня уже знаешь.

— Да, знаю. И что из всего этого следует?

— Очень многое. — Гроссман взял со стола заключение. — Вот здесь все, что мы можем утверждать с полной уверенностью. На основании того, что Хэнк позаботился нам оставить.

Гроссман прочистил горло и начал читать:

---

[43] Название исторически сложившегося района в Северо-Восточной части США, включающего в себя шесть штатов страны.

— „Убийца — мужского пола, белый, в зрелом возрасте, но не старше, скажем, пятидесяти лет. По профессии механик, скорее всего, высококвалифицированный и высокооплачиваемый. Смуглый, кожа жирная, быстро отрастающая густая щетина, которую он маскирует тальком. Цвет волос темно-каштановый. Рост приблизительно шесть футов. В последние два дня сделал стрижку и укладку. Быстр в движениях, что позволяет предположить отсутствие лишнего веса. Судя по волосам, он весит около ста восьмидесяти фунтов. Ранен, вероятнее всего, выше пояса. Ранение проникающее".

— Теперь расшифруй все это, — попросил Стив в некотором изумлении, которое всегда испытывал от того, что могут извлечь эти ребята в лаборатории из лоскута тряпки, кости или пучка волос.

— Ладно, — согласился Гроссман. — Мужчина. В наши дни определение пола иногда представляет проблему, особенно если мы располагаем волосами только с головы. К счастью, Хэнк эту проблему для нас решил. Диаметр головного волоса, и мужского, и женского, в среднем не превышает 0,08 миллиметра. Имея в своем распоряжении только пучок волос с головы, мы должны были бы прибегнуть к другим измерениям, чтобы определить, принадлежат они мужчине или женщине. Обычно надежным признаком бывала длина волоса. Если она превышала восемь сантиметров, мы могли утверждать, что волосы принадлежат женщине. Но эти чертовы бабы стригутся так же коротко, если не короче, чем мужики. Так что тут мы могли бы дать маху, если бы Хэнк не ободрал физиономию этому типу.

— А это-то тут при чем?

— Это дало нам образец кожи. Так мы узнали, что убийца белой расы, смуглый, кожа жирная. Но более того, это дало нам образец щетины.

— Как же вы установили, что это именно щетина?

— Это как раз просто, — заверил Кареллу Гроссман. — Под микроскопом ясно видна треугольная форма среза с выгнутыми краями. Только щетина после бритья приобретает подобную форму. Ну и диаметр — более 0,1 миллиметра. Все просто. Борода. Щетина. Значит, мужчина.

— Откуда вы узнали, что он механик?

— Волосы с головы покрыты металлической пылью.

— Ты говорил, высокой квалификации, высокооплачиваемый?

— На волосах с головы обнаружен лосьон. Мы его исследовали и сравнили с имеющимися у нас образцами. Страшно дорогая штука. Пять долларов пузырек. Десять долларов в комплекте с тальком после бритья. Наш клиент употреблял и лосьон, и тальк. Теперь, какой механик может позволить себе выбросить десять долларов на такую роскошь? Ясно — высокооплачиваемый. Так если ему много платят, значит, и квалификация соответственная.

— Почему вы утверждаете, что ему не больше пятидесяти? — продолжал приставать Карелла.

— Исходя из диаметра волоса и его пигментации. Вот, взгляни-ка на таблицу. — Гроссман протянул Карелле лист бумаги.

Возраст Диаметр

12 дней - 0,024 мм

6 месяцев - 0,037 мм

18 месяцев - 0,038 мм

15 лет - 0,053 мм

Взрослые - 0,07 мм

— Диаметр головного волоса этого типа составляет 0,071 миллиметра, — заметил Гроссман.

— Но это указывает лишь на то, что он взрослый, — возразил Карелла.

— Верно. Но если в волосах с живыми корнями практически отсутствует пигментация, мы можем быть вполне уверены, что они принадлежат пожилому или старому человеку. В

тех волосах, что мы исследовали, пигментация весьма интенсивна. К тому же, хотя мы редко прибегаем к установлению возраста на основе подобного единственного фактора, волосы пожилого человека имеют тенденцию к истончению. У этого же типа волосы толстые, грубые и жесткие.

Карелла вздохнул.

— Что, слишком быстро? — забеспокоился Гроссман.

— Да нет. А как насчет укладки и стрижки?

— С укладкой просто. Волосы под воздействием тепла слегка закурчавились, набухли и приобрели сероватый оттенок. Теперь стрижка. Если бы этот тип постригся непосредственно перед совершением преступления, на концах волос был бы виден четкий прямой срез. Через сорок восемь часов срез на концах волос начинает приобретать округлую форму. Так что мы с большой точностью можем установить, когда человек стригся последний раз.

— Ты говорил, что он шести футов ростом?

— Да. Здесь, правда, нам крепко помогли баллистики.

— Не томи, — попросил Карелла.

— Подвергли анализу следы крови. Кстати, я не забыл упомянуть, что у этого типа нулевая группа?

— Ну, знаешь…

— Перестань, Стив. Это-то уж совсем просто! Смотри, сыворотка крови одного лица обладает способностью агглютинировать.. — Гроссман запнулся и испытующе взглянул на Кареллу. — О, черт! Это значит склеивать, соединять красные кровяные тельца некоторых других людей. Существуют четыре группы крови: группа О, группа А, группа В, группа АВ. Так?

— Так, — покорно согласился Карелла.

— Мы берем небольшое количество крови и смешиваем ее с образцами крови всех четырех групп и… На-ка вот, лучше посмотри сам. — Гроссман протянул Карелле еще одну табличку.

1. Группа О — отсутствие агглюцинации в любой из сыророток.
2. Группа А — агглюцинация только в сыворотке группы В.
3. Группа В — агглюцинация только в сыворотке группы А.
4. Группа АВ — агглюцинация в обеих сыворотках.

— Кровь этого типа, а он, к слову сказать, в дополнение к нескольким пятнам на спине рубашки Хэнка оставил на бегу отличный след, не дает агглюцинации ни в одном из образцов. Отсюда, группа О. Еще одно, кстати, подтверждение того, что он белый. Группы А и О наиболее распространены среди белой расы. Сорок пять процентов всех белых людей имеют нулевую группу крови.

— Это еще не объясняет, как вы установили его рост, — напомнил Карелла.

— Вот здесь, как я уже сказал, нам помогли баллистики. В дополнение к тому, что мы уже знали, конечно. Пятна на рубашке Хэнка не имели большой ценности для определения высоты, с которой капала кровь, поскольку хлопчатобумажная ткань впитывала их сразу при соприкосновении. Но вот пятна крови на тротуаре рассказали нам многое.

— Что именно?

— Во-первых, тип этот двигался очень быстро. Понимаешь, чем быстрее идет человек, тем уже и длиннее будут пятна крови и зубчики по их краям. Похоже на маленькую шестеренку, если можешь себе ее представить, Стив.

— Могу, конечно. Что же я, шестеренок не видел?

— Вот и отлично. Оставленные этим типом пятна крови были узкими и представляли собой множество мелких капель, а это позволило нам установить, что он двигался с большой скоростью и что капли падали с высоты примерно двух ярдов[44].

---

[44] Один ярд — 91,44 см.

— Все?

— Нет, не все. Если он мог передвигаться с такой скоростью, значит, был ранен не в ноги и не в область живота. С такими ранениями люди не бегают. Если капли падали с высоты двух ярдов, рана находится, скорее всего, выше пояса. Баллистики извлекли из кирпичной стены выпущенную Хэнком пулю и по траектории ее полета — учитывая, что у Хэнка была возможность выстрелить только навскидку, — вычислили, что этот тип ранен в область плеча.

— А почему вы уверены, что ранение не касательное?

— Столько крови, Стив! Он оставил за собой длиннющий след.

— Ты говорил, что он весил сто восемьдесят фунтов. Каким же образом…

— У него волосы здорового человека. Двигался быстро. Значит, излишним весом не страдает. Здоровый. человек шести футов ростом должен весить около ста восьмидесяти фунтов, разве не так?

— Спасибо, Сэм. Куча полезных сведений, — искренне сказал Карелла. — Благодарю.

— Не стоит, — ответил Гроссман. — Я только рад, что не мне придется проверять сообщения врачей об огнестрельных ранениях или искать отсутствующих на рабочем месте механиков. Не говоря уже о лосьоне и тальке. Называются, кстати, они „Скайларк“.

— Еще раз большое спасибо!

— А мне-то за что?

— Как это? — удивился Карелла.

— Спасибо Хэнку, — серьезно сказал Гроссман.

Глава 17

Циркуляр был разослан по телетайпу в четырнадцать штатов страны.

В нем говорилось:

XXXXX РАЗЫСКИВАЕТСЯ ПО ПОДОЗРЕНИЮ В УБИЙСТВЕ XXX НЕОПОЗНАННЫЙ МУЖЧИНА БЕЛОЙ КАВ-

КАЗСКОЙ РАСЫ ВЗРОСЛЫЙ ДО ПЯТИДЕСЯТИ ЛЕТ XXXXX ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЙ РОСТ ШЕСТЬ ФУТОВ ИЛИ БОЛЕЕ XXX ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЙ ВЕС СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ XXX ТЕМНЫЕ ВОЛОСЫ СМУГЛЫЙ ЦВЕТ ЛИЦА ГУСТАЯ ЩЕТИНА XXXX ПОЛЬЗУЕТСЯ ЛОСЬОНОМ ДЛЯ ВОЛОС И ТАЛЬКОМ ТОРГОВАЯ МАРКА „СКАЙЛАРК“ XXXX НА ОБУВИ МОГУТ БЫТЬ КАБЛУКИ ТОРГОВАЯ МАРКА „О'САЛЛИВЭН" XXXX ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО КВАЛИФИЦИРОВАННЫЙ МЕХАНИК МОЖЕТ ИСКАТЬ РАБОТУ ПО ЭТОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ XXXXX ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ РАНЕНИЕ ВЫШЕ ПОЯСА ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО В ОБЛАСТИ ПЛЕЧА МОЖЕТ ОБРАТИТЬСЯ К ВРАЧУ XXXX ОПАСЕН И ВООРУЖЕН АВТОМАТИЧЕСКИМ ПИСТОЛЕТОМ КОЛЬТ 45-ГО КАЛИБРА XXX

— Уж очень много всяких „может“, „предположительно" да „приблизительно", — разочарованно отметил Хэвилленд.

— Слишком много, — согласился Карелла. — Но, по крайней мере, есть с чего начинать.

Легко сказать.

Они могли бы, конечно, начать обзванивать всех врачей в городе, исходя из того, что кто-нибудь из них — вопреки требованиям закона — не удосужился сообщить о пациенте с огнестрельным ранением. Однако в городе оказалось не так уж и мало врачей. А если точнее, то их насчитывалось:

4283 врача в Колмз-пойнте,

1975 врачей в Риверхеде,

8728 врачей в Айзоле (включая Дайамандбэк и Хиллсайд),

2614 врачей в Мэйжесте,

264 врача в Бестауне, что дает в общей сложности…

А ну-ка подсчитаем!

17 864 врача (17 864).

Если предположить, что на каждый телефонный звонок уйдет примерно пять минут, простое умножение приводит к выводу, что полисменам придется потратить около 89 320 минут, чтобы обзвонить всех врачей. Да, конечно, личный состав городской полиции насчитывал 22 000 полисменов. И если бы каждый полисмен взялся бы позвонить четырем врачам, то вся операция завершилась в пределах двадцати минут. К сожалению, многие полисмены были заняты другими заботами, порожденными неустанной борьбой с преступностью. Поэтому, потрясенные столь превосходящими силами целителей, детективы решили просто ждать, пока один из них не сообщит в полицию о пациенте с огнестрельным ранением. Однако поскольку пуля пробила плечо убийцы навылет, рана, по всей вероятности, была чистой, а значит, преступник может и не обратиться за медицинской помощью вообще. В этом случае ожидание детективов окажется напрасным.

И если точное число врачей еще можно было установить, то подсчитать, сколько всего в городе механиков, представлялось буквально неосуществимой задачей. Поэтому от этой линии в расследовании просто отказались.

Оставались лосьон для волос и тальк под столь невинным названием „Скайларк"[45].

Даже поверхностная проверка показала, что оба средства обеспечения мужской красоты продаются чуть ли не в каждой аптеке города. И так же обычны — правда, только много дороже, — как и таблетки аспирина…

И тогда городская полиция обратилась к своим собственным досье в бюро идентификации и к необъятным досье Федерального бюро расследований.

Начались поиски мужчины белой кавказской расы, не старше пятидесяти лет, темноволосого, смуглого, шести футов ростом, ста восьмидесяти фунтов весом, с выраженным пристрастием к применению автоматического кольта 45-го калибра.

Иголка могла быть в городе.

Но стогом сена стали все Соединенные Штаты.

— Там какая-то дама тебя спрашивает, Стив, — сообщил Мисколо.

— А что ей нужно?

— Говорит, хочет видеть тех, кто расследует убийства полисменов.

Мисколо озабоченно отирал орошенный крупными каплями пота лоб. У него в канцелярии Стоял гигантский вентилятор, и покидать его для Мисколо было всегда мукой. Не то чтобы ему не нравилось поболтать с ребятами из следственно-розыскного отдела. Просто Мисколо постоянно и обильно потел, и ему вовсе не хотелось, чтобы из-за лишних разговоров форма под мышками вконец сопрела.

— Ладно, скажи, пусть зайдет, — попросил его Карелла.

Мисколо исчез и почти тут же возник вместе с крошечной, похожей на какую-то пичугу женщиной. В точности птичьими движениями она короткими рывками поворачивала остроносенькую головку, внимательно осматривая сначала барьер, потом шкафы, потом столы и зарешеченные окна, потом рассыпанных по всему кабинету детективов с телефонными трубками в руках; форма одежды у большинства из них не содержала и намека на должную бы здесь строгость и деловитость, не говоря уже об элегантности.

— Вот это детектив Карелла. Один из тех, кто ведет расследование, — представил Мисколо Стива даме, горестно вздохнул и устремился к своему гигантскому вентилятору в тесной клетушке канцелярии.

— Входите, пожалуйста, мэм[46], - пригласил Карелла даму.

---

45 Проказник *(англ.).*

46 Сокращенное от „мадам“ обращение к замужней женщине *(англ.).*

— Мисс, — с достоинством поправила его дама. Она укоризненным взглядом дала понять Карелле, что обратила внимание на его рубашку с короткими рукавами, столь же выразительно еще раз осмотрела комнату и удивилась: — Разве у вас нет личного кабинета?

— Боюсь, что нет, — с некоторым даже смущением признался Карелла.

— Я не хочу, чтобы они меня услышали.

— Кто?

— Они. Не могли бы мы пересесть за какой-нибудь стол там, в углу?

— Конечно, — заторопился Карелла. — Как ваше имя, мисс?

— Орита Бэйли, — представилась дама.

Ей будет не меньше пятидесяти пяти лет, прикинул Карелла, а то и побольше. Он провел ее к свободному столу в дальнем правом углу комнаты, к сожалению, к тому самому, куда не достигало ни малейшее дуновение воздуха из открытых настежь окон. Когда они сели, Карелла спросил:

— Так чем я могу вам помочь, мисс Бэйли?

— Клопов здесь нет у вас?

— Кло… клопов, вы сказали?

— Клопов, конечно. Диктофонов этих. Подслушивать. Записывать.

— А! Нет, нет.

— Как, вы говорите, ваше имя?

— Карелла.

— И вы умеете говорить по-английски?

Карелла с трудом спрятал улыбку.

— Умею… Научился, знаете ли, у туземцев.

— Я бы предпочла беседовать с американским полисменом. — Мисс Бэйли стала необыкновенно серьезной.

— Иногда мне удается сойти за американца, — утешил ее Карелла.

— Пусть будет так, — согласилась мисс Бэйли и замолчала.

Наступила долгая пауза. Карелла терпеливо ждал. Мисс Бэйли не подавала никаких признаков, что собирается продолжить беседу.

— Мисс? — не выдержал Карелла.

— Тихо! — резко приказала она.

Помолчав еще несколько мгновений, дама доверительно заявила:

— Я знаю, кто убил тех полисменов.

Карелла наклонился вперед в напряженном ожидании. Бывает, самая важная информация поступает из самых неожиданных источников.

— Кто? — поторопил он даму.

— Не ваше дело, — решительно отрезала она.

Карелла в изнеможении откинулся на спинку стула.

— Они убьют еще множество полисменов, — вновь заговорила мисс Бэйли. — В этом весь их план.

— Чей? Чей план?

— Если им удастся расправиться с правоохранительными органами, остальное будет проще простого, — объясняла ему дама. — Сначала ликвидировать полицию, потом Национальную гвардию, а за ней — регулярную армию. В этом весь их план.

Карелла подозрительно взглянул ей в серьезные глаза.

— Они шлют мне послания. Считают, что я одна из них, не знаю уж почему. Выходят из стен и передают мне послания.

— Кто выходит из стен? — Карелла вконец растерялся.

— Как кто? Тараканочеловеки, вот кто! Вы думаете, я так просто про клопов спросила?

— Ах, значит, эти… тараканочеловеки…

— Они самые.
— Понятно, — сокрушенно вздохнул Карелла.
— Я что, похожа на таракана? — потребовала ответа дама.
— Да нет, — заверил ее Карелла, — не особенно.
— Ума не приложу, почему они принимают меня за свою? Они-то сами ну вылитые тараканы, знаете?
— Знаю.
— Они общаются посредством радиоядерных терминов. Полагаю, что они прибыли с другой планеты. Вы как думаете?
— Очень может быть.
— Примечательно, что я прекрасно их понимаю. Вероятно, овладели моим разумом. Вы считаете это возможным?
— Все возможно, — не стал спорить Карелла.
— Про Риардона они рассказали мне за сутки до того, как решили с ним покончить. Видите ли, они начали с него потому, что он был Комиссаром третьего сектора. Для его устранения был применен термодезинтегратор. Господи, что я говорю, вы ведь и сами знаете, правда? — Мисс Бэйли вопросительно посмотрела на него и добавила: — Правильно, термодезинтегратор 45-го калибра.
— Да, — вяло вставил Карелла.
— Фостер же был Черным принцем Аргаддона. Поэтому они вынуждены были его ликвидировать. Так они мне, во всяком случае, объяснили. Кстати, передаваемые ими сигналы слышны очень ясно и четко, я прекрасно их разбираю и понимаю, и это при том, что они поступают на чужом языке. Жаль, что вы не американец, мистер Карелла. Слишком много вокруг пришлых чужаков, не знаешь, прямо, кому доверять.
— Да, — произнес Карелла, чувствуя, как промокшая рубашка липнет к спине, подумал и повторил: — Да.
— Буша они убили потому, что он был вовсе не куст, а замаскированное дерево. Они ненавидят растительную жизнь. Особенно деревья. Им необходим углекислый газ, понимаете ли, а растения его потребляют. Особенно деревья. Деревья потребляют несметное количество углекислого газа.
— Несомненно.
— Но вы одолеете тараканочеловеков теперь-то, когда я вам все рассказала?
— Сделаем все, что в наших силах, — не очень убедительно пообещал Карелла.
— Лучший для этого способ… — начала мисс Бэйли и смолкла, прижимая сумочку к узкой птичьей грудке. — Ох, не мне вас учить!
— Мы высоко ценим вашу помощь, — торжественно заявил Карелла.
— Так и не хотите узнать, каким способом лучше всего бороться с тараканочеловеками? — лукаво склонила головку к плечу мисс Бэйли. — Учтите, пистолеты ваши против них бесполезны. Вследствие термального подогрева.
— Вот этого я не знал, — признался Карелла.
— Они подошли к выходу, и Карелла любезно распахнул дверь. Мисс Бэйли ступила через порог.
— Есть только один способ борьбы с тараканочеловеками. — Она сжала губы. — Растирать их подошвой!
Мисс Бэйли повернулась на каблуках и направилась по коридору к лестнице.
Берт Клинг в тот вечер пребывал в прекрасном настроении.
Когда Карелла и Хэвилленд вошли в больничную палату, он восседал на койке, и, если бы не пухлая повязка на правом плече, никто бы не усомнился в его отменном здоровье. Тем более что встретил он посетителей грандиозной улыбкой от уха до уха.
Клинг со вкусом принялся за сладости, которые они ему принесли, и, не переставая жевать, с энтузиазмом поведал, что такая вот служба в больнице — вещь первый сорт, им стоило бы только посмотреть на отдельных сестричек в облегающей белой форме.

Похоже, он не таил зла на того пацана, что его ранил. Бывает — работа у нас такая, что поделаешь, делился он своими соображениями с Кареллой и Хэвиллендом. Клинг жевал, улыбался, болтал до тех пор, пока детективы не засобирались уходить. Он задержал их еще на минутку, чтобы рассказать на прощание анекдот о мужике, который был вынужден ходить, широко расставляя ноги, потому что у него было три, ну, этих… Сами знаете чего.

Берт Клинг в тот вечер пребывал в прекрасном настроении.,

Глава 18

Три траурные церемонии последовали одна за другой с необычайной быстротой. Жара не способствовала соблюдению классического ритуала, которым мы обставляем смерть. Скорбящие шли за гробами, обливаясь потом. Яростное солнце злорадно сияло им палящей улыбкой, и свежевырытая земля, которая должна была быть холодной и сырой, приняла гробы с сухим и пыльным равнодушием.

Сказать, что в эти дни пляжи были переполнены до отказа, — значит не сказать ничего. Было официально подсчитано, что за данный период пляжи в Колмз-пойнте и на острове Мотт посетило рекордное число любителей океанской волны — два миллиона четыреста семьдесят человек. У полиции возникли проблемы. У полиции возникли проблемы с дорожным движением, поскольку каждый, у кого было хоть какое-то средство передвижения, вывел его на улицу. У полиции возникли проблемы с пожарными кранами, поскольку детвора по всему городу открывала вентили, затыкая жерла кранов сплющенными консервными банками, и ликовала под импровизированным душем. У полиции возникли проблемы участившихся грабежей, поскольку люди спали с распахнутыми окнами, люди оставляли машины незапертыми и с опущенными стеклами, приказчики в магазинах оставляли свои прилавки без присмотра, чтобы перебежать улицу и по-быстрому глотнуть пепси-колы. У полиции возникли проблемы с утопленниками, поскольку многие изнывающие от немилосердного зноя горожане искали облегчения в отравленных водах рек, окаймляющих Айзолу, и многие из них тонули.

На острове Уокер, что на реке Дикс, у полиции возникли проблемы с заключенными, поскольку те решили, что не в силах более выносить вдобавок ко всему прочему еще и это пекло, и тогда заключенные похватали алюминиевые миски, которыми и стали колотить в решетки своих раскаленных и душных камер, и полисмены под этот невероятный тарарам спешили в арсенал, где на случай бунта хранилось автоматическое оружие.

У полиции возникло множество самых разнообразных проблем.

Карелле было бы много легче, если бы он не был одет в черное.

Он понимал всю абсурдность своих ощущений. Когда у женщины умирает муж, женщина одевается в черное.

Но они с Хэнком вели долгие беседы в спокойные часы во время ночных дежурств, и Хэнк много раз подробно описывал Элис в черных ночных сорочках, в которые она переодевалась ко сну. И как бы Карелла ни старался, он никак не мог сейчас разделить две самостоятельные концепции черного цвета: черное как прозрачное и возбуждающее одеяние обольщения и черное как траурные покровы скорби.

Элис Буш и он сидели в гостиной ее квартиры в Колмз-пойнте. Окна были широко открыты, и Карелла мог видеть высокие готические строения студенческого городка, резко очерченные на беспощадной голубизне неба. С Бушем он проработал много лет, но впервые попал в его квартиру, и вот теперь ассоциации, которые порождала у него в мыслях Элис Буш в черном, заставляли его чувствовать себя виноватым перед памятью Хэнка.

Он никак не ожидал, что Хэнк мог жить в такой квартире. Хэнк был крупным грубоватым мужиком. Квартира же была весьма игривой — типичное жилище женщины. Он никогда бы не поверил, что Хэнку здесь было удобно. Карелла обводил взглядом мебель, миниатюрные изящные вещицы. Как только Хэнк на них умещался! На окнах занавески гофрированного вощеного ситца. Стены болезненного бледно-лимонного цвета. Низкие,

щедро инкрустированные столики в обильных завитушках. В углах гостиной этажерки, полки которых уставлены хрупкими стеклянными фигурками собачек и кошечек и пасторальных пастушков с искусно изготовленными тончайшими посохами.

В такой квартире, по мнению Кареллы, Хэнк был так же к месту, как и сантехник на чаепитии в дамском литературном кружке.

Совсем другое дело миссис Буш.

Миссис Буш совершенно непринужденно возлежала в пышном кресле цвета шартреза[47], поджав под себя длинные босые ноги. Миссис Буш органично вписывалась в этот интерьер, задуманный только для миссис Буш, задуманный как олицетворение женственности.

Она была одета в черный шелк. Необычайно большая грудь, невероятно тонкая талия, широкие крутые бедра — женщина, чье тело было создано вынашивать детей. Вот только Карелла никак не мог представить себе миссис Буш в муках рождения новой жизни из ее лона. Он мог представить себе ее исключительно так, как описывал Хэнк, — в роли обольстительницы. Черное шелковое платье только подчеркивало это впечатление. Кокетливая гостиная не оставляла места для сомнений. Это была декорация, созданная специально для Элис Буш.

Платье не было открытым. Да это было и не нужно.

Не было платье и особенно облегающим. И это было не нужно тоже.

Не было оно и дорогим, но прекрасно сидело на ее потрясающей фигуре. Карелла был уверен, что бы Элис не надела, все будет сидеть на ней безупречно. Он был уверен, что даже мешок из-под картошки выглядел бы неотразимо привлекательно на этой женщине, которая была женой Хэнка.

— Что мне теперь делать? — спросила Элис. — Заправлять койки в участке? Кажется, такова обычная участь вдовы полисмена?

— Разве у Хэнка не было страховки? — поинтересовался Карелла.

— Говорить даже не о чем. Полисменам не так-то легко застраховаться, сам знаешь. К тому же… Стив, он был совсем молодым. Кто заранее думает о таких вещах? Кто предполагает, что такое может случиться? — Элис смотрела на него широко открытыми, словно удивленными глазами. Глаза были очень карие, волосы очень светлые, кожа на лице очень белая, чистая и гладкая. Она была красивая женщина, но ему не хотелось о ней так думать.

Он хотел, чтобы она выглядела неряшливой и жалкой. Он не хотел, чтобы она была столь свежа и очаровательна. Чертовщина какая-то, что же такого в этой комнате, что тебя прямо-таки душит? Карелла чувствовал себя последним оставшимся в живых мужчиной в сужающемся кольце полуобнаженных красоток где-то на тропическом острове, который стерегут кишащие в прибрежных водах акулы-людоеды. Остров назывался Амазония или что-то в этом роде, вокруг одни женщины, а он — последний оставшийся в живых мужчина на всем свете.

Комната и Элис Буш.

Женственность неумолимо плотно обволакивала его, все крепче сжимая свои цепкие, жаждущие сладострастия объятия.

— Может, передумаешь, Стив? Выпей чего-нибудь, — предложила Элис.

— Ладно, выпью, — покорно согласился Карелла.

Она поднялась из кресла, мелькнув длинной белой полосой бедра, демонстрируя почти непристойное небрежение, с которым она относилась к своему телу. Она давно сжилась со своим телом, подумалось Карелле. Ее уже не восхищает его соблазнительность. Она привыкла к своему телу, сжилась с ним, пусть другие восхищаются, если хотят. Бедро есть бедро, так какого черта!.. Что там такого уж особенного в бедре Элис Буш! Господи, чуть не

---

[47] Ликер зеленовато-желтого цвета.

застонал Карелла, что же все-таки такого особенного в бедре Элис Буш?

— Виски?

— Хорошо.

— Стив, а что вообще чувствуешь, когда приходится заниматься вот такими делами?

Элис стояла у бара, стояла в бессознательно-раскованной позе манекенщицы, что было совсем уж несообразно представлениям Кареллы о манекенщицах — гибких, тонких и плоскогрудых. Каковой Элис Буш отнюдь не назовешь.

— Какими?

— Ну, расследовать убийство коллеги и друга?

— Дикость какая-то. Нелепо себя чувствуешь.

— Надо думать.

— А ты хорошо держишься, — заметил Карелла.

— Приходится, — коротко бросила Элис.

— Что так?

— А я на куски развалюсь, если не буду держаться. Он в земле, Стив. Нытье да причитания мне не помогут.

— Пожалуй.

— Жизнь продолжается, и мы должны жить. — Она подошла к нему и протянула стакан.

На мгновение их пальцы встретились. Он настороженно вскинул на нее глаза. Лицо Элис было абсолютно безмятежным. Прикосновение, конечно же, было совершенно непреднамеренным. Чистая случайность, убеждал себя Стив.

Она отошла к окну:

— Одиноко здесь без него.

— Нам тоже его очень не хватает, — подтвердил Карелла и вдруг с удивлением понял, насколько он, оказывается, был привязан к Хэнку.

— Думаю уехать куда-нибудь, — продолжала Элис. — Подальше от всего, что о нем напоминает…

А Карелла почему-то опять вспомнил портрет, нарисованный ему Хэнком, портрет, ставший вдруг неотделимым от стоявшего перед ним во плоти прототипа, и вновь почувствовал себя на амазонском острове, а со всех сторон его неотвратимо обступала алчущая женственность. Он не мог винить Элис. Она всего лишь была сама собой, была Женщиной. Она была только пешкой в руках судьбы, рожденная олицетворением женского начала. Она… О, черт!

— Как идет расследование? — прервала Элис течение его то ли греховных, то ли душеспасительных мыслей.

Она вернулась к креслу и повалилась в мягкие подушки. В движении этом не было ничего похожего на грациозность в человеческом понимании. Скорее, что-то от звериной непринужденности рыси. Элис огромной лесной кошкой растянулась в кресле и подобрала под себя ноги, и Карелле подумалось, что он не удивится, если она сей же момент начнет мурлыкать. Не без труда прогнав эти ассоциации, он посвятил Элис во все, что им было известно о подозреваемом в убийстве Хэнка.

— Совсем немало, — задумчиво сказала она.

— Но и не очень много на самом-то деле, — возразил Карелла.

— Нет, я имею в виду, а вдруг он обратится к врачу.

— Пока не обращался, как видишь. Не исключено, что он вообще не пойдет к врачу. Может, сам сделал перевязку.

— Рана-то серьезная?

— Предположительно. Но чистая — насквозь.

— Хэнку надо было убить его. — Слова эти прозвучали в устах Элис на удивление беззлобно. Сами по себе слова таили смертельную угрозу свернувшейся в кольцо гремучей змеи, но то, как они были произнесены, делало их совершенно безобидными.

— Не успел, видно, — объяснил Карелла.

— Что теперь намерены предпринять? — поинтересовалась Элис.

— Пока не знаю. Работаем. И отдел по расследованию убийств, и мы тоже. У меня, правда, есть несколько идей…

— Стоящая версия? Напал на какой-нибудь след?

— Да нет. Просто кое-какие соображения.

— Какие именно?

— Тебе будет не интересно.

— Убит мой муж, — почти с враждебной холодностью произнесла Элис. — Заверяю тебя, мне интересно все, что поможет отыскать его убийцу.

— Честно говоря, я не хотел бы излагать свои идеи, пока сам в них не разберусь… Пока не буду уверен, что знаю, о чем говорю.

— Это другое дело. — Элис улыбнулась. — Ты так и не попробовал моего коктейля.

Карелла поднес стакан к губам и сделал глоток. Смесь была очень крепкой.

— Ого! — вырвалось у него. — Виски ты не пожалела!

— Хэнк всегда просил покрепче. Он вообще любил все крепкое.

Карелла поймал себя на том, что ему вновь послышалось открытое приглашение, что сейчас, вот в этот самый миг, невообразимым образом оживший портрет, который живописал ему Хэнк, взорвется тысячью разлетающихся осколков грудей, бедер, коленей — словно на фантастических пейзажах кисти Дали[48].

— Ну, мне пора, — засобирался Карелла. — Город мне платит совсем не за то, чтобы я распивал виски все утро.

— Не уходи, — попросила Элис. — У меня тоже есть кое-какие идеи.

Карелла подозрительно вскинул голову, настолько явственной показалась ему двусмысленность этой фразы. Да нет, не может быть, он ошибся. Элис отвернулась от него и глядела в открытое окно — четкий профиль, четко очерченные линии немыслимого тела.

— Поделись, — предложил он.

— Ненормальный. Ненавидит все, что связано с законом.

— Может быть.

— Точно. Кто еще способен на такую жестокость? Бессмысленно отнять три человеческие жизни… Нет, это сумасшедший, Стив. Разве у отдела по расследованию убийств другое мнение?

— Я с ними уже несколько дней не общался. Знаю только, что поначалу они считали именно так.

— Поначалу? А сейчас?

— Трудно сказать.

— А ты-то сам как думаешь?

— Может, и ненормальный. Риардон и Фостер — да, эта версия годится. А вот с Хэнком — не знаю, не знаю…

— Что-то я не понимаю.

— Смотри, Риардон и Фостер работали в паре, поэтому мы могли бы предположить, что какой-то псих затаил на них злобу.

— Ну?

— Но Хэнк-то вместе с ними никогда не работал! Ну, может, и не никогда. Может, разок-другой вместе сидели в засаде. Но он никогда ни с одним из них не участвовал в сколь-нибудь стоящем аресте. Мы проверяли.

— А кто сказал, что у него обязательно должны быть личные мотивы, Стив? Просто маньяк, не может быть разве? — Она, похоже, начинала сердиться.

Карелла не понимал, почему вдруг Элис стала сердиться, поскольку вплоть до этого

---

48 Сальвадор Дали (1904–1989) — испанский живописец, ведущий представитель сюрреализма.

момента она определенно сохраняла полное спокойствие. Сейчас же дыхание ее участилось, высокая грудь колыхалась, и Карелла в замешательстве и смущении поспешно отвел глаза.

— Просто какой-нибудь свихнувшийся идиот, который вбил себе в голову укокошить всех полисменов в 87-м участке. Что, исключено?

— Нет, совсем не исключено. Мы проверили все психиатрические больницы в нашем районе. Искали среди недавно выписанных тех, у кого в прошлом могло быть что-нибудь, связанное с… — Карелла покачал головой. — Понимаешь, мы предполагали, возможно, параноик, который приходит в бешенство от одного вида формы. Только вот все жертвы были в штатском.

— Так-таки ничего?

— Один раз показалось, что мы напали на след. Правда, ничего относящегося к полиции. Но все же. Молодой парень, в армии страшно не ладил с офицером. Недавно выписан, вроде совсем выздоровел. Но это еще ничего не значит. Мы поговорили с психиатрами в лечебнице, они считают, что его форма заболевания никогда не выльется в акт насилия, тем более в насильственные действия на протяжении сколь-нибудь длительного периода.

— И вы, значит, отбросили эту версию?

— Нет. Мы нашли парня. Абсолютно безобиден. Железное алиби к тому же.

— И больше никого не проверяли?

— Ну, почему же. Задействовали все наши контакты среди уголовников. Может, мы стали поперек дороги какому-нибудь гангстеру, и он пытается показать нам, что мы не всесильны. Нанимает убийцу и начинает методически ставить нас на место. Такие вещи, однако, сохранить в тайне практически невозможно.

— Больше ничего?

— Я все утро рылся в фотографиях ФБР. Боже милостивый, Элис, ты даже не представляешь, сколько людей отвечают имеющемуся у нас предположительному описанию убийцы.

Карелла отхлебнул виски. Теперь он начинал чувствовать себя с Элис немного спокойнее и уютнее. Может быть, она не столь уж и женственна, в конце концов. А может быть, ее женственность постепенно обволакивала настолько, что все начинало видеться и восприниматься по-другому. Как бы то ни было, интерьер не действовал на него столь угнетающе, как прежде.

— Нашел что-нибудь? Среди фотографий?

— Пока нет. Половина сидит, остальные — по всей стране. Понимаешь, главное тут… Одного понять не могу…

— Что?

— Откуда убийца узнал, что они полисмены? Все трое были в штатском. И если он не сталкивался с ними до этого, как он мог знать?

— Да, понимаю.

— Возможно, сидел в машине напротив участка и следил за всеми, кто входил и выходил. Через какое-то время он мог установить точно, кто там работает, а кто нет.

— Вполне мог, — задумчиво произнесла Элис. Она рассеянно положила ногу на ногу, и Карелла поторопился отвести глаза.

— У этой теории, однако, есть и слабые места. Вот что меня бесит. За что бы мы ни ухватились, обязательно попадаем в тупик, провались оно пропадом, это сучье дело! — вырвалось ненароком у Кареллы бранное слово, и он виновато посмотрел на Элис.

Она, казалось, пропустила его мимо ушей. Видимо, всякого наслушалась от Хэнка. Ноги ее по-прежнему лежали одна на другой. Очень красивые ноги под высоко вздернувшейся юбкой. Карелла вновь воровато отвел взгляд в сторону.

— Понимаешь, — слишком уж торопливо начал объяснять он, — если бы кто-нибудь следил за участком, мы бы его приметили. Ведь установить, кто у нас работает, а кто только посетитель — на это требуется время, и немало. Мы бы его наверняка засекли.

— А если он прятался?

— Где? Напротив участка нет ни одного здания. Только парк.

— Вот в парке и прятался… С биноклем, например.

— Допустим. Но как он тогда отличал детективов от патрульных?

— Не поняла.

— Он убил трех детективов. Возможно, чистая случайность. Я лично так не считаю. Тогда как он определил, кто детектив, кто патрульный?

— А очень просто. Если он за вами следил, то видел сначала всех входящих в участок, а после развода — выходящих. Так ведь патрульные расходятся по своим маршрутам в форме, разве нет?

— Верно. — Карелла сделал большой глоток.

— Господи, как же жарко! — Элис завозилась в кресле.

Карелла упорно не смотрел в ее сторону. Он знал, что его глаза сами собой уставятся вниз, и не хотел видеть того, что Элис по рассеянности, но щедро ему демонстрировала.

— Как только уйдешь, сразу переоденусь в шорты и лифчик, — сообщила ему Элис.

— Намек понял, яснее не бывает, — попытался пошутить Карелла.

— Да нет, Стив, я совсем не то имела в виду… Я бы прямо сейчас переоделась, если бы знала, что ты еще посидишь. Только подумала, что ты уже собираешься уходить… То есть, я хочу сказать… Черт, я что-то совсем запуталась! — Элис сделала какой-то неопределенный жест рукой.

— Мне действительно пора, Элис. Надо просмотреть еще кучу фотографий. Спасибо за виски. — Он поднялся и направился к двери, заставляя себя не оглядываться, заставляя себя не глазеть опять на ее ноги.

У двери Элис протянула ему руку. Пожатие ее теплой пухлой ладошки было на удивление сильным и твердым. Элис еще крепче сжала его руку.

— Удачи, Стив! Если я чем-нибудь могу помочь…

— Обязательно дадим знать. Еще раз большое спасибо!

Он вышел из квартиры Элис Буш и медленно побрел по улице. На улице было очень жарко.

А ему вдруг неистово захотелось очутиться в постели с женщиной.

С любой женщиной.

Глава 19

— Вот это, я понимаю, настоящий красавчик! — восхитился Хэл Уиллис.

Хэл Уиллис был единственным действительно низкорослым детективом из всех, что Карелла встречал в своей жизни. Он, конечно, был выше минимально необходимых пяти футов восьми дюймов, но лишь чуть-чуть. По сравнению с впечатляющими фигурами других детективов отдела он выглядел скорее солистом балета, но уж отнюдь не крутым полисменом. Но пусть ни у кого не остается сомнений в том, что Хэл на самом деле был крутым полисменом. Хотя он и производил впечатление, будто и мухи не обидит, любой, кто решил бы связаться с Уиллисом, никогда бы впредь не искал столь сомнительного удовольствия. Хэл Уиллис был выдающимся мастером дзюдо.

Он мог пожать вам руку и тем же движением сломать вам позвоночник. Если вы были недостаточно осторожны в обращении с Хэлом Уиллисом, вам грозило испытать непереносимую муку болевого захвата. Дальнейшая потеря бдительности могла привести к тому, что вы внезапно обнаруживали, что взлетаете в воздух после молниеносного хитроумного броска. Зацепы, подсечки, „мельницы" были столь же неотъемлемой частью личности Хэла Уиллиса, как и живые карие глаза на худощавом лице.

Сейчас живые карие глаза Хэла Уиллиса провожали фотографию из досье ФБР, которую он перебросил через стол Карелле.

Снимок действительно изображал „настоящего красавчика". Нос сломан по меньшей

мере в четырех местах. Длинный шрам пересекал всю левую щеку. Многократно рассеченные брови наползали на крошечные запавшие глазки. Разбитые и навечно распухшие оттопыренные уши. Втянутые в беззубый рот губы в шрамах. И кличка, соответственно, конечно. Красавчик Краяк.

— Просто куколка, — согласился Карелла. — А чего они нам его прислали?

— Темные волосы, рост шесть футов два дюйма, вес сто восемьдесят пять. Хотел бы повстречаться с ним темной ночкой в глухом переулке?

— Нет уж, спасибо. Он в городе?

— Слава богу, в Лос-Анджелесе.

Карелла рассмеялся. Зазвонил телефон. Уиллис снял трубку.

— 87-й участок, Уиллис слушает! Что?! Адрес, быстро!

Карелла настороженно вскинул голову. Уиллис торопливо царапал ручкой блокнот.

— Как-нибудь потяните время. Задержите его немного, мы немедленно выезжаем! — Он повесил трубку, с грохотом выдвинул верхний ящик стола и схватил кобуру с револьвером.

— Что там такое? — встревожился Карелла.

— Врач с 35-й улицы. У него пациент с огнестрельным ранением левого плеча!

Когда Карелла и Уиллис подъехали к аристократического вида зданию на 35-й улице, перед ним уже стоял полицейский патрульный автомобиль.

— Салаги нас опередили, — огорчился Уиллис.

— Какая разница, лишь бы не ушел, — утешил его Карелла, но в голосе его прозвучала мольба.

Щеголеватая табличка на входной двери предлагала: „Звоните и садитесь".

— Где? — полюбопытствовал Уиллис. — На ступеньках, что ли?

Они нажали кнопку звонка, услышали щелканье замка, открыли дверь и вошли в приемную. На длинной, обитой кожей кушетке сидел патрульный и листал иллюстрированный журнал. При виде входящих детективов патрульный поспешно отложил журнал и доложил:

— Патрульный Кертис, сэр.

— Где доктор? — спросил Карелла.

— У себя в кабинете, сэр. Там Кантри с ним беседует.

— Какой еще Кантри?

— Мой напарник, сэр.

— Пошли! — заторопил Кареллу Уиллис.

Они прошли в кабинет врача. Кантри, долговязый нескладный брюнет, вытянулся по стойке смирно.

— Свободны, Кантри, — сухо бросил Уиллис.

Патрульный, чеканя шаг, покинул кабинет.

— Доктор Рассел? — обратился Уиллис к мужчине лет пятидесяти с обманчиво седой шевелюрой над приятным лицом.

Широкий в плечах, в безукоризненно белоснежном халате, он держался очень прямо, всем своим видом сразу внушая доверие.

— Где он?

— Исчез.

— Как же так…

— Я позвонил, как только осмотрел рану. Извинился, сказал, что иду за лекарством, и сразу позвонил вам. Вернулся, а его уже нет.

— Вот черт! — не сдержался Уиллис. — Давайте, доктор, все с самого начала, пожалуйста.

— Он явился в… ну, не более двадцати минут назад. В приемной никого не было, что весьма необычно в такое время дня, должен сказать, но я полагаю, в такую жару люди предпочитают лечить свои болячки на пляже. — Врач скупо усмехнулся. — Так вот, он

рассказал, что стал чистить охотничье ружье, а оно вдруг выстрелило. Я пригласил его в перевязочную, вот в эту комнату, где мы с вами находимся, джентльмены, и предложил раздеться до пояса.

— Потом?

— Потом я начал осматривать рану. Спросил, когда с ним случилось это несчастье. Он заявил, что сегодня утром. Я тут же понял, что он лжет. Рана уже сильно воспалилась, обильное нагноение. В этот момент я и вспомнил сообщения в газетах.

— Об убийствах полисменов?

— Именно. Припомнилось, что я читал что-то о подозреваемом с огнестрельным ранением выше пояса. Тут-то я как раз извинился и пошел звонить в полицию.

— А это была точно огнестрельная рана?

— Вне всяких сомнений. Ее перевязывали, но крайне неумело. Я не успел подвергнуть ее тщательному осмотру, как вы сами понимаете, поскольку заторопился к телефону. Но полагаю, что рану обрабатывали йодом.

— Йодом?

— Да.

— И все равно загноилась?

— Причем серьезно. Рано или поздно ему не миновать обратиться к врачу.

— Как он выглядел?

— Ну… с чего бы начать?

— Возраст?

— Около тридцати пяти.

— Рост?

— Чуть более шести футов, я бы сказал.

— Вес?

— Примерно сто девяносто.

— Волосы темные? — уточнил Уиллис.

— Да.

— Цвет глаз?

— Карие.

— Шрамы, родимые пятна, другие особые приметы?

— Лицо очень сильно расцарапано.

— Он что-нибудь трогал у вас в кабинете, к чему-либо тут прикасался?!

— Вроде нет. Хотя… Погодите-ка! Точно!

— Что?

— Я усадил его на перевязочный стол. Когда начал ощупывать плечо, он сморщился, застонал и схватился за поручень в ногах стола.

— Похоже, нам может повезти, Хэл, — заметил Карелла.

— Моли Бога! В чем он был одет, доктор Рассел?

— Черный костюм.

— Какого цвета рубашка?

— Белая. На плече над раной пятно.

— Галстук?

— Полосатый. Золотисто-черный.

— С прищепкой?

— Да. Чем-то украшена.

— Что на ней было изображено?

— Что-то вроде рожка. Что-то в этом роде, — неуверенно сказал врач.

— Что именно? Труба, охотничий рог, рог изобилия? Что?

— Не знаю. Не могу сказать точно. Она мне запомнилась только своей необычностью. Да я и видел ее лишь мельком, когда он раздевался.

— Какого цвета обувь?

— Черного.
— Лицо бритое?
— Да. Если вы имеете в виду, что у него не было бороды. А во-обще-то побриться бы ему не мешало.
— Так-так. Какие-нибудь кольца на руках?
— Не приметил.
— Нижняя рубашка?
— На нем ее не было.
— Я его понимаю. В этакую жарищу. Не возражаете, если мы от вас позвоним, доктор?
— Сделайте одолжение. Думаете, это тот самый?
— Я очень надеюсь, — с чувством сказал Уиллис. — Боже праведный, как я надеюсь!

Когда человек находится в состоянии нервного возбуждения, процесс потоотделения активизируется, даже если температура воздуха не взлетает до рекордных отметок.

Поры на кончиках пальцев выделяют влагу, которая содержит 98,5 процента воды и от 0,5 до 1,5 процента твердых частиц. Последние, в свою очередь, состоят на одну треть из неорганических веществ — в основном солей — и на две трети из органических, таких, как мочевина, белок, муравьиная, масляная и уксусная кислоты. К увлажненным кончикам пальцев пристают также пыль, грязь и жир.

Подобная смесь оставляет отпечаток в виде тончайшей пленки на всем, к чему бы ни довелось прикоснуться человеку.

Предполагаемому убийце довелось коснуться гладкой хромированной поверхности поручня на перевязочном столе в кабинете доктора Рассела.

Эксперты из научно-технической лаборатории покрыли скрытые пока Отпечатки пальцев специальным черным порошком. Избыток порошка осторожно сдули на лист бумаги. Затем отпечатки деликатнейшим образом обработали нежнейшим страусовым пером. После этого проявленные таким образом отпечатки были многократно сфотографированы.

Подозреваемый оставил два очень четких отпечатка больших пальцев каждой руки на верхней поверхности поручня. На нижней поверхности остались очень четкие отпечатки вторых фаланг всех его остальных пальцев.

Фотографии были направлены в местное бюро идентификации. Там произвели тщательную проверку по имеющимся досье. Проверка эта результатов не дала, и тогда фотографии отпечатков пальцев отослали в Федеральное бюро расследований. Детективам теперь оставалось только сидеть и ждать.

В то же время доктора Рассела посетил полицейский художник. По описанию врача он начал составлять портрет подозреваемого. Следуя указаниям доктора Рассела („Нет, нет! Нос длинноват. Вот теперь лучше. Попробуйте немного опустить уголки губ. Стоп! То, что нужно!"), ему наконец удалось исполнить рисованный портрет, изображающий посетившего врача человека таким, как его запомнил доктор Рассел. Размноженный во многих экземплярах рисунок вместе со словесным портретом разыскиваемого был разослан всем городским ежедневным газетам и местным телевизионным станциям.

Все это время детективы сидели и ждали ответа из ФБР. Утро следующего дня застало их в том же состоянии.

Уиллис с удовольствием рассматривал репродукцию с рисунка полицейского художника, помещенную на первой странице утреннего выпуска одной из городских газет. Заголовок над ней огромными буквами вопрошал: „Вы видели этого человека?"
— А он ничего, симпатичный, — отметил Уиллис.
— Красавчик Краяк, — сострил Карелла.
— Да нет, я серьезно.
— Пусть хоть раскрасавец, чтоб у него рука отвалилась, у сукиного сына! — с чувством пожелал Карелла.
— Вполне возможно, отвалится.

— Где же этот чертов ответ из этого чертового ФБР? — раздраженно поинтересовался Карелла.

Все утро он отвечал на телефонные звонки воодушевленных граждан, видевших убийцу. Каждое такое сообщение, безусловно, должно было быть учтено и проверено, однако к настоящему моменту разыскиваемого человека множество людей одновременно видело в самых разных частях города.

— Я-то думал, что эти господа на правительственных харчах работают порасторопнее!

— Так оно и есть, Стив, — попытался умиротворить расходившегося коллегу Уиллис.

— Загляну к лейтенанту, — заявил Карелла, которому уже не сиделось на месте.

— Валяй! — одобрил его решение Уиллис.

Карелла постучал в дверь кабинета лейтенанта, услышал ответное „Заходи!" и воспользовался этим приглашением. Барнс говорил по телефону. Выразительным жестом предложил Карелле подождать. Тут же кивнул телефону головой и сказал в трубку:

— Но, Хэриет, я лично не вижу в этом ничего плохого.

И замолчал, терпеливо слушая, что ему говорили на том конце провода.

— Да, но…

Карелла отошел к окну и уставился в распростертый перед ним парк.

— Нет, я лично не нахожу никаких причин для…

„Вот она, супружеская жизнь", — философски подумал Карелла. И тут же подумал о Тедди. И тут же пришел к стратегическому решению: „У нас будет все по-другому!"

— Хэриет, отпусти его, — продолжал увещевать телефонную трубку Барнс. — Он у нас неплохой парень, и ничего дурного с ним не случится. Слушай, поверь мне. Побойся Бога, это же всего-навсего увеселительный парк!

Барнс, прикрыв трубку ладонью, издал протяжный вздох иссякающего долготерпения.

— Ладно, договорились. — Он недолго послушал своего оппонента. — Нет, пока точно не знаю. Ждем ответа из ФБР. Как только соберусь домой, позвоню. Да не надо ничего затевать! Кому хочется есть в такую жарищу! Да, милочка, пока!

Барнс повесил трубку. Карелла отошел от окна.

— Вот бабы! — воскликнул лейтенант, но без всякого осуждения. — Сын хочет вечерком поехать с компанией в увеселительный парк. А она не пускает. Ей, видите ли, не понятно, что там делать в середине недели. Ссылается на газеты, которые пишут, что в таких местах мальчишки, мол, устраивают драки. А это всего-навсего увеселительный парк! А мальчишке нашему семнадцать!

Карелла сочувственно кивал головой.

— Если следить за каждым их шагом, они начинают чувствовать себя как за решеткой. Ну, сколько шансов, что в таком месте обязательно начнется драка, я вас спрашиваю? И почему Ларри обязательно должен в нее ввязаться? Парень он неплохой, и голова у него на плечах есть. Да ты же знаком с ним, Стив?

— Да, встречался. Он показался мне весьма уравновешенным и рассудительным.

— Вот-вот! То же самое я только что сказал Хэриет. О, да пошло оно все к черту! Эти женщины никак не хотят расставаться с пуповиной, вот что я тебе доложу. Нас растит одна женщина, а когда мы дозреем, она просто передает нас другой женщине.

— Заговор это женский, — улыбнулся Карелла.

— Иногда я и сам так думаю, — буркнул Барнс. — Но что бы мы без них делали?

Лейтенант горестно покачал головой — представитель сильного пола, попавший в неумолимые тиски общественной структуры.

— Из ФБР что-нибудь есть? — перешел к делу Карелла.

— Пока ничего. Господи, как я молюсь, чтобы нам повезло! Разве мы этого не заслужили? С ног ведь сбиваемся!

Раздался стук в дверь.

— Заходи! — разрешил Барнс.

Вошел Уиллис с пакетом в руке.

— Только что доставили, сэр.

— ФБР?

— Да.

Барнс схватил пакет. Торопясь и чертыхаясь, надорвал плотную бумагу и вытряхнул сложенный листок.

— О черт! — взорвался он. — Что же это творится, черт бы их всех побрал! У них на него ничего нет!

— Мы знаем об этом типе все! — Уиллис в бешенстве заметался по тесному кабинету. — Знаем, как он выглядит, знаем рост, вес, группу крови, когда последний раз стригся, диаметр заднего прохода знаем! Одного толбко не знаем! Кто он? Кто? Кто, я вас спрашиваю?

Ни Карелла, ни Барнс ему не ответили.

В тот вечер подростка по имени Мигель Аретта доставили в отдел по делам несовершеннолетних. Полиция задержала его в числе тех „Гроверов", кто отсутствовал во время переклички в 87-м участке. Полисменам не понадобилось много времени, чтобы установить, что именно Мигель ранил из самопала Берта Клинга.

Когда Рафаэль (Рип) Десанга оповестил „Гроверов", что в округе объявился какой-то умник, задающий слишком много вопросов, Мигель, у которого как раз нашелся под рукой самопал, отправился вместе со всеми к бару, чтобы слегка поучить этого самонадеянного умника.

Но вышло так, что умник — или тот, кого они за умника приняли, — не захотел учиться и вытащил пистолет. Тогда и Мигель достал из кармана свой самопал и, не теряя времени, разок бабахнул.

Берт Клинг умником, конечно, не был. Наоборот, он оказался — из всех возможных вариантов! — полисменом. И вот Мигель Аретта теперь находился в отделе по делам несовершеннолетних, и сотрудники отдела ломали головы, пытаясь досконально разобраться, чем живет и дышит этот подросток и что толкнуло его на такой поступок, чтобы представить его дело в суде самым честным, благородным и справедливым образом.

Мигелю было пятнадцать лет. И можно было предположить, что он еще просто не знает, что к чему.

Подлинному же умнику — репортеру Клиффу Сэвиджу было тридцать семь лет, и ему бы пора уже было знать, что к чему.

Как бы не так.

Глава 20

На следующий день Сэвидж караулил Кареллу у здания участка. Стив вышел в четыре с минутами. Сэвидж, одетый в коричневый шелковый костюм, золотистый галстук и коричневую соломенную шляпу с бледно-желтой лентой, отделился от стены и окликнул Кареллу:

— Приветствую вас!

— Чем могу? — вежливо осведомился Карелла.

— Вы ведь детектив, правда?

— Если вы с жалобой, — предупредил Стив, — обратитесь к дежурному сержанту. Я иду домой.

— Я Сэвидж, — представился репортер.

— О! — Карелла мрачно оглядел Сэвиджа с ног до головы.

— Вижу, вы из той же команды?

— Это из какой же?

— „Союз против Сэвиджа".

Карелла, промолчав, направился к своему автомобилю. Сэвидж пристроился к нему, не отставая ни на шаг.

— Я имел в виду, что вы тоже настроены против меня, — не унимался репортер.

— Суете свой нос куда не надо, — уже не заботясь о выражениях, сказал ему Стив, — а из-за вас полисмен попал в больницу, а пацан сидит за решеткой и ждет суда. Так что, к медали вас представить прикажете?

— Если пацан, как вы говорите, стреляет в человека, он заслуживает того, что его ждет, — парировал Сэвидж.

— А если бы вы не лезли не в свое дело, пацан, может быть, и стрелять ни в кого не стал.

— Поймите же, я репортер. Работа у меня такая — добывать факты.

— Лейтенант мне рассказывал, что обсуждал с вами версию о причастности подростков к гибели полисменов. Он же сказал вам, что считает подобный вариант весьма маловероятным. Но вы продолжали гнуть свое, и посмотрите, что наворотили. Вы хоть осознаете, что Клинга могли убить? — Карелла начал раздражаться.

— Не убили же! А вы сами осознаете, что это меня могли убить?

Карелла не ответил, чтобы не выразить сожаления, что этого не случилось.

— Если бы вы в полиции более охотно сотрудничали с прессой… — вновь завел было Сэвидж.

Карелла остановился и резко оборвал его:

— Слушайте, а что вы вообще здесь делаете? Нарываетесь на новые неприятности? Если кто-нибудь из „Гроверов" вас опознает, не миновать новой заварухи. Ступайте-ка лучше к себе в газету и сочините материальчик на тему уборки мусора, а?

— Ваш юморок, знаете ли…

— А я вовсе не шучу, — вновь не дал ему договорить Карелла.

Да и обсуждать с вами ничего не собираюсь. Мое дежурство кончилось. Я иду домой. Приму душ и отправлюсь на свидание с невестой. Теоретически я нахожусь при исполнении служебных обязанностей двадцать четыре часа в сутки, но, к счастью, в круг этих моих обязанностей услуги любому бродячему щенку-репортеру не ВХОДЯТ.

— Щенку?! — искренне оскорбился Сэвидж. — Да послушайте же…

— Какого черта вам от меня нужно? — уже просто грубо потребовал Карелла.

— Я бы хотел поговорить об этих убийствах.

— А я бы не хотел, — отрезал Карелла.

— Да почему же, можете вы мне объяснить?

Господи, прямо настоящая пиявка какая-то! — взмолился Карелла.

— Я репортер, — с достоинством возразил Сэвидж, — и чертовски хороший репортер. Так почему же вы все-таки не хотите потолковать об убийствах?

— Я готов толковать об этом целый день, но только с тем, кто способен понять, о чем я говорю.

— А я прекрасный собеседник, — без ложной скромности заявил Сэвидж.

— Оно и видно. С Рипом Десангой вы здорово набеседовали, — язвительно заметил Карелла.

— Ладно, готов признать, что тут я сплоховал. Понимаете, я считал, что это дело рук подростков. Ну, согласен, ошибся. Теперь мы знаем, что убийца взрослый. А что еще мы о нем знаем? Почему, например, он это сделал?

— Вы что, до самого дома меня собираетесь провожать? — поинтересовался Карелла.

— Я бы предпочел угостить вас рюмашкой, — предложил Сэвидж, выжидательно глядя на Кареллу.

Карелла задумался, взвешивая предложение.

— Ладно, — согласился наконец он.

Сэвидж протянул ему руку.

— Друзья зовут меня Клиф. Простите, не знаю вашего имени.

— Стив Карелла.

Они обменялись рукопожатием.

— Рад познакомиться, — с энтузиазмом заявил Сэвидж. — Теперь пойдем чего-нибудь выпьем!

После ошеломляющего пекла улицы кондиционированный бар показался им приютом обетованным. Карелла и Сэвидж сделали заказ у стойки и уселись друг против друга в кабине у левой стены.

— Все, что я хочу знать, — начал Сэвидж, — так это что ты думаешь об убийствах?

— Я лично или управление?

— Конечно, ты. Не могу же я требовать, чтобы ты говорил от имени всего управления.

— Для печати? — подозрительно уточнил Стив.

— Да что ты! Нет, нет. Я просто пытаюсь привести свои мысли в порядок. Как только вы раскроете это дело, в газетах пойдет куча материалов. А чтобы написать как следует, мне нужно ознакомиться со всеми аспектами следствия, в деталях, понимаешь?

— Боюсь, для неспециалиста разобраться во всех деталях полицейского следствия будет трудновато.

— Конечно, конечно. Но хоть рассказать-то мне, что ты сам думаешь, можно?

— Это можно. При условии, что не для печати.

— Честное скаутское! — заверил его Сэвидж.

— У нас в управлении не очень любят, когда отдельные полисмены пытаются прославлять себя через…

— Ни одного слова из нашей беседы не попадет в газету, — вновь горячо пообещал Сэвидж. — Можешь мне поверить.

— Так что ты хотел узнать?

— Способ мы имеем, возможность мы имеем, а вот как насчет мотива?

— Вся полиция города бьется над ответом на этот вопрос, — усмехнулся Стив.

— Возможно, псих.

— Может быть, — с сомнением протянул Карелла.

— Ты сам, значит, так не считаешь?

— Нет, не считаю. В отличие от некоторых.

— А почему?

— Не считаю, и все.

— Но должна быть какая-то причина!

— Причин никаких нет. Интуиция. Ощущение. Когда поработаешь над делом какое-то время, войдешь в него, начинают возникать такие, знаешь ли, ощущения. Так вот, я просто не верю, что здесь причастен маньяк.

— Но сам-то ты что думаешь?

— Есть у меня кое-какие идеи…

— Например?

— Сейчас я бы не хотел о них говорить.

— Кончай, Стив!

— Пойми, наша работа — такая же работа, как и любая другая, только мы имеем дело с преступлением. Если занимаешься импортом-экспортом, то не заключаешь ведь миллионную сделку просто по наитию, пока все не проверишь досконально. Так же и у нас.

— То есть у тебя есть подозрение, которое надо еще проверить?

— Да не подозрение даже, а только идея.

— И что за идея?

— Насчет мотива.

— Так что насчет мотива?

— А ты въедливый парень, а? Не отцепишься, — улыбнулся Карелла.

— Просто хороший репортер, я же тебе сказал.

— Ладно. Давай взглянем на это дело таким образом. Эти трое были полисменами. Всех троих убили одного за другим. Какой вывод напрашивается сам собой?

— Кто-то крепко зол на полицию.

— Правильно.
— Ну и что?
— Сними с них форму. Что мы теперь имеем?
— Они же все были в штатском!
— Про форму это я просто так выразился. Имею в виду, представь себе их не полисменами, а самыми обычными гражданами. Что получается? При чем тогда ненависть к полиции?
— Но они на самом деле были полисменами!
— Людьми они были прежде всего. А полисмены… Это уже вторично, случайное совпадение.
— То есть тот факт, хочешь сказать, что они были полисменами, никак не связан с причиной их гибели?
— Может быть. Именно в этом мне и хотелось бы покопаться поглубже.
— Что-то я не совсем понимаю… — признался Сэвидж.
— Смотри, — стал объяснять Карелла. — Мы хорошо знали всех троих. Работали вместе. День за днем. Мы знали их как полисменов. И совсем не знали, что они за люди. Их, может быть, убили вовсе не потому, что они были именно полисменами.
— Интересно, — протянул репортер.
— Значит, нам нужно вникнуть, как они жили. Причем в частной жизни. Приятного мало, потому что обычно убийства самым странным образом тащат за собой такое, что и в голову бы никогда не пришло…
— То есть ты хочешь сказать… — Сэвидж запнулся, раздумывая. — Например, Риардон отбил у кого-то бабенку, или Фостер там азартно играл на скачках, а Буш получал деньжата от рэкетира. Что-нибудь в этом роде, что ли?
— С некоторой натяжкой так.
— И каким-то образом все это у них троих замкнулось на одном типе, которому понадобилось убрать их всех, но по разным причинам. Так, по-твоему?
— Ну, это слишком сложно, — не согласился Карелла. — Едва ли их убийства связаны между собой столь сложным путем.
— Но мы же знаем, что всех троих полисменов убил один и тот же преступник?
— Да, в этом мы можем быть уверены.
— Значит, их убийства все же связаны между собой.
— Конечно. Возможно, только… — Карелла смущенно пожал плечами. — Мне трудно обсуждать все это с тобой, потому что я и сам не уверен, что знаю, о чем говорю. Просто у меня появилась такая идея, вот и все. Заключается она в том, что мотив преступления гораздо глубже, чем тот факт, что все трое носили полицейские жетоны.
— Понятно, — вздохнул Сэвидж. — Можешь утешаться тем, что у каждого полисмена в нашем городе, вероятно, есть своя идея, как раскрыть это преступление.
Карелла кивнул, хотя и не до конца понял последнюю фразу репортера. Однако вдаваться в пространное обсуждение ему не хотелось. Он взглянул на часы:
— Мне пора. У меня встреча.
— Подружка?
— Да.
— Как зовут?
— Тедди. То есть Теодора полностью.
— Теодора. А дальше?
— Фрэнклин.
— Хорошее имя, — одобрил Сэвидж. — Это у вас серьезно?
— Серьезнее не бывает.
— Слушай, а эти твои идеи насчет мотива. Ты их с начальством обсуждал?
— Что ты, к черту! Соваться с каждой мелочью? С каждым малейшим подозрением? Ну, нет! Сначала сам разбираешься, и только если раскопаешь хотя бы что-нибудь

мало-мальски стоящее, вот тогда докладываешь свои идеи начальству.

— Вот как! А с Тедди уже поделился этими своими мыслями?

— С Тедди? Еще нет.

— Думаешь, она бы тебя поддержала?

— Тедди считает, что я никогда не ошибаюсь. — Карелла неловко усмехнулся.

— Похоже, чудесная девушка.

— Лучше всех. И мне бы надо идти, пока ее у меня не увели. — Карелла вновь посмотрел на часы.

— Конечно, — понимающе сказал Сэвидж. — А где она, кстати, живет?

— Риверхед.

— Теодора Фрэнклин из Риверхеда. Звучит! — Сэвидж протянул Карелле руку. — Спасибо, что рассказал о своих идеях.

Карелла поднялся.

— Но ни слова для печати, запомни, — еще раз предупредил он.

— Ни единого, — заверил Стива репортер.

— Спасибо за угощение. — Карелла кивнул на свою почти не тронутую рюмку.

Они коротко пожали друг другу руки. Сэвидж остался в кабине и заказал еще один коктейль. Камрелла поспешил домой принять душ и побриться перед свиданием с Тедди.

Тедди выглядела сногсшибательно. Она отступила на шаг от открытой двери, давая ему возможность полюбоваться своим сияющим великолепием. К свиданию она надела белый костюм из той блестящей шелковистой ткани, что так нравилась Стиву, и белые туфли; брошь с кроваво-красным камнем на лацкане жакета теплым лучистым светом соперничала с алыми овалами сережек, украшавших ее изящные аккуратные ушки.

— Вот невезуха! — огорченно воскликнул Стив, про себя побаиваясь, что его голос прозвучит слишком искренне. — А я-то надеялся застать тебя в одной комбинашке!

Тедди заулыбалась и потянулась расстегивать жакет.

— Эй, погоди! У нас столик заказан.

„Где?" — спросило ее подвижное лицо.

— „Ань Луньфан".

Лицо Тедди выразило восхищение.

— А ты еще и губы не красила!

Она энергично мотнула головой, бросилась ему на грудь и стала целовать его, обнимая так, словно через десять минут ему предстояло отбыть в Сибирь навсегда.

— Ну, все, — еле перевел дух Карелла. — Ступай краситься. Время, время!.

Она вышла в другую комнату, накрасила губы, еще раз осмотрела всю себя в зеркале и вернулась с маленькой красной сумочкой.

— Ага! Такие вот на той самой улице носят, — заявил Стив. — Символ профессии.

Тедди звучно шлепнула его пониже спины.

Китайский ресторан был знаменит великолепной кухней и экзотическим интерьером. Лично для Кареллы одной великолепной кухни было бы недостаточно. Когда он шел в китайский ресторан, он хотел, чтобы заведение и выглядело бы по-китайски и по атмосфере воспринималось бы как китайское, а не как увеличенная копия унылой казенной забегаловки где-нибудь на Кал-вер-авеню.

Они заказали овощной суп, и рулет из омара, и бараньи ребрышки на вертеле, и жареную курицу, и тушеную говядину, и свинину в кисло-сладком соусе. В супе похрустывали слегка недоваренные, как и положено, китайские овощи, сочный и сладкий белый горох, водяные орехи, грибы и множество других неведомых корешков, стебельков и листочков, которых они не знали даже по названиям. Сам бульон был неотразимо крепким, пряным и острым. Разговаривать им было некогда. Покончив с супом, они принялись за рулет, а потом за шипящие жирком ребрышки, исходящие немыслимым ароматом.

— Слышала этот анекдот насчет барашка, — попытался ради приличия завязать беседу Карелла, — насчет очкарика, который затеял диссертацию…

Тедди нетерпеливо кивнула головой и занялась ребрышками.

Румяная корочка на курице была столь восхитительной, что они вычистили тарелки до блеска. На говядину у них уже почти не осталось места, и Тедди с Кареллрй постарались сделать все, что в их силах, но когда Чарли — их официант — подошел убрать со стола, он окинул их укоризненным взглядом, полным неодобрения и упрека за то, что они оставили на тарелках несколько кусочков нежнейшего мяса.

На кухне Чарли разрезал для них ананас. Разрезал так, что его ершистая оболочка снималась целиком, обнажая желтую мякоть, рассеченную на длинные тонкие ломтики. Завершили они это невоздержанное пиршество, чаем, вдумчиво вникая в тонкости его терпкого букета и вкуса в полном душевном и телесном умиротворении.

— Ты к девятнадцатому августа как относишься? — промолвил наконец Карелла.

Тедди неопределенно пожала плечами.

— Это суббота. — Ты не против выйти замуж в субботу?

„Не против!" — вспыхнули радостью ее глаза.

Чарли принес им крошечные пирожки с запеченными в них предсказаниями судьбы и свежий чай.

Карелла разломал свой пирожок и достал узенький листочек тонкой бумаги, скатанный в тугую трубочку. Не разворачивая, спросил:.

— А вот это слышала, насчет одного мужика, который развернул записку с предсказанием в китайском ресторане?

Тедди покачала головой.

— Развернул, а там написано: „Не ешьте суп“. И подпись — „Друг".

Тедди залилась смехом и показала на его записку. Карелла развернул трубочку и прочитал вслух:

— „Вы счастливейший из людей. Скоро вам предстоит жениться на Теодоре Фрэнклин".

Глаза Тедди расширились в немом негодовании, и она выхватила записку из пальцев Стива. На листочке было напечатано: „Вы сильны в счете".

Тедди заулыбалась и раскрошила свой пирожок. Лицо ее сразу потускнело.

— Что там? — спросил Карелла.

Она затрясла головой.

— Дай-ка я посмотрю!

Тедди попыталась было скомкать записку, но он перехватил ее руку, осторожно освободил бумажный лоскуток из стиснутых пальцев и стал читать. Текст был лаконичен: „Лев взревет — весь сон уйдет".

Карелла уставился в изящно вычерченные буквы.

— Ни черта себе предсказание! Смысл-то в чем? — Он задумался и вдруг хлопнул себя ладонью по лбу: — Вон оно что! Так ведь Лев, Тедди. Лев! С двадцать второго июля по какое-то там августа, по-моему?

Тедди подтвердила кивком головы.

— Тогда все предельно ясно. Как только поженимся, черта с два ты у меня поспишь!

Он рассмеялся, и тревога в ее глазах растаяла. Она неуверенно улыбнулась, потянулась через стол и сжала его руку. Рядом с их переплетенными пальцами лежал разломанный пирожок, а около него — свернувшаяся в трубочку записка с предсказанием судьбы.

„Лев взревет — весь сон уйдет".

Глава 21

Нет, его звали не Лев.

Его звали Питер.

Полностью его звали Питер Барнс.

Но ревел он так, что куда там вашим львам!

— Так что это за чушь собачья, Карелла?

— Что именно?

— В сегодняшнем выпуске этой… этой… вонючей портянки? — Барнс грохнул кулаком по расстеленной на его столе газете. — Вот, полюбуйтесь… Четвертое августа!

„Лев! Вот оно, предсказание!" — мелькнуло в голове у Кареллы, а вслух он спросил:

— Что вы имеете в виду, лейтенант?

— Что я имею в виду? Я? Что я имею в виду?! — рявкнул Барнс. — Кто дал вам право молоть всякую чепуху этому идиоту Сэвиджу?

— Кому? — не поверил своим ушам Карелла.

— Некоторых ваших коллег и не за такой длинный язык загоняли патрульными в Бестаун…

— Вы сказали — Сэвидж? Дайте-ка взглянуть… — начал было Карелла.

Барнс с размашистой злостью раскрыл газету.

— „Полисмен бросает вызов управлению"! — прорычал он. — Это только заголовочек! Красота, а? „Полисмен бросает вызов управлению", послушайте только! В чем дело, Карелла? Вас здесь притесняют?

— Дайте же мне взгля…

— А под заголовочком-то — „Возможно, знаю убийцу", — заявляет детектив".

— „Возможно, знаю…"

— Вы говорили это Сэвиджу?

— Что я знаю убийцу? Конечно, нет. Боже мой, Пит…

— Я вам не Пит! И попрошу не тыкать, не в баре находитесь! Возьмите и читайте!

Карелла послушно взял газету. Руки у него почему-то дрожали.

Статья помещалась на четвертой, конечно, странице под крупным заголовком:

ПОЛИСМЕН БРОСАЕТ ВЫЗОВ УПРАВЛЕНИЮ

— „Возможно, знаю убийцу", — заявляет детектив". Но это же… — залепетал было Карелла.

— Читайте! — громоподобно приказал Барнс.

И Карелла стал читать.

„В баре царили полумрак и прохлада.

Мы сидели друг против друга, детектив Стивен Карелла и я. Он задумчиво вертел в руках рюмку, и мы говорили о разных вещах, но больше всего мы говорили об убийстве.

„У меня появилась идея, я, возможно, знаю, кто убил этих трех полисменов, — заявил Карелла. — Но с идеями такого рода к нашим начальникам не пойдешь. Им все равно не понять".

Вот так забрезжил первый луч надежды раскрыть загадочное преступление, которое обескуражило выдающиеся умы в отделе по расследованию убийств и парализовало упрямого и своевольного лейтенанта Питера Барнса из 87-го полицейского участка.

„Сейчас я не могу всего рассказать, — продолжал Карелла, — поскольку в этом деле надо еще покопаться. Но версия о душевнобольном, ненавидящем полицию, насквозь ошибочна. Причины надо искать в частной жизни этих трех людей, я уверен. Придется поработать, но мы раскроем это преступление".

Так говорил детектив Карелла вчера днем в баре, расположенном в самом сердце Пояса Смерти. Это застенчивый и замкнутый человек, который, по его собственным словам, „не ищет славы".

„Работа полиции ничем не отличается от любой другой, — сказал он мне, — кроме того, что мы имеем дело с преступлением. Когда у тебя появляется подозрение, начинаешь копать. Если найдешь что-нибудь стоящее, идешь докладывать начальству, и оно, может быть, к тебе прислушается, а может быть, и нет".

До сей поры он поэтому поделился своими „подозрениями" только с невестой, очаровательной молодой леди год имени Теодора Фрэнклин, жительницей Риверхеда. Мисс Фрэнклин считает, что Карелла „никогда не ошибается", и уверена, что он раскроет это

преступление, несмотря на неумелые действия управления.

„В каждом шкафу найдется свой скелет, — сказал Карелла. — И эти скелеты помогут нам отыскать убийцу. Надо лишь копнуть поглубже. Теперь это вопрос только времени".

Мы сидели в прохладном полумраке бара, и я ощущал спокойную силу, исходящую от этого человека, который нашел в себе мужество продолжать собственное расследование вопреки ошибочной версии, завладевшей насквозь пропыленными мозгами всех работающих рядом с ним.

Этот человек найдет убийцу, подумал я.

Этот человек избавит город от постоянного страха, от ужаса перед неведомым убийцей, крадущимся по улицам со смертоносным автоматическим пистолетом 45-го калибра в окровавленном ужасе. Этот человек…"

— Боже! — вырвалось у Кареллы, как крик о помощи.

— Думаешь, поможет? — откликнулся Барнс. — Теперь что скажешь?

— Да никогда я ничего подобного не говорил! То есть, чтобы в подобном духе. И он обещал, что не для печати! — возмутился Карелла. — Где у вас здесь телефон? Да я на него, сукиного сына, в суд подам за клевету! Даром ему это не пройдет…

— Все, успокоились, — сухо предложил Барнс.

— А зачем он еще и Тедди втянул? Он что, хочет из нее мишень сделать для этого свихнувшегося подонка с пистолетом? Он вообще в своем уме?

— Успокойся, тебе сказано.

— Успокоиться?! Я никогда не говорил, что знаю убийцу.

— А что же тогда ты говорил, Стив? — Лейтенант начал заметно остывать.

— Я говорил только, что у меня есть идея, которую мне надо проверить.

— Какая такая идея?

— Может быть, этот тип охотился вовсе не за полисменами. Может быть, просто за людьми, за обыкновенными людьми. А может быть, даже и совсем по-другому. Может быть, он охотился всего-навсего за одним человеком.

— За каким?

— Откуда же мне знать? Но зачем он написал про Тедди? Господи, что же это у него с головой-то?

— Ничего такого, от чего не лечат, — оптимистически предположил Барнс.

— Мне надо бежать к Тедди. Один Бог знает, что может…

— Который час? — спросил Барнс.

— Шесть пятнадцать, — ответил Стив, посмотревца настенные часы.

— Потерпи до шести тридцати. Хэвилленд должен вернуться с ужина.

— Ну, попадись мне этот Сэвидж, — зловеще пообещал Карелла, — я его пополам разорву.

— Или хотя бы штрафани за превышение скорости, — сочувственно посоветовал Барнс.

Человек в черном костюме стоял на лестничной площадке у двери в квартиру и внимательно прислушивался. Из кармана пиджака торчала свернутая газета. Левое плечо пульсировало неотступной болью, правый карман оттягивал тяжелый пистолет 45-го калибра, и он, щадя рану и компенсируя вес оружия, слегка склонился влево, настороженно вслушиваясь в тишину.

Из квартиры не доносилось ни звука.

Он несколько раз перечитал это имя в газете — Теодора Фрэнклин, — а потом в справочнике по Риверхеду отыскал ее адрес. Ему надо было с ней потолковать. Ему надо было выяснить, что известно Карелле. Он должен это выяснить. _

„Что же у нее так тихо? — мелькнуло у него в голове. — Что она там делает?"

Осторожно он попробовал дверь, раз-другой тихонько повернул дверную ручку. Нет, дверь заперта, черт бы ее побрал.

И вдруг в квартире раздались шаги. Он попятился, но слишком поздно. Дверь начала

открываться, шире, шире.

В распахнутой двери в изумлении и растерянности стояла девушка в белом халатике. Хорошенькая, невысокого роста, темноволосая, большущие карие глаза. Местами на тонкой и мягкой ткани халата проступили влажные пятна, и он понял, что она только что вышла из-под душа. Глаза ее перебегали с его лица на пистолет в правой руке, потом рот раскрылся, но она не издала ни звука. Она попыталась захлопнуть дверь, но он успел вставить в щель ногу и изо всей силы толкнул дверную створку.

Она попятилась в глубину комнаты. Он прикрыл и запер дверь.

— Мисс Фрэнклин? — спросил он негромко.

Она еле заметно кивнула, скованная ужасом. Она видела рисунки на первых страницах всех газет, в передачах всех телевизионных станций. Ошибки быть не могло, перед ней стоял тот самый человек, которого ищет Стив.

— Поговорим? — предложил он Тедди.

У него был приятный голос, вкрадчивый, почти слащавый. И на убийцу он не был похож, в другое время он показался бы ей даже симпатичным, но почему же он убил этих полисменов, боже милостивый, как такой вполне приличный…

— Вы меня слышали? — вновь обратился он к Тедди.

Она кивнула. Она читала по его губам, она понимала все, что он говорит, но как ей…

— Что известно вашему приятелю?

Направленный ей в грудь тяжелый пистолет он держал так привычно, будто уже сжился с таившейся в нем гибельной угрозой, так небрежно, словно считал его скорее игрушкой, а не изрыгающим смерть оружием.

— В чем дело? Вы испугались?

Она дотронулась пальцами до своих губ и широко развела руки жестом полной безнадежности.

— Что такое? — озадаченно спросил он.

Она повторила выразительный жест беспомощности.

— Ну, хватит! — раздражаясь, воскликнул он. — Скажите хоть слово, в конце концов. Чего вы так перепугались?

Тедди вновь развела руки жестом отчаяния, подчеркивая его на этот раз энергичным движением головы. Он следил за ней со все возрастающим любопытством.

— Вот это номер! — озарило его наконец. — Немая, что ли? Точно, немая! Вот это да!

Он расхохотался. Издевательский хохот бился о стены, заполняя всю комнату. Вдруг смех замер на его губах, и он подозрительно пригляделся к ее лицу.

— Эй, а ты меня не дурачишь?

Она изо всех сил замотала головой, плотнее стягивая на груди тонкую ткань халатика.

— А ведь это совсем неплохо, а? — порадовался он. — Кричать ты не можешь, звонить не можешь, вообще ничего не можешь, так, что ли?

Тедди сглотнула, не сводя с него испуганных глаз.

— Так что твоему Карелле известно? — спросил он.

Тедди затрясла головой.

— В газете пишут, что он напал на след. Он знает обо мне? Знает, кто я?

Тедди снова отрицательно покачала головой.

— Так я тебе и поверил!

Она закивала головой, пытаясь убедить его, что Стиву ничего не известно. О какой газете он говорил? Что имел в виду? Тедди вновь широко развела руки жестом полного неведения, надеясь, что он ее поймет.

Он достал из кармана и протянул ей газету.

— Четвертая страница. Почитай-ка. А я пока присяду. Плечо у меня, черт бы его!..

Он сел, дуло пистолета продолжало смотреть ей в грудь. Тедди раскрыла газету и стала читать, качая головой.

— Ну?

Она еще выразительнее мотнула головой. „Нет, это все неправда. Нет, Стив никогда бы не сказал ничего подобного. Стив…“

— Что он тебе рассказывал?

„Ничего, ни слова он мне не говорил“. Лицо Тедди задвигалось в мучительной попытке убедить его.

— А в газете пишут…

Она брезгливо швырнула газетные листы на пол.

— Вранье, по-твоему?

„Да! Да! Да!“ — кричало все ее лицо.

Глаза его сузились подозрением.

— Это ты брось. Газеты не врут.

„Врут, врут“, — скривилось отвращением ее лицо.

— Когда он придет?

Она застыла в неподвижности, напрягая все мышцы лица, умоляя глаза, чтобы они не выдали ничего этому убийце с пистолетом.

— Но вообще-то должен прийти?

Она покачала головой:

— А вот это ты врешь. По лицу вижу. Придет, придет, как миленький!

Она стремглав бросилась к двери. Он схватил ее за руку и без всяких усилий швырнул через всю комнату. Она упала на пол, разлетевшиеся полы халатика высоко обнажили ноги. Тедди поспешно запахнула халат, закрывая колени.,

— Без фокусов, — назидательно предупредил ее он.

Дыхание ее участилось, стиснутое страхом горло с трудом пропускало воздух. Она почувствовала в нем смертельную опасность, свернутую в тугую пружину, готовую молниеносно развернуться, как только появится Стив. Но Стив сказал, что будет занят, до полуночи. Да, он сказал до полуночи, а до полуночи еще ох сколько часов! А за это время…

— Только что из-под душа? — поинтересовался он.

Тедди, не шевелясь, смотрела на него во все глаза.

— Ничего у тебя ножки, — одобрительно заметил он, и Тедди ощутила на себе его раздевающий, грубо ощупывающий взгляд. — А что у тебя там под халатом?

Ее глаза расширились.

Он гадко расхохотался.

— Так я и думал! Умница. Самое оно по такой жарище. Так когда, говоришь, твой Карелла-то явится?

Она не отвечала.

— В семь? В восемь? Девять? Он что, сегодня дежурит? В какую смену? С четырех до двенадцати? — Он следил за ее лицом. — Не хочешь отвечать? А я и сам знаю. С четырех до двенадцати, значит. Иначе давно бы уже был здесь. Ладно, подождем. Выпить у тебя найдется?

Тедди кивнула.

— Чем богата? Джин? Бербон[49]? Все-таки джин. Тоник есть? Да ты что, нет? А клаб-сода[50]? Годится. Давай, угощай. Эй, ты куда это собралась?

Тедди повела рукой в сторону кухни.

— Я с тобой, — заявил он. Они прошли в кухню. Тедди открыла холодильник и достала початую бутылку содовой.

— А свеженькой нет, что ли?

Она стояла к нему спиной и не видела движений его губ. Он захватил в горсть ткань на

---

49 Кукурузное виски.

50 Газированная содовая вода.

ее плече и рывком повернул лицом к себе. Рука его продолжала тискать ее плечо.

— Непочатой нет, что ли, спрашиваю? — повторил он.

Она кивнула и достала другую бутылку. Взяла из лотка лимоны и повернулась к буфету за джином. Щедро плеснула в высокий стакан, отмерила чайную ложку сахара. Выдвинула верхний ящик буфета.

— Только не балуй!

Он увидел, что в ее руке появился нож. Тедди разрезала лимон и выдавила обе его половинки в стакан, на три четверти долила содовой водой. Вернулась к холодильнику за льдом. Протянула ему сразу запотевший стакан.

— Теперь себе! — распорядился он.

Она покачала головой.

— Себе наливай, тебе сказано! — повысил он голос. — В одиночку не пью.

Она приготовила себе коктейль.

— Пошли. Назад, в гостиную!

Они вернулись в гостиную. Он расположился в кресле, морщась и покряхтывая, подвигался, устраивая больное плечо.

— Когда в дверь постучат, — предупредил он, — сиди тихо, понятно? Не двигаться, понятно? А пока иди, отопри.

Тедди подошла к двери и отперла замок. Только теперь, зная, что дверь не заперта, зная, что Стив войдет и наткнется на брызжущий смертью ствол пистолета, она почувствовала, как настоящий страх заполняет ее цепенеющее сердце.

— О чем задумалась?

Тедди пожала плечами и села напротив него лицом к двери.

— Вкусно, — похвалил он ее. — Давай, пей.

Она пригубила стакан.

— Придется его убить, — сообщил он ей.

Она уставилась на него расширившимися глазами.

— Хотя теперь какая разница? Одним полисменом меньше, одним больше… С другой стороны, может, чем больше, тем лучше. Ты как думаешь?

На лице ее отразилось недоумение.

— Нет, правда, это здорово получится, — стал объяснять он Тедди. — Если твой Карелла что-то знает, его надо убрать. А если ему ничего не известно, сойдет для полноты картины.

Он опять осторожно завозился в кресле.

— Господи, что же мне с этим плечом делать! Как тебе нравится этот дерьмовый доктор, а! Каков подлюга! Я-то думал, им лечить положено.

„Да он говорит совсем как обыкновенный человек, — подумалось Тедди. — Разве что о смерти говорит так просто, что мурашки по коже. Он хочет убить Стива“.

— Мы в Мехико собрались податься, понимаешь? Должны были отбыть сегодня днем, да вот твой приятель объявился со своими идеями. Ладно, махнем завтра утром. Вот только здесь закончу. — Он помолчал. — Как думаешь, в Мехико приличный доктор найдется? Господи, чего только ради бабы не сделаешь! Ты-то когда-нибудь любила?

Она не сводила с негр глаз в растерянности и недоумении. Не похож он на убийцу. Тедди кивнула.

— Кого? Этого твоего легавого?

Тедди подтвердила кивком головы.

— Да, плохо твое дело. — Он, казалось, был искренне огорчен. — Очень плохо, дорогуша, но помочь ничем не могу. Выхода у меня нет, сама понимаешь. С самого начала не было. Раз начал, надо идти до конца. Теперь это вопрос жизни и смерти. Или я, или он. Эх, чего только ради бабы не сделаешь! Да ты и сама знаешь, чего говорить. Ты бы ведь смогла убить ради него?

Тедди заколебалась, не решаясь ответить.

— Ну, ради него, чтобы быть с ним, ты бы смогла убить? Разве нет?

Она кивнула.

— Ну? Вот видишь, — довольно улыбнулся он. — Я же тоже не убийца. Не профессионал. Я механик. Отличный механик. Как думаешь, найду я себе работу в Мехико?

Тедди пожала плечами.

— Да уж наверняка найду. Машины-то у них должны быть? Машины везде есть. А потом, когда здесь поостынет, вернемся в Штаты. Какого черта, должно же здесь все улечься рано или поздно. Так что я тебе хочу сказать. Я не профессиональный убийца, не думай. Самый обыкновенный человек.

Он видел по ее глазам, что она ему не верит.

— Не веришь, значит? Так вот что я тебе скажу. Иногда просто нет другого выхода. Вот все тебе кажется безнадежно, конец, и когда кто-то говорит, что все-таки какая-то надежда есть, хватаешься за любую возможность. Да я пальцем никого не тронул, пока не убил этих полисменов. Думаешь, я хотел их убивать? Во- прос жизни и смерти. Или я, или они. Да разве тебе понять, глушня ты бессловесная!

Она застыла в неподвижности, не сводя с него глаз.

— Слушай, я много повидал в этой жизни, ох как много! И баб у меня было столько, что тебе и не сосчитать. Но эта! С этой все по-другому. С самого начала, с первой минуты. Когда без этой женщины просто не можешь… С тобой творится такое, что не можешь есть, не можешь спать, все из рук валится. Только о ней и думаешь целый день. И что остается делать, когда осознаешь, что не можешь быть с ней пока… Как бы это сказать… Пока ты… Да какого черта! Она ведь просила у него развода! Разве я виноват, что он оказался таким упрямым, просто как осел. Ну, ни в какую, ни себе, ни людям. Вот и остался со своим упрямством… Только теперь в могиле.

Тедди наконец оторвала глаза от его лица. Взгляд ее устремился на дверь за его спиной, потом остановился на дверной ручке.

— Да еще двух дружков с собой потащил. — Он посмотрел в свой опустевший стакан. — Ничего не попишешь. Сам не захотел образумиться, стоял и стоял на своем. Такая женщина, как она… Господи, да что угодно ради такой женщины сделаешь… Все, что угодно! Только увидишь ее, а тебя уже всего дрожь коло…

Тедди завороженно уставилась на дверную ручку. Внезапно она вскочила на ноги, размахнулась и что есть силы бросила свой стакан ему в лицо. Стакан задел ему лоб, джин, содовая и кусочки льда миниатюрным водопадом плеснули на его широкие плечи. Он взметнулся из кресла с перекошенным болью и злобой лицом, пистолет дернулся вверх, нацеливаясь в голову Тедди.

— Сука безмозглая! — взвыл он. — Ты что, взбесилась?!

Глава 22

Ровно в шесть тридцать Карелла пулей вылетел из участий.

Хэвилленд еще не вернулся с ужина, но ждать Стив дольше уже не мог ни минуты. Он не хотел оставлять Тедди одну в ее квартире после того идиотского трюка, что выкинул Сэвидж.

До Риверхеда Стив добрался в рекордное время, не обращая внимания ни на дорожные знаки, ни на сигналы светофоров. Он вообще не замечал ничего вокруг. Им владела только одна мысль, и одна эта мысль замкнулась на вооруженном пистолетом убийце и лишенной дара речи девушке.

Подъехав к дому, Карелла тут же взглянул на ее окно. Шторы были опущены. Все казалось очень спокойным. Он перевел дыхание и вошел в парадное. Но когда начал подниматься по лестнице, сердце опять почему-то тревожно заколотилось. Он понимал, что беспокоиться вроде нет оснований, но не мог избавиться от неотступного чувства, что писанина Сэвиджа поставила Тедди под прямую угрозу.

Карелла остановился у ее двери и прислушался. Из квартиры доносилось беспрерывное монотонное бормотание, словно там было включено радио. Он взялся за дверную ручку. Как и всегда, несколько раз медленно повернул ее из стороны в сторону, ожидая услышать приближающиеся шаги Тедди, зная, что она устремится к двери, как только увидит условный сигнал.

В квартире раздался скрип отодвигаемого кресла, и вдруг кто-то со стоном взвыл:

— Сука безмозглая! Ты что, взбесилась?!

Он все понял в то же мгновение. Выхватил револьвер, резко толкнул дверь и нырнул через порог, падая ничком на пол.

Человек в черном обернулся, пистолет в его руке дернулся.

Карелла повел стволом невысоко над полом. Его первые две пули попали человеку в черном в бедро. Тот рухнул лицом в пол, пистолет выпал и откатился в сторону.

Карелла взвел курок револьвера и остался лежать, выжидая.

— Сволочь ты! — простонал человек в черном. — Какая же ты сволочь!

Стив медленно поднялся на ноги, не сводя глаз и револьвера с лежавшего, подобрал пистолет и засунул его в задний карман брюк.

— Ты как, Тедди, в порядке? — На миг подняв к ней голову, спросил он.

Тедди кивнула. Она тяжело дышала, не сводя расширившихся глаз с лежавшего на полу человека.

— Спасибо, что предупредила, — успокаивающе улыбнулся ей Карелла и повернулся к раненому.

— Вставай, — приказал он.

— Как я встану, сволочь ты этакая, — простонал тот. — Ты за что меня искалечил?

— А за что ты убил трех полисменов?

Человек в черном умолк.

— Имя? — спросил Карелла.

— Мерсер. Пол Мерсер.

— Ты что, не выносишь полисменов?

— Я их обожаю.

— Тогда в чем дело?

— Вы же все равно проверите мой пистолет, а? Будете сравнивать с теми пулями, что у вас уже есть?

— Можешь не сомневаться, — подтвердил Карелла. — У тебя никаких шансов, Мерсер.

— Это она меня подговорила. — Смуглое лицо Мерсера повело злобной гримасой. — Она и есть убийца. А я только курок спускал. Она сказала, что его нужно убить, другого выхода нет. Остальных мы решили… заодно уж с ним, чтобы обставить, как она задумала, вроде это псих какой с цепи сорвался… Это ее идея. Что же мне теперь одному отвечать?

— Чья идея, о ком ты говоришь? Кто задумал?

— Элис, — ненавидяще процедил Мерсер.

Элис Буш в строгом костюме спокойного серого цвета сидела в кабинете следственно-розыскного отдела, небрежно положив ногу на ногу.

— Сигарета найдется, Стив? — ровным голосом обратилась она к Карелле.

Карелла протянул ей сигарету, но спичку для нее зажигать не стал. Элис посидела немного в выжидательной позе, зажав сигарету в углу рта, пока не поняла, что ей придется закуривать самой. Невозмутимо чиркнула спичкой и неторопливо затянулась.

— Ну, так что? — спросил Карелла.

— А что? — Она равнодушно пожала плечами. — Это уже все позади, Стив.

— А ты ведь действительно ненавидела его. По-настоящему. Господи, как же ты должна была его ненавидеть!

— Хорошо излагаешь, Стив. С чувством. Аж за душу берет.

— Не кривляйся, Элис! — повысил голос Карелла. — Я в жизни на женщину руки не поднял, но клянусь Богом…

— Остынь, Стив. Все позади. Вот получишь свою медальку и…

— Элис! — вновь предостерег ее Стив, едва сдерживая себя.

— Что Элис? Ну что Элис? Чего ты от меня хочешь? — взорвалась она. — Чтобы я билась здесь в истерике? Не дождетесь! Да, я его ненавидела, доволен? Да, да, да! Ненавидела его ручищи, вечно лапает тебя, когда не просят! Ненавидела его дурацкую рыжую шевелюру, вечно торчком, как у клоуна! Ненавидела его идиотские… Да я все в нем ненавидела! Доволен теперь?

— Мерсер говорит, что ты просила у Хэнка развода, это правда?

— Нет. Я не просила у него развода. Он бы никогда в жизни не согласился.

— Почему ты не оставила ему этот шанс?

— Зачем? А он мне давал хоть один шанс? Сиди взаперти в проклятой квартире, жди, когда он соизволит вернуться с какого-нибудь ограбления или поножовщины, или что там у вас еще. И это жизнь? Разве женщина так должна жить?

— Ты знала, что он полисмен, когда выходила замуж.

Элис промолчала.

— Могла бы попросить развода, Элис. Ведь могла бы хоть попробовать!

— Да не нужен мне был развод, черт бы тебя побрал, Стив! Я хотела, чтобы он исчез. Совсем. Навечно.

— Ты своего добилась. Хэнк мертв. Он и еще двое. Можешь радоваться.

Элис неожиданно лукаво улыбнулась.

— Все это меня не очень волнует, Стив.

— Нет? — искренне удивился Карелла.

— Среди присяжных наверняка будут мужчины, — Элис помолчала. — А я мужикам нравлюсь.

Среди присяжных оказалось восемь мужчин. На обсуждение вердикта у них ушло ровно шесть минут. Пока старшина присяжных зачитывал вердикт, а судья выносил приговор, Мерсер жалобно и безостановочно всхлипывал. Элис слушала в холодном бесстрастии, выпрямив спину и плечи, высоко вскинув голову.

Присяжные признали их обоих виновными в убийстве первой степени, и судья приговорил их обоих к смертной казни на электрическом стуле.

19 августа был оглашен приговор Стивену Карелле и Теодоре Фрэнклин.

— Известна ли кому-либо из вас какая-нибудь причина, препятствующая вам сочетаться законным браком? Если среди присутствующих есть кто-либо, кто мог бы представить какую-нибудь вескую причину, препятствующую сторонам сочетаться законным браком, пусть изложит ее сейчас или впоследствии хранит молчание.

Лейтенант Барнс хранил молчание. Детектив Хэл Уиллис не вымолвил ни слова. Немногочисленное собрание родственников и друзей молча любовалось Стивом и Тедди увлажненными глазами, полными умиления.

Клерк повернулся к Карелле.

— Берете ли вы, Стивен Луис Карелла, эту женщину своей женой для совместной жизни в законном браке? Будете ли вы, как и подобает верному мужу, любить, почитать и заботиться о ней в здравии и недугах, в радости и тягостях?

— Да, — заторопился Карелла. — Буду. Я согласен. Да.

— Берете ли вы, Теодора Фрэнклин, этого мужчину своим мужем для совместной жизни в законном браке? Будете ли вы, как и подобает верной жене, любить, почитать и заботиться о нем в здравии и недугах, в радости и тягостях?

Тедди кивнула. Глаза ее были полны слез, но с лица не сходила счастливая улыбка.

— Поскольку вы оба изъявили согласие на брак и подтвердили его перед всеми

присутствующими, я врученной мне законами этого штата властью объявляю вас мужем и женой. Да благословит Бог ваш союз!

Карелла заключил Тедди в объятия и запечатлел на ее мокром от слез личике долгий поцелуй. Клерк расплылся в улыбке. Лейтенант Барнс солидно прокашлялся. Уиллис уставился в потолок. Когда Карелла весьма неохотно освободил Тедди из своих объятий, ее поцеловал клерк. Потом ее целовал Барнс. Потом ее целовал Уиллис. За ним выстроилась в очередь целовать Тедди вся мужская часть родственников и. друзей.

Карелла взирал на все это с идиотски-радостной улыбкой.

— Ты давай возвращайся поскорее, — деловито сказал ему Барнс.

— Что значит поскорее? У меня медовый месяц, Пит!

— Все равно не задерживайся. Как же мы без тебя обойдемся? Ты у нас единственный полисмен в городе, который нашел в себе мужество восстать против упрямого и своевольного лейтенанта Барнса из…

— О, да пошел ты к черту, Пит! — рассмеялся Карелла.

Упорно молчавший до сей поры Уиллис крепко и с чувством тиснул ему руку.

— Удачи, Стив! Чудесная она у тебя девушка!

— Спасибо, Хэл.

Подошла Тедди. Он обнял ее за плечи.

— Ладно. Пошли, что ли, Тедди?

Они вышли из зала рука об руку.

Барнс проводил их завистливым взглядом.

— Отличный он все-таки полисмен, — с вызовом заявил лейтенант Уиллису.

— Это уж точно, — легко согласился тот.

— Пошли и мы, — предложил Барнс. — Посмотрим, что у нас в конторе творится.

Они не спеша направились вдоль по улице.

— Погоди, газетку прихватим, — вдруг попросил Барнс.

Он остановился у киоска и купил выпуск газеты, в которой подвизался Сэвидж. Сообщения о процеосе уже были оттеснены с первых страниц, уступив место куда более важным новостям.

Лаконичные заголовки ликующе возвещали:

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ!
ЖАРЕ КОНЕЦ!

ТАКОВА ЖИЗНЬ

Заметки поклонника Эда Макбэйна о его творчестве и нашей действительности

Всего лет десять назад московские издатели с негодованием, но категорически отвергали все предложения опубликовать переводы детективных, повестей Эда Макбэйна, на мой взгляд, лучшего представителя „полицейского жанра" в современной американской литературе. Причин обычно выдвигалось две.

Первой, как давали понять издатели, поднаторевшие в те времена в красноречивых взглядах на потолок и не менее выразительном шевелении пальцами, бровями, плечами и другими частями всего своего послушного „верхам" организма, являлось то, что объекты литературного и гражданского интереса писателя из США почему-то относились к запретным тогда в СССР темам. Прикосновение к „язвам капитализма" — наркомании и подростковой преступности, насилию и жестокости, расовой и национальной ненависти и к порождающим их бездуховности и падению нравов — каким-то причудливым образом оказывалось слишком болезненным для советского общества. Сталкиваясь в нашей повседневности с социальными пороками, официально приписанными исключительно к „забугорному" миру, мы воздерживались говорить о них вслух, предпочитая верить, что в судьбах проститутки нового социалистического типа и ее горемычной сестры по ту сторону

сплошного кольца буржуазного окружения нет ничего общего.

К слову сказать, я глубоко убежден, что отечественный Джек Потрошитель, печально знаменитый детоубийца Ионесян, столь долго оставался неуловимым именно потому, что обраставшие невероятными слухами вести о каждой его новой жертве обсуждались среди перепуганных граждан глухим шепотом — как государственная тайна вроде рецепта топлива для межконтинентальных ракет.

Безгласность и двойной стандарт общественного сознания стали изумительно калорийной средой, взрастившей у нас преступность в таких масштабах, что мы можем смело бросить вызов Америке, не отводя при том глаз, как это случается, когда речь заходит о производстве молока и мяса на душу нашего затравленного доморощенной мафией населения.

Вторую причину московские издатели называли открыто — без обиняков и стеснения. Повести Эда Макбэйна объявлялись неправдоподобными, поскольку американские полисмены представали в них самыми обыкновенными. нормальными" людьми, а многие из них вызывали даже приязнь и симпатию. Короче говоря, Макбэйн никак не „вписывался" в бытовавшие у нас в те годы гласные понятия об „их" жизни — да и о нашей собственной тоже.

Регулярно постигающее нас коллективное прозрение обладает весьма примечательным свойством. То, что прежде мы видели черным, вдруг становится белым — и наоборот. Никаких оттенков, которыми так богата, так трудна, но и так привлекательна жизнь, похоже, просто не существует. Американский полисмен, со сладострастием садиста паливший вчера по неграм, безработным и младенцам без разбора, сегодня, если согласиться с советскими средствами массовой информации, озабочен лишь поисками растерявшихся в уличном водовороте бабулек, чтобы помочь им перейти оживленную магистраль. Мы сразу забыли, что, несмотря на перестройку в СССР, американский индеец Леонард Пелтиер продолжает отбывать два пожизненных тюремных заключения за преступление, которого он не совершал.

Теперь, когда советский человек получил не только беспрепятственный — и даже, пожалуй, слишком — доступ к западной детективной литературе, но и воочию, во всяком случае посредством телевидения, лицезреет живых „тамошних" сотрудников правоохранительных органов, и даже в деле на улицах наших городов, можно сказать, что фортуна, наконец, обратила свое лицо к Макбэйну и в СССР, где уже вышло в свет несколько его повестей. Одновременно очень повезло и советскому читателю.

Уверен, что, подобно тому, как это произошло на Западе, нам скоро приедятся сверхпроницательные и сверхловкие супермены, совершающие свои фантастические „подвиги" в вымышленном, ирреальном социальном вакууме. Действуют в хлынувших на нас книгах, кинолентах и телефильмах — причем не только зарубежных — одинокие преступники, одинокие жертвы, одинокие правдоискатели и одинокие сыщики так, будто преступление есть их личное дело, а общества не существует вовсе, словно перипетии их судеб не обусловлены жесткими законами общественного уклада и образа жизни.

Персонажи Макбэйна в этом смысле — антигерои. Они действительно самые обыкновенные „нормальные" люди, старающиеся, как и большинство их сограждан, профессионально и добросовестно исполнять свою работу, отличающуюся от любой другой

только тем, что им постоянно приходится сталкиваться с преступлением, вступать в схватку со злом, какие бы обличья оно не принимало. Но автор отнюдь не идеализирует героев своих повестей — даже тех, симпатий к кому не скрывает. Не умалчивает о том, что наряду с готовностью блюсти закон двадцать четыре часа в сутки в полицейской среде бытуют и взяточничество, и рукоприкладство, и грубость. Дай просто леность и некомпетентность.

Встречаются нам полисмены на страницах его произведений не в роскошных апартаментах фешенебельных отелей, не на борту лебедино-белых красавиц яхт, не в ворочающих миллионами твердой валюты казино, куда так часто, стремясь поразить

воображение обывателя, помещают своих суперсыщиков многие авторы детективных романов. Большинству американцев подобный антураж столь же близок, как, скажем, и мне, и потому „быкам“ из повестей Макбэйна приходится „пахать“ в трущобах и в гордой опрятности бедных каморок, в портовых доках и в средней руки конторах, в смрадных подвалах и глухих переулках, в бильярдных и барах… Куда только ни заводит их полицейский сыск, но американцы всегда могут узнать „родные места" — свою или соседнюю улицу, парк неподалеку от своего дома, любимую „забегаловку“ в двух минутах ходьбы… Знакомит Макбэйн читателя и с далеко не уютной обстановкой полицейского участка, дает редкостную возможность увидеть полицейскую работу словно изнутри.

Жизнь, однако, состоит не из одной лишь работы, и мы „попа-даем“ в дома детективов, „присутствуем" при их семейных ссорах и на свиданиях с их подружками, проникаемся их житейскими проблемами, которых у „сыскарей" оказывается ничуть не меньше, чем у других людей. Что же, такова жизнь, и Макбэйн, верный своему творческому кредо, правдиво бытописует жизнь такой, как она есть. А мы должны быть только благодарны автору за то, что столь много узнали из первых уст о быте, нравах, предрассудках и привычках американцев.

Вот это стремление к жизненной правде и достоверности и принесло Макбэйну головокружительный успех. Первая же его повесть „Охота на сыщиков", вышедшая в свет в 1956 году, вызвала настоящий ажиотаж среди издателей и читателей. Однако к славе автору было не привыкать — на Олимп детективной литературы за одну ночь, как любят выражаться американцы, под псевдонимом Эд Макбэйн взошел уже хорошо известный, можно сказать, знаменитый „серьезный" литератор Ивэн Хантер. Тот самый, что так ярко и громко заявил о себе романом „Школьные джунгли", по которому был снят нашумевший одноименный фильм. И именно в этой картине состоялся кинематографический дебют рок-н-ролла, начавшего свое неодолимое триумфальное шествие по всему миру. Упоминаю об этом не для красного словца, а в подтверждение прозорливости писателя, от верного и цепкого взгляда которого не ускользает ни одно — даже только нарождающееся — явление в окружающей жизни, и особенно в молодежной среде, всегда привлекавшей пристальное внимание художника, гражданина и патриота.

Это совсем не высокопарная фраза. Я глубоко солидарен с жизненной и творческой позицией Макбэйна, которая лейтмотивом проходит через все его произведения, но особенно четко выражена в повести „Выбор убийцы". Автор не приемлет посягательства на человеческую жизнь. Для него убийство любого человека — от именитого в повести „80 миллионов глаз" до самого неприметного в повести „Топор", которая в русском переводе озаглавлена „Человек, который был рядом", — есть аморальнейшее, чудовищное злодеяние, уничтожающее целый ни с чем не сравнимый и неповторимо своеобразный и многогранный мир, злодеяние, которое вместе с жизнью отнимает у человека святое святых — душу, оставляя искалеченную и окровавленную телесную оболочку. Без этой души, без этого одного-единственного „маленького" человека вселенная становится невосполнимо беднее.

И если Макбэйн может еще иронически подтрунивать над незадачливым мелким воришкой, а то и посочувствовать ему, то в разоблачении духовной и нравственной нищеты убийцы он не ведает пощады. Даже в тех случаях, когда как истинный художник и исследователь жизни не может не сострадать убийце, потому что знает подлинного виновника преступления — среду обитания, общество, вытолкнувшее слабого духом из рода человеческого в отверженную касту нелюдей и выродков.

Столь же безжалостен он и к тем, кого считает особо изощренными убийцами, растягивающими пытку медленной смертью на годы, — к „толкачам", как прозвали в Соединенных Штатах уличных торговцев наркотиками, и к прячущимся в тени заправилам наркобизнеса, снабжающим их отравным зельем. И чтобы резче высветить страшную проблему наркомании и наркоманов, в повести, которая так и называется „Толкач", писатель поселяет эту беду в доме одного из своих любимцев, полицейского лейтенанта Барнса. Глубоко гуманен и, кстати, небесполезен и для нашего общества вывод, к которому подводит

читателя автор. Нет, не отвращение, не презрение, не отвержение и не ужесточение преследований против больного, по сути, человека, но лишь понимание, доброта, сострадание, твердость и настойчивость помогают Барнсу и его друзьям отнять своего сына Ларри, злонамеренно приобщенного к наркотикам „толкачом" с целью шантажа лейтенанта, у „белого убийцы", как многозначительно называют американцы героин.

Во всех повестях Макбэйна — а их более трех десятков, многие вошли в телесериал „87-й полицейский участок" — границы нравственности зримо очерчены степенью подвластности Ее Высочества человеческой души Ее Величеству частной собственности, незыблемость и неприкосновенность которой охраняется в Соединенных Штатах на уровне конституции и бытового сознания. Культ частной собственности неизбежно ведет к девальвации самоценности человека, превращая его, по существу, в объект товарно-денежных отношений. Одна из героинь, весьма Макбэйну неприятная, говорит о своем муже: „Он ведь мое единственное капиталовложение, дело всей моей жизни… Он мой бизнес. И я вложила много ценного в этот бизнес… А когда моему капиталовложению угрожает смазливая бабенка, я поступаю так, как мне подсказывает здравый смысл". Здравый смысл подсказал ей раздобыть пистолет, тщательно подготовить себе алиби и хладнокровно расстрелять соперницу, покусившуюся на ее „капиталовложение". Мне, честно говоря, даже в кавычках неловко называть так пусть ветреного, но все же натурального человека.

Мне и в голову не приходит предположить, что литературнохудожественное предупреждение Макбэйна может охладить яростный пыл, с которым у нас рвутся к безбрежному возрождению частной собственности. Но я хочу надеяться хотя бы на некоторое отрезвление, которое помогло бы нам задуматься о фугасно-осколочных последствиях столкновения нашего изрядно оскудевшего духовностью и не столь уж изобильного нравственностью общества с рынком, который ежеминутно испытывает человеческую душу на прочность. Хотя бы одним только всепоглощающим духом стяжательства и конкуренции, когда каждый сам за себя и против всех остальных. Ведь у нас даже сейчас, еще в одних только разговорах о переходе к рынку уже убивают себе подобных — и не за место под солнцем, а за место в очереди к мясному прилавку.

Я вовсе не против частной собственности, я за то, чтобы мы втягивались в рыночные отношения одновременно и непременно с сотворением внутри себя мощных самоограничителей — высоких нравственных и моральных норм, строгих понятий о чести и достоинстве и поголовного четкого правового сознания.

Такой урок извлекаешь из криминальных историй Макбэйна. Побуждая читателя глубже вглядеться в вымышленные характеры, автор показывает людей, их отношения и окружение в самых различных ситуациях и самых различных планах. Проза Макбэйна лаконична и отточена, порой жестка, а местами даже, может быть, мрачновата. Вместе с тем ее отличают на редкость тонкий юмор, сжатые, однако чрезвычайно выразительные и запоминающиеся литературные портреты персонажей и психологические мотивировки их решений и поступков. Иными словами, он-легко преодолевает стену между художественной литературой в полном смысле слова и детективом, которая нередко воздвигается невзыскательными авторами „легкого" чтива, строчимого на потребу непритязательной публике. Детектив у Макбэйна, для которого преступление и следствие являются не самоцелью, а поводом, становится исследованием человеческой души, психологических, бытовых и социальных условий ее существования. Стремясь максимально приблизить свои книги к реальной жизни, автор часто прибегает к своеобразному приему, публикуя на их страницах подлинные образцы казенных бумаг, встречающихся в повседневной практике полисменов. Жаль, конечно, что в русских переводах повторить этот остроумный ход писателя почти невозможно — ведь это будет совсем не тот документ.

Читатель, наверное, заметит, что Макбэйн намеренно приземляет — нисколько при этом не принижая и не унижая — своих героев и сам процесс полицейского сыска. Сознательно лишая полисменов и противостоящее им уголовное подполье этакого псевдоромантического налета, дымки или, если угодно, ореола. Макбэйн делает для людей

очень доброе дело. Потому что каждый из нас живет в иллюзорной уверенности, что жертвой преступника может стать кдо угодно, только не он сам. И только тогда, когда каждый из граждан проникнется осознанием, что опасность нависла лично над ним и отпор уголовщине есть его личное дело, только тогда блюстители порядка, называйте их „быками" или „ментами", одолеют „блатарей". Преуспеть они смогут лишь в атмосфере всеобщей и полной нетерпимости к любым правонарушениям, всеобщего, полного и неукоснительного уважения к духу и букве закона. -

Поэтому Макбэйн столь строг и требователен к своим героям. Для него полисмены от остальных граждан принципиально отличаются лишь одним — на них лежит дополнительное бремя служить символом законности и порядка, и автор хочет, чтобы они и в книгах, и в жизни отвечали этому высокому назначению.

Черпая свои сюжеты из действительности, которая бывает страшнее любого вымысла, писатель не старается пощекотать нервы обывателю, жаждущему острых ощущений. Такова жизнь, и Макбэйн честно рассказывает правду о том, что видит вокруг себя, реализуя долг художника и гражданина в стремлении помочь своим недюжинным талантом сделать эту жизнь лучше и чище.

Полагаю, что людям нашей страны, поставившим сейчас перед собой эту же многотрудную задачу, читать Макбэйна будет полезно. И, конечно, интересно — это же все-таки детектив в лучшем его виде.

Александр Обухов